

Е.С.СЕНЯВСКАЯ

**ЧЕЛОВЕК
НА ВОЙНЕ**

**ИСТОРИКО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Е.С.СЕНЯВСКАЯ

**Ч Е Л О В Е К
Н А В О Й Н Е**

**ИСТОРИКО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ**

МОСКВА
1997

042(02)1

Книга посвящена одной из ключевых проблем российской истории на ее переломных этапах – роли психологического фактора в вооруженных конфликтах XX века (на примере двух мировых и афганской войн).

На основе редких архивных документов и материалов “устной истории” автор рассматривает самоощущение человека на войне; факторы, влияющие на его поведение в экстремальных ситуациях; особенности фронтового быта; проблемы выхода из войны, включая “афганский синдром”; эволюцию понятий “свой-чужой” и формирование образа врага в разных войнах; бытовую религиозность на войне; феномен массового участия женщин в войнах XX столетия.

Для специалистов-историков, психологов и всех, кто интересуется историей Отечества.

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор *А.К. Соколов*

ISBN 5-201-00000-0

© Институт российской истории РАН, 1997 г.

*Моим друзьям,
вернувшимся с войны*

ВВЕДЕНИЕ

"Иногда человеку кажется, что война не оставляет на нем неизгладимых следов, но если он действительно человек, то это ему только кажется".

Константин Симонов

На протяжении всей своей истории Россия пережила немало войн, и XX век не стал в этом смысле исключением. Напротив, самыми тяжелыми и кровопролитными оказались схватки именно новейшего времени – две мировых войны (1914-1918 и 1939-1945 гг.), причем обе были названы современниками Великими и Отечественными, хотя потом, в силу исторически сложившихся обстоятельств, Первая мировая утратила эти патриотические имена. Но и "довоенный", и особенно "межвоенный" периоды, выпавшие на долю нашей страны, были насыщены огромным количеством больших и малых вооруженных конфликтов (Русско-японская война 1904-1905 гг., Гражданская война 1918-1922 гг., борьба с басмачеством в Туркестане в 1923-1931 гг., советско-китайский конфликт 1929 г., оказание военной помощи Испанской республике в 1936-1939 гг. и Китаю в 1937-1939 гг., конфликты с Японией в районе озера Хасан в 1938 г. и у реки Халхин-Гол в 1939 г., поход в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г., советско-финская ("зимняя") война 1939-1940 гг.).

Характерное для тех лет состояние "взведенного курка" неизбежно сказалось во всех сферах общественной жизни, но наиболее сильно отразилось в народном сознании, наложив отпечаток на судьбу нескольких поколений. Внутренняя готовность к войне, ожидание новой войны как скорой и неизбежной воспитывались и в подрастающих поколениях, родившихся в межвоенный период. А участие армии в ряде локальных конфликтов еще сильнее подпитывало этот общий настрой. Так психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта – как реального, так и потенциального. Великая Отечественная война 1941-1945 гг., действительно ставшая всенародной, пропустившая через свои армии и фронты многомиллионные массы людей, довела этот процесс до логического завершения, перенесла психологический тип личности, сформированный в экстремальной фронтовой обстановке, в гражданское общество, и на многие годы превратив его в доминирующий. Этому способствовала и нагнетавшаяся в послевоенном мире ситуация "холодной войны".

И хотя страна в целом постепенно перешла на "мирные рельсы", для Советской Армии период после окончания Второй мировой войны оказался не таким уж "мирным". Отдельные ее подразделения и части, не говоря уже о военных советниках и специалистах, принимали участие в войне в Корее 1950-1953 гг., в целом ряде локальных войн и военных конфликтов в странах Азии,

Ближнего Востока и Африки (Алжир, Египет, Йемен, Вьетнам, Сирия, Ангола, Мозамбик, Эфиопия и др.), в событиях в Венгрии 1956 г. и Чехословакии 1968 г., пограничных конфликтах на Дальнем Востоке и в Казахстане в 1969 г. Наконец, 25 декабря 1979 г. Правительство СССР приняло решение о вводе войск в Афганистан: мы ввязались в затяжную девятилетнюю войну на чужой территории. Эта печальная страница истории закончилась в феврале 1989 г. полным выводом в Союз "ограниченного контингента".

После распада СССР вспыхнули десятки вооруженных конфликтов на территории бывших союзных республик, – конфликтов, в которые оказались вовлечены различные формирования и структуры некогда единой армии единого государства. Война во всех своих проявлениях стала образом жизни сотен тысяч людей, называвшихся ранее советским народом. Мы снова вступили в войну (причем в самую страшную – гражданскую), и никто не знает, как из нее выйти. Потому что война, ставшая привычкой, вошедшая в плоть и кровь поколений, продолжает существовать – в психологии, в сознании, в душе – и после того, как она формально закончена.

В течение всего XX века в России происходила поэтапная милитаризация общественного сознания, когда в ходе больших и малых вооруженных конфликтов в гражданскую среду проникали характерные черты психологии комбатанта. Этот процесс был длительным и многоплановым, несущим в себе и негативные, и некоторые положительные черты, которые нельзя рассматривать и невозможно понять в отрыве от исторического контекста эпохи. Но для того, чтобы выяснить, каким образом, под воздействием каких факторов закладывались основы данного процесса, необходимо обратиться непосредственно к войне, в условиях которой и возникает этот социально-психологический и нравственный феномен – комбатант.

* * *

"Человек воюющий" – это особое явление, не только социальное, но и психологическое. Однако, в отличие от человека "гражданского", человека в мирной жизни, изучался он явно недостаточно. Военное искусство, техника, другие "прикладные" дисциплины – развивались весьма активно. Изучались проблемы агитации и пропаганды, методы усиления их эффективности, тесно связанные с идеологией и политико-воспитательной работой в войсках. Но реальная личность на войне почти не нашла отражения в трудах психологов, социологов, представителей других научных дисциплин, коим, казалось бы, "сам Бог велел" изучать личность в экстремальных ситуациях, выявляющих ее обычно скрытые качества. Обошла сей предмет своим вниманием и отечественная историография, которая в области исторической психологии, несмотря на отдельные относительно давние попытки, все еще делает первые робкие шаги. Между тем, определенный опыт исследования подобных явлений имеется и в отечественной, и в зарубежной науке.

Главное на войне – человек. Это всегда понимали талантливые полководцы русской армии, которые, начиная еще с петровских времен, закладывали основы изучения "душевных явлений с военной точки зрения". А с середи-

ны XIX века *военная психология* приобрела характер целостной системы и выделилась в самостоятельную отрасль военной науки. Своего расцвета она достигла в период после русско-японской и Первой мировой войн, органично сочетая теоретические изыскания и возможности применения их на практике.¹

К сожалению, в советское время эта важная и неотъемлемая часть русского военно-культурного наследия была в значительной степени утрачена или искажена. Для советской военно-психологической науки оказались характерными две крайности: первая – уклон в медицину (физиологию и психиатрию), и вторая – смешение психологии с идеологией, подмена анализа духовных явлений пропагандистскими лозунгами и декларациями. При этом терялось главное – мысли, чувства, душа человека на войне.

Сегодня, когда так много "горячих точек" на территории бывшего Союза, и люди, обожженные войной, по возвращении оттуда вливаются во все слои общества, этот "пробел" ощущается особенно сильно. Общество чувствует, что они не такие, как все, – другие, особенные, часто непредсказуемые, – и не знает, что с ними делать. Как поведут они себя в мирной обстановке, чего следует от них ожидать в той или иной ситуации, какое требуется к ним отношение? Ответы на эти и другие вопросы пытается дать военная психология. И хотя сама проблема стара, как мир, для нас она оказалась столь болезненной именно в последние годы.

Проблема носит междисциплинарный характер, поэтому исследования, в той или иной степени ее затрагивавшие, принадлежат к нескольким наукам: истории, психологии и социологии, в частности, к военным их отраслям. Исследованием психологии личности на войне занимаются такие отрасли военных наук, как военная психология и военная медицина. Огромное число военно-исторических исследований в основном обходило историко-психологическую проблематику, либо сводило ее к военно-политическому аспекту в рамках советской идеологии.² Лишь в самые последние годы наметился сдвиг в этой области, – но не в рамках военной истории, а по линии военно-психологических и военно-социологических исследований.³ К сожалению, и в них все еще присутствует характерный для советской военной психологии уклон в две крайности: с одной стороны, в медицину (физиологию и психиатрию), а с другой, – в идеологию. Что касается *военной социологии*, то до 1991 г. о ней вообще не упоминалось ни в одном социологическом справочнике, что само по себе свидетельствовало об отношении государства и армейского руководства к этой отрасли военного знания. Лишь в начале 1990-х гг. наметились определенные сдвиги. Так, журнал "СОЦИС" № 12 за 1993 г. целиком посвящен проблемам военной социологии – преимущественно современной армии, хотя содержит и ряд теоретических материалов, в том числе весьма содержательную статью И.В.Образцова "Военная социология: проблемы исторического пути и методологии".⁴

Другая категория работ, соприкасающихся с темой монографии, относится к слабо разработанной в отечественной науке области *исторической психологии*. Здесь, к сожалению, можно упомянуть лишь работы

Б.Ф.Поршнева и его учеников,⁵ так как исследования в этом направлении, начиная с конца 1970-х гг. надолго заглохли. Лишь недавно вновь возродился интерес к психологическому направлению в исторической науке, о чем свидетельствуют проведенные в Институте российской истории РАН конференции "Российская история: проблемы менталитета" (1994) и "Менталитет и политическая история России" (1996), появившиеся диссертации и публикации в журналах.⁶ Среди них есть и отдельные работы по массовой психологии в условиях войн XX века.⁷

Совершенно иной была ситуация в аналогичных отраслях зарубежной науки, – как военной, так и гражданской. Начиная с классической школы "Анналов", историческая психология активно развивалась по целому ряду направлений.⁸ Что касается собственно военной ее отрасли, то появился даже специальный термин "war mentality", обозначающий состояние умов в военное время, психологию военного времени. Одним из методологических образцов такого рода исследований может служить труд английского историка Макса Хастингса "Операция "Оверлорд": как был открыт Второй фронт", где автор на материалах "устной истории" воссоздает психологическую атмосферу высадки союзных войск в Нормандии.⁹

В целом состояние историографии позволяет сделать вывод, что хотя и существуют отдельные методические и узкоприкладные разработки в смежных областях знания, собственно историко-психологических исследований, посвященных теме монографии, практически нет. Однако, без использования исторической науки в изучении военно-психологических проблем картина не может быть полной и точной. В силу своей специфики, историческая наука одна способна восполнить целый ряд пробелов, которые образуются при разработке этих проблем другими научными дисциплинами. Во-первых, она позволяет изучать эти явления в исторической динамике, сопоставлять психологические феномены в различные периоды истории. Во-вторых, только эта наука дает возможность изучать военную психологию в наиболее полном общественном контексте – событийном, духовно-идеологическом, материально-техническом и т.д. В-третьих, именно историческая наука располагает таким специфическим исследовательским инструментарием, как источниковедение – особая ее отрасль, ориентированная на отработку методик анализа исторических источников, то есть всех видов информации, относящихся к прошлому. Наконец, историческая наука не связана с жесткими предметными рамками узконаучных дисциплин и способна синтезировать приемы и методы других наук, включая ту же военную психологию. Есть также ряд других преимуществ исторического изучения "психологии войны", которые позволяют рассматривать результаты исследования не в узконаучном значении, а ориентируясь на практику, в том числе вырабатывать практические рекомендации, опираясь на результаты сопоставления различных войн, определения основных тенденций в эволюции психологических факторов с развитием матери-

ально-технических средств ведения войны, с изменением общественных условий и т.д.

* * *

Монография посвящена одной из ключевых и практически неизученных проблем российской истории на ее переломных этапах – роли психологического фактора в вооруженных конфликтах XX века (на примере двух мировых и афганской войн). Она представляет собой первое сравнительно-историческое исследование в рамках нового научного направления "Человек на войне. Психология участников вооруженных конфликтов XX века". Тема ее избрана, исходя из огромной роли духовных явлений в войнах текущего столетия, включая современную ситуацию на территории бывшего СССР, а также влияния психологии участников этих событий на послевоенную жизнь гражданского общества.

Проблема человека на войне носит конкретно-исторический, историко-теоретический и междисциплинарный характер. Она требует анализа широкого круга источников с привлечением не только исторических, но и историко-психологических и ряда социологических методов. Необходим также выход на уровень теоретического осмысления, цель которого – проследить эволюцию психологических факторов войны на основе анализа опыта участия русской и советской армий в вооруженных конфликтах XX века. При этом задачей исследования является не только реконструкция комплекса факторов, влияющих на формирование психологии комбатантов, но и того, как условия конкретной войны влияют на их дальнейшее существование, в том числе на проявление посттравматического синдрома, на механизмы и способы адаптации к послевоенной мирной жизни.

Эта книга – продолжение работы, начатой автором в монографии "1941-1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование", которая явилась первым опытом психологического моделирования и реконструкции основных параметров воздействия на сознание условий военного времени. В ней отработывался ряд методик и была создана модель комплексного историко-психологического анализа поведения и самоощущения человека в боевой обстановке. Автор опирался на ряд методологических принципов, синтезировав идеи трех научных направлений – исторической школы "Анналов", философской герменевтики и экзистенциализма. Как оказалось, такая модель при ее доработке и конкретизации применима в качестве исследовательского инструмента к анализу других больших и малых войн XX века.

В данной монографии отражены промежуточные результаты сравнительно-исторического исследования психологии российских *комбатантов* (непосредственных участников боевых действий в составе армии) в рамках более широкого научного проекта. В ней не ставится цель охватить всю огромную область историко-психологических явлений, которую представляет человек на войне. Задача этого исследования, имеющего прежде всего постановочный ха-

ракти, скромнее: обозначить основные контуры, границы этой области, определить ключевые проблемы, встающие перед ее исследователями-историками, на материале двух больших и одной из малых войн апробировать возможности ряда методик и комплексов различных источников для ее изучения. При этом методологическими, методическими и источниковедческими аспектами исследование не ограничивается: они разрабатываются в едином ряду с конкретно-историческим анализом ряда ключевых историко-психологических проблем.

Основным предметом анализа данной книги является психология комбатантов в двух главных вооруженных конфликтах, в которых участвовала отечественная армия в XX веке – Первой и Второй мировых – и "малой" афганской войне 1979-1989 гг. Почему из всей совокупности войн в качестве объекта изучения были взяты именно эти? Такой выбор определен в первую очередь их значимостью для российской истории. События 1914-1918 и 1939-1945 гг. имеют также немало сходных черт, они сопоставимы как по своим масштабам, так и по другим параметрам, включая целый комплекс факторов – геополитических, социально-экономических, национальных, идеологических и психологических, – все это, разумеется, с учетом исторической специфики. Именно в мировых войнах, во многом из-за их роли не только в судьбах страны, но и каждого отдельного гражданина, наиболее ярко проявились основные социально-психологические феномены. При этом рассмотрение первой мировой войны ограничено дореволюционным временем, так как революция привнесла и в ход войны, и в сознание людей много специфических моментов, выйдя за рамки сугубо внешнего вооруженного конфликта.

Афганский конфликт интересен для исследователя тем, что в отечественной истории XX века занимает особое место как война, которая велась исключительно на чужой территории, силами армейского "ограниченного контингента", но несмотря на то, что относится к категории "малых войн", оказалась самой продолжительной, а по своим последствиям для страны – просто катастрофической. Важно также то, что в отличие от российско-германских войн, она велась с представителями качественно иной – мусульманской – культуры, что во многом обусловило ее психологическую специфику.

В комплекс задач исследования входит разработка таких проблем как самоощущение человека на войне; факторы, влияющие на его поведение в экстремальных ситуациях; особенности фронтового быта; проблема выхода из войны, включая исследование "афганского синдрома"; эволюция понятий "свой-чужой" и формирование образа врага в разных войнах; бытовая религиозность на войне; феномен массового участия женщин в войнах XX столетия, и др. В соответствии с этими сюжетами и построена монография – как серия очерков по проблемно-тематическому принципу.

* * *

В основу монографии положен широкий круг источников, преимущественно впервые вводимых в научный оборот. Прежде всего, это архивные материалы из РГВИА, ЦАМО, ЦДНА, БГМИ ВОВ и др., опубликованные в дореволюционное и советское время в отечественных и зарубежных изданиях мемуарные и эпистолярные источники, а также данные социологических обследований, проведенных автором по специально разработанной им программе.

Как и в предыдущей монографии, в основу положены источники личного происхождения (*письма, дневники, воспоминания*) как наиболее адекватные задачам исследования, поскольку основной спектр историко-психологических проблем вооруженных конфликтов XX века рассматривается на индивидуально-личностном уровне их участников. Активно используются также *материалы "устной истории"* – собранные автором воспоминания-интервью участников Афганской войны.

С другой стороны, используются официальные источники двух видов. Первый носит в основном пропагандистский характер: это *листовки, фронтовая армейская печать, военная публицистика*, не столько отражающие реальную атмосферу в обществе и среди военнослужащих, сколько выполняющие задачу формирования стереотипов массового сознания, которые выгодны в данный момент государству. Второй вид документов имеет скорее характер аналитический: это *боевые донесения и доклады*, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных; *материалы военной цензуры*, анализирующие настроения в собственной армии, причем для Великой Отечественной и афганской войн ту же функцию выполняли еще и *политдонесения*.

При этом сравнительный анализ историко-психологических явлений, характерных для разных войн XX века, основывается преимущественно на сопоставлении однотипных источников, относящихся ко всем изучаемым периодам.

В монографию входит приложение, в котором публикуются собранные автором архивные материалы и записи воспоминаний-интервью, сопровождаемые источниковедческим и историческим комментарием. Тем самым не только конкретизируется материал, содержащийся в главах, и расширяется документальное обоснование результатов исследования, но и вводится в научный оборот новый комплекс источников по военно-исторической психологии.

Глава I

РОССИЙСКИЕ КОМБАТАНТЫ В ВОЙНАХ XX ВЕКА

(Методологические и методические проблемы сравнительного историко-психологического анализа)

1. Война как историко-психологическая проблема: ключевые понятия и предмет изучения

Психологи знают, как мгновенно преобразуется человек, получивший в руки оружие: меняется все мироощущение, самооценка, отношение к окружающим. Оружие – это сила и власть. Оно дает уверенность в себе и диктует стиль поведения, создает иллюзию собственной значимости. Так происходит в мирное время. Что же тогда должно происходить на войне, в особенности на фронте, где оружие есть у каждого, а его применение из возможности становится обязанностью? Существует ли особый психологический тип "человека с ружьем"? Да, без сомнения. Война формирует особый тип личности, особый тип психологии, который можно определить как психологию комбатанта.

Прежде всего необходимо прояснить само понятие КОМБАТАНТ, что в переводе с французского означает *воин, боец, сражающийся*. Это термин международного права, обозначающий лиц, которые входят в состав регулярных вооруженных сил воюющих сторон и непосредственно участвуют в боевых действиях, а также тех, кто принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих и партизанских отрядов, – при условии, что их возглавляет командир, что они имеют ясно видимый отличительный знак, открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны.¹

Следовательно, психология комбатантов – это психология человека на войне, вооруженного человека, принимающего непосредственное участие в боевых действиях. Формируясь и наиболее ярко проявляясь в ходе войны, эта психология продолжает свое существование и после ее окончания, накладывая характерный отпечаток на жизнь общества в целом. Послевоенное общество всегда и неизбежно отравлено войной, и главный симптом этой болезни – привычка к насилию – в разной степени сказывается во всех сферах общественной жизни и, как правило, довольно длительное время.

Обращение к такому специфическому явлению как война требует рассмотрения важного методологического принципа, имеющего первостепенное значение при изучении личности в экстремальных обстоятельствах. Это сформулированное в философии немецкого экзистенциализма понятие *пограничной ситуации*. Согласно теории М.Хайдеггера, единственное средство вырваться из сферы обыденности и обратиться к самому себе – это посмотреть в глаза смерти, тому крайнему пределу, который поставлен всякому человеческому существованию.² Под существованием имеется в виду прежде всего духовное бытие личности, ее сознание. По К.Ясперсу, с точки зрения выявления экзистенции (то есть способности осознать себя как нечто существующее) особенно важны так называемые пограничные ситуации: смерть, страдание, борьба,

вина. Наиболее яркий случай пограничной ситуации – бытие перед лицом смерти. Тогда мир оказывается "интимно близким". В пограничной ситуации становится несущественным все то, что заполняет человеческую жизнь в ее повседневности, индивид непосредственно открывает свою сущность, начинает по-иному смотреть на себя и на окружающую действительность, для него раскрывается смысл его "подлинного" существования.³ Эти выводы экзистенциалистов не абсолютны и не бесспорны, но в то же время нельзя не отметить, что чувства и поведение человека в минуту опасности обладают значительными особенностями по сравнению с эмоциями и действиями в обыденной ситуации и могут раскрыть свойства его личности с совершенно неожиданной стороны.

В сущности, все основные, базисные элементы психологии человека, оказавшегося в роли комбатанта, формируются еще в мирный период, а война лишь выявляет их с наибольшей определенностью, акцентирует те или иные качества, связанные с условиями военного времени. Вместе с тем, специфика этих условий вызывает к жизни новые качества, которые не могут возникнуть в мирной обстановке, а в военный период формируются в максимально короткий срок. Однако, эти черты и свойства очень сложно разделить по времени и условиям формирования, и речь, скорее, может идти о превращении качеств, единичных по своим проявлениям в условиях мирной жизни, в массовые, получающие самое широкое распространение в условиях войны. "Только в бою испытываются все качества человека, – говорил в одном из своих выступлений легендарный комбат Великой Отечественной Б.Момыш-улы. – Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества"⁴. Высшие проявления человеческого духа, довольно редкие в обычных обстоятельствах, становятся поистине массовым явлением в обстоятельствах чрезвычайных. В то же время, в чрезвычайных условиях выявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества, которые могут приобретать в них принципиально иное значение: например, слабость характера, несмелость, вызывающая незначительную уступку в обычной жизненной ситуации, может обернуться трусостью и предательством во время войны. В периоды "бедствий народных" как положительные, так и отрицательные качества людей проявляются в гипертрофированном виде, ввиду того, что поступки оцениваются по иному, завышенному нравственному критерию, который диктуется особыми условиями жизни. Однако одновременно с этим широкое распространение имеет формула "война все спишет", которая используется для оправдания безнравственных поступков и перекладывает всю ответственность с индивида на объективные условия действительности. Впрочем, для нее (формулы) существует осуждающий "противовес": "кому война, а кому мать родна", выражающий презрение к тем, кто наживается на народном горе.

В ходе боев могут проявиться прямо противоположные качества их участников – трусость и героизм, шкурничество и самопожертвование. Это зависит от индивидуальных особенностей личности, сформировавшихся в предшествующий период, от качества боевой готовности и умения владеть оружием, от успешного или отрицательного поворота событий для одной из воюющих сторон, от продолжительности боевых действий и многих других факторов. При этом катализатором поведения человека становится именно экстремальная ситуация массовая психология, которая в ходе вооруженного конфликта может резко колебаться – от всплеска патриотических чувств к апатии и безразличию, вплоть до резкого неприятия войны, пацифистских и антиправительственных настроений в обществе. Примером "патриотического подъема" в начале Первой мировой служит поведение молодых офицеров, самовольно покидавших тыловые части, чтобы попасть на фронт. (См.: Приложение 1.4.) В отечественной историографии гораздо лучше освещена ситуация конца этой войны, отмеченной разложением армии, революционным брожением и массовым дезертирством.

Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга и постепенно приобретающими значение постоянного фактора. "Война – область опасности", – подчеркивал Клаузевиц.⁵ И эта особенность вооруженных конфликтов оказывает воздействие на всю жизнь общества в данный период, решительным образом влияет на психологию людей. Военная обстановка выявляет те свойства личности, которые в мирное время оказываются в какой-то мере второстепенными или не требуют крайних своих проявлений. Экстремальные ситуации обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий. В то же время, как отмечал К.Симонов: "Война не есть сплошная опасность, ожидание смерти и мысли о ней. Если бы это было так, то ни один человек не выдержал бы тяжести ее ... даже месяц. Война есть совокупность смертельной опасности, постоянной возможности быть убитым, случайности и всех особенностей и деталей повседневного быта, которые всегда присутствуют в нашей жизни... Человек на фронте занят бесконечным количеством дел, о которых ему постоянно нужно думать и из-за которых он часто совершенно не успевает думать о своей безопасности. Именно поэтому чувство страха притупляется на фронте, а вовсе не потому, что люди вдруг становятся бесстрашными".⁶

Именно в этой повседневности солдатского быта наиболее ярко проявляются закономерности, общие черты человеческой психологии, – независимо от того, на какой войне, в какой армии, на чьей стороне человек воюет.

На войне существуют две основные ипостаси бытия: опасность, бой, экстремальная ситуация и повседневность быта. При этом одно перетекает в другое, и опасность становится частью быта, а мелкие бытовые детали неотделимы от функционирования человека в обстановке постоянной опасности. Существует также несколько стереотипов поведения людей в сходных ситуациях (в зависимости от характера, воли, темперамента и т.п.), их оценок и восприятия действительности. И именно это позволяет делать обобщения и строить психологическую модель, основываясь на сопоставлении свидетельств участ-

ников различных вооруженных конфликтов. Ведь, как не без основания утверждает английский военный психолог Норман Коупленд, "из поколения в поколение оружие меняется, а человеческая природа остается неизменной".⁷

Для проверки данного тезиса мы и проведем сравнительный анализ однотипных источников периодов двух мировых и афганской войн: писем, дневников, воспоминаний российских и советских солдат и офицеров, участников этих событий.

2. Война – экстремальная ситуация (Солдатский фатализм и отношение к смерти)

Начнем с психологической оценки русской армии, которую дает в своих воспоминаниях полковник Г.Н.Чемоданов, командовавший в Первую мировую пехотным батальоном: "Армия всегда была отражением, точным слепком своего народа, часть которого она составляет... Заставьте петь армии западных народов. В них вы не услышите пения, а русская армия поет и пела и с горя, и с радости, в часы отдыха и во время самых тяжелых переходов. Она ищет развлечения, утешения и бодрости в пении, это ее особенность, особенность породившего ее народа: рабочий поет за станком, пахарь – за сохой, бурлак тянет свою унылую песню на Волге..."⁸

Другое интересное наблюдение мы находим в дневнике поэта-фронтовика Давида Самойлова. Читая его, с одинаковой ясностью представляешь себе и солдата Первой мировой, и бойца Великой Отечественной, и воина-"афганца": "Российский солдат вынослив, неприхотлив, беспечен и убежденный фаталист. Эти черты делают его непобедимым. Есть три главные его состояния. Первое. Без начальства. Тогда он брюзга и ругатель. Грозится и хвастает. Готов что-нибудь слямзить и схватиться за грудки из-за пустяков. В этой раздражительности видно, что солдатское житье его тяготит. Второе. Солдат при начальстве. Смирен, косноязычен. Легко соглашается, легко поддается на обещания и посулы. Расцветает от похвалы и готов даже восхищаться строгостью начальства, перед которым за глаза куражится. В этих двух состояниях солдат не воспринимает патетики. Третье состояние – артельная работа или бой. Тут он герой. Он умирает спокойно и сосредоточенно. Без рисовки. В беде он не оставит товарища. Он умирает деловито и мужественно, как привык делать артельное дело".⁹ В сущности, это собирательный образ народа-крестьянина на войне, образ солдатской массы в одинаковых серых шинелях, внутренне протестующей против этой "одинаковости", "обезлички", и, тем не менее, выступающей как единое целое, подчиняясь долгу и приказу. Такое обобщение ничуть не противоречит тому, что народный характер, то есть черты, сходные у многих, порожденные единством языка, культуры и судьбы, не являются чем-то застывшим и неизменным, но развиваются и изменяются постоянно вместе с изменением обстоятельств, потому что на деле "народ – это неисчерпаемое множество характеров".¹⁰

А вот как описывает Д.Самойлов основную черту солдатской психологии, свойственную не только российским, но всем без исключения комбатантам как особой категории людей: "Первый бой оформляет солдатский фатализм в мироощущение. Вернее, закрепляется одно из двух противоположных ощущений, являющихся базой солдатского поведения. Первое состоит в уверенности, что ты не будешь убит, что теория вероятности именно тебя оградила пуленепробиваемым колпаком; второе – напротив, основано на уверенности, что не в этом, так в другом бою ты обязательно погибнешь. Формулируется все это просто: живы будем – не помрем... Только с одним из двух этих ощущений можно быть фронтовым солдатом".¹¹

Первый тип ощущений ярко выражен в письме артиллерийского прапорщика А.Н.Жиглинского от 14.07.1916 г.: "Война – это совсем не то, что вы себе представляете с мамой, – пишет он с Западного фронта своей тетке. – Снаряды, верно, летают, но не так уж густо, и не так-то уж много людей погибает. Война сейчас вовсе не ужас, да и вообще, – есть ли на свете ужасы? В конце концов, можно себе и из самых пустяков составить ужасное, – дико ужасное! Летит, например, снаряд. Если думать, как он тебя убьет, как ты будешь стонать, ползать, как будешь медленно уходить из жизни, – в самом деле становится страшно. Если же спокойно, умозрительно глядеть на вещи, то рассуждаешь так: он может убить, верно, но что же делать? – ведь страхом делу не поможешь, – чего же волноваться? Кипеть в собственном страхе, мучиться без мученья? Пока жив – дыши, наслаждайся, чем и как можешь, если только это тебе не противно. К чему отравлять жизнь страхом без пользы и без нужды, жизнь, такую короткую и такую непостоянную?.. Да потом, если думать: "тут смерть, да тут смерть", – так и совсем страшно будет. Смерть везде, и нигде от нее не спрячешься, ведь и в конце концов все мы должны умереть. И я сейчас думаю: "Я не умру, вот не умру, да и только, как тут не будь, что тут не делайся", и не верю почти, что вообще умру, – я сейчас живу, я себя чувствую, – чего же мне думать о смерти!"¹² Спустя двадцать семь лет с другой великой войны боец Петр Куковеров напишет своей сестре: "Скоро новый 1943-й год! Я верю, он будет для нас счастливым. Как же я хочу теперь жить! Я люблю жизнь и должен выжить. Я точно знаю: меня никогда не убьют!"¹³ – и погибнет в том же 1943-м году.

Участник Афганской войны, артиллерист полковник С.М.Букварев на вопрос "Были ли вы суеверны?" ответил: "Да, был и, наверное, остаюсь суеверным. Мне, когда я уезжал [в Афганистан], отец говорил: "Сергей, ты там это самое... смотри!.." А я ему говорю: "Чего там – смотри?! Вот ты четыре года с первого до последнего дня провоевал, и так повезло, что жив остался. А другим и одного дня хватило, чтобы погибнуть..." И тогда он мне сказал слова, которые я всегда повторяю: "Это как кому на роду написано". Вот поэтому я суеверный. Верил в то, что все обойдется. И поэтому, наверное, так и получилось."¹⁴

Другой тип ощущений находим в воспоминаниях уже упомянутого Г.Н.Чемоданова. Он описывает марш-бросок на передовую 22.12.1916 г. на Рижском участке Северного фронта: "Я хорошо знал эти минуты перед боем, когда при автоматической ходьбе у тебя нет возможности отвлечься, обмануть себя какой-нибудь, хотя бы ненужной работой, когда нервы еще не перегорели

от ужасов непосредственно в лицо смотрящей смерти. Быстро циркулирующая кровь еще не затуманила мозги. А кажущаяся неизбежной смерть стоит все так же близко. Кто знал и видел бои, когда потери доходят до восьмидесяти процентов, у того не может быть даже искры надежды пережить грядущий бой. Все существо, весь здоровый организм протестует против насилия, против своего уничтожения".¹⁵

В минуты смертельной опасности (а боевая обстановка и есть такая опасность) в человеке пробуждается инстинкт самосохранения, вызывая естественное чувство страха, но вместе с тем и сознание необходимости этот страх преодолеть, не выдать его окружающим, сохраняя внешнее спокойствие, ибо внутренний трепет в той или иной мере все равно остается.

"Для меня, участника нескольких войн, не существует людей ни храбрых, ни трусливых, а есть лишь люди, умеющие в большей или меньшей степени владеть своими нервами, – утверждает Г.Н.Чемоданов. – Я знал людей, распускавшихся от небольшой опасности и хладнокровных в минуту смертельных ужасов. Настроение, самолюбие, чувство долга – вот главные факторы, руководящие человеком в боевой обстановке".¹⁶ Будто откликом на эти слова звучат воспоминания ветерана Великой Отечественной, бывшего командира пулеметного взвода, лейтенанта в отставке В.Плетнева: "Страх за собственную жизнь, а порой, не скрою, и обреченность чувствовал, наверное, чуть ли не каждый из пехотинцев, наиболее из всех родов войск выбиваемых фронтом. Но все-таки выше, сильнее чувств каждого из нас как индивидуума было наше общее солдатское чувство и сознание, что без всех нас, без тяжелых потерь, без фронтового братства, взаимовыручки победы не добыть, и мы говорили: "Если не мы, то кто? Лишь бы хватило нас на победу! Скорей бы!" Наверное, такое чувство и есть чувство долга".¹⁷

Майор-"афганец" В.А.Сокирко в ответе на вопрос "Какие чувства вы испытывали в боевой обстановке?" признался: "Первый раз я испытал страх, когда колонна, выдвигающаяся на боевые действия, попала в засаду, причем, засаду очень мощную, хорошо подготовленную, спланированную. У нас были подожжены в ущелье первые машины, колонна встала, и ее пытались расстрелять. Отбивались мы в общем-то неплохо, но когда я впервые увидел стреляющих в меня, с расстояния в 25-50 метров, а это, видимо, были обкуренные фанатики, потому что шли они без прикрытия в психическую атаку, – вот тогда страх был, и дрожь меня била, постоянно какая-то дрожь неприятная, потому что ее никак нельзя было унять. А успокоило то, что рядом со мной возле машины залегли два солдата-связиста, у них был один автомат на двоих, и когда я посмотрел, как они по очереди стреляли из этого автомата, причем, когда один стрелял, второй давал ему целеуказания – показывал, откуда выскакивают "духи", – и вот так они менялись, и такое у них было спокойствие, какой-то детский азарт, как при игре в войну, что меня это успокоило. А потом уже во всяких ситуациях я старался держать себя в руках, и это получалось. Но, естественно, при звуке выстрелов в душе что-то всегда сжимается".¹⁸

Само отношение к смерти на войне иное, чем в мирное время. Для того, кто ежечасно стоит перед возможностью собственной гибели и несет гибель другим по принципу "Если не выстрелишь первым, убьют тебя", кто каждый

день одного за другим теряет и хоронит товарищей, – смерть волей-неволей становится привычным элементом повседневного быта, а ценность человеческой жизни как таковой нивелируется. "Вид мертвеца в обстановке мирной жизни вызывает у очень многих некоторое чувство страха, которое обуславливается таинственностью акта самой смерти, – отмечает в 1923 г. участник русско-японской и Первой мировой войн, советский военный психолог П.И.Измestьев. – В военной обстановке отношение к трупу убитого совершенно другое. Первые дни пребывания на войне трупы убитых внушают какой-то страх, а затем к ним относятся безразлично. Весьма характерно, что труп одного убитого вначале производит большее впечатление, чем десятки или даже сотни таковых впоследствии. Причина смерти на поле боя каждому ясна, она не представляет ничего загадочного, хотя, в сущности, факт самой смерти должен быть так же таинственен, как и при мирной обстановке. Несомненно, что в данном случае играет большую роль некоторое притупление способности нервной системы реагировать на впечатления".¹⁹ Добавим от себя, что такое "притупление чувств" является защитной реакцией нервной системы, которая на войне и без того напряжена до предела. Подобное наблюдение делает в своих мемуарах и Г.Н.Чемоданов: "Печальное поле проходили мы. Везде смерть в самых ужасных формах. Но нет отвращения, жути, нет чувства обычного уважения к смерти. Крышка гроба, выставленная в окне специального магазина, помнится, оставляла большее впечатление, чем этот ряд изуродованных, окровавленных трупов. Притупленные нервы отказывались совершенно реагировать на эту картину, и все существо было полно эгоистичной мыслью: "а ты жив".²⁰

Бывший военврач Г.Д.Гудкова описывает те же самые ощущения, испытанные ею во время Второй мировой: "Чудовище войны многолико. На фронте, как это ни ужасно, человеческую смерть, даже если человек молод, со временем начинаешь воспринимать как обыденное явление. Чувство отчаяния, чувство невосполнимости потери если и не исчезает полностью, то притупляется. А если обострится – его подавляешь, чтоб не мешало".²¹

Свидетельства такого рода встречаются и в воспоминаниях участников афганской войны. "Один солдатик, – рассказывал разведчик-десантник майор С.Н.Токарев, – молодой, только что из Союза приехал, позанимались с ним там, курс молодого бойца прошел, – и вот впервые увидел подрыв. Выбросило из БРДМа водителя, он еще жив был, но ... [изувечен] безобразно... Большой фугас под левым колесом оказался. Только что ехал – и... Даже вот сейчас с ужасом вспоминаю... А он впервые такое увидел, – ну и неадекватное поведение... В принципе, нормальная реакция психики на ненормальную обстановку. Остальные уже притерлись... Не хочу сказать, что это какой-то эффект привыкания к таким картинам, но тем не менее..."²²

"Нормальное" отношение к смерти возвращается к бывшим комбатантам, как правило, уже в мирной обстановке, после войны, но далеко не сразу. А на самой войне особое восприятие смерти оформляется у них в одну из сторон мировоззрения.

*"Кто-то поднимется, кто-то не встанет,
Сердце разбив о гранитную твердь:*

*В Афганистане, в Афганистане
Цены иные на жизнь и на смерть*",²³ –

написал в 1980-х гг. участник Афганской войны, офицер и поэт Игорь Морозов.

Восприятие окружающего мира индивидуально для каждого человека, в этом уникальность личности, неповторимость любого человеческого "я". Но существуют группы людей, которым свойственны те или иные общие черты психологии. Это специфика национальных, социальных и половозрастных категорий, которая имеет место в любых исторических условиях. Помимо влияния социально-демографических факторов, существуют внешние факторы, воздействующие на сознание многих людей, оказавшихся в сходных жизненных ситуациях, они также вырабатывают у них характерные особенности психологии. Во время войны главные различия такого рода имеются у тех, кто живет и работает в тылу, и тех, кто непосредственно воюет с врагом, то есть комбатантов. Среди последних, в свою очередь, можно выделить несколько значительных категорий с присущими им особенностями. Разный отпечаток на сознание накладывает жизнь на фронте (в армии, на флоте) и во вражеском окружении (в партизанском отряде, в подполье, в разведке). Естественно, определенными особенностями отличается психология представителей различных родов войск, рядового и командного состава. Влияние на психологические процессы воюющих людей оказывает ход и характер военных действий (отступление, оборона, наступление; успехи и поражения), а также само место ведения боев (на своей или чужой территории). При этом на разных фронтах в один и тот же момент может складываться разная боевая обстановка, и воздействие "местных" условий по своему значению ничуть не меньше, чем общих итогов военного положения всей армии на данный момент. Напротив, гораздо больше, так как солдат рискует жизнью на своем конкретном участке переднего края и степень этого риска мало зависит от того, что происходит на других. Хотя известие об успехах или неудачах одной из частей неизбежно влияет на моральный дух армии в целом, – разумеется, в зависимости от масштабов событий.

Итак, помимо индивидуальной, существует *групповая военная психология*. Вот как (впрочем, довольно ограниченно) понимает ее П.И.Измestьев: "В армии... могут быть группы, деятельность которых основана на отличных одни от других базисах, имеющих дело с отличными одни от других машинами, военное бытие которых создает далеко не однородное сознание... Под групповой военной психологией я мыслю психологию разных родов войск".²⁴ Развивая это положение, отметим, что особенности восприятия военной действительности представителями разных родов войск и военных профессий определяются следующими наиболее существенными условиями:

- 1) конкретной обстановкой и задачей каждого бойца и командира в бою;
- 2) наиболее вероятным для него видом опасности;
- 3) характером физических и нервных нагрузок;
- 4) спецификой контактов с противником – ближний или дальний;
- 5) взаимодействием с техникой (видом оружия);
- 6) особенностями военного быта.

Все эти признаки получают окончательное оформление в период Второй мировой войны, но проявляются уже в Первую мировую, хотя там существующие различия менее выражены: такой важный фактор, как развитие техники, еще не дает столь резкого разделения внутри сухопутных сил; механизированные части и авиация пока еще только зарождаются, а флот изначально существовал сам по себе, и новшество здесь заключается лишь в появлении подводных лодок. Пехота, кавалерия и артиллерия действуют в очень сходных условиях, обуславливающих общие черты психологии "сухопутных" солдат. Но уже в 1916 г. прапорщик А.Н.Жиглинский отмечает различную степень опасности для разных родов войск: "Не хочу хвастать, но мне уж не так страшно, как раньше, – да почти совсем не страшно. Если бы был в пехоте, – тоже, думаю, приучил бы себя к пехотным страхам, которых больше". И далее: "Единственное, что мог я уступить животному страху моей матери, – это то, что я пошел в артиллерию, а не в пехоту".²⁵

Во Вторую мировую и Афганскую та же артиллерия или, например, авиация имели преимущественно "дальний" контакт с противником, принимающий характер стрельбы "по мишени". "Мы никогда не видим последствий своей работы, – записал 24.08.1941 г. в дневнике стрелок-радист Г.Т.Мироненко, – а те, кто находится вблизи от нашей цели, наблюдают ужасные картины бомбежек".²⁶ О том же свидетельствует участник Афганской войны полковник авиации И.А.Гайдадин: "Крови мы не видели, – вспоминает он. – То есть мы наносили удар, а потом нам говорили, что, по данным разведки, такой-то объект уничтожен, столько-то народу побито. А кто они, что они... Эта освоенность в какой-то мере вызывала даже безразличие: когда стреляешь на расстоянии и не видишь противника "глаза в глаза"²⁷.

Однако в Первую мировую для всех родов войск преобладал именно "ближний" контакт, что накладывало особый отпечаток на психологию людей, ясно видевших "последствия" своей боевой деятельности, которая заключается в необходимости убивать. Вот как вспоминает рукопашный бой ветеран Великой Отечественной бывший санинструктор О.Я.Омельченко: "Это ужас. Человек таким делается... Это не для человека... Бьют, колют штыком в живот, в глаз, душат за горло друг друга. Вой стоит, крик, стон... Для войны это и то страшно, это самое страшное. Я это все пережила, все знаю. Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, – всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить".²⁸ А для Первой мировой этот "ужас" – штыковая или кавалерийская атака – были самыми распространенными, самыми обыденными видами боя. Так же, как и потом – в братоубийственной Гражданской.

3. Фронтной быт

Другая сторона военной действительности – быт. Анализ фронтных писем унтер-офицера И.И.Чернецова (1914-15 гг.), прапорщика А.Н.Жиглинского (1916 г.), заместителя политрука Ю.И.Каминского (1942 г.), младшего сержанта П.А.Буравцева (1985 г.) и др. показывает, что этих людей волновали одни и те же вопросы, изложение которых составляет основное содержание их переписки с родными. Во всех письмах преобладает описание де-

талей фронтового быта: устройство жилого помещения (будь то землянка, блиндаж, "халупа", палатка или "модуль"), распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Затем следуют характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними. Нередки воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем. Определенное место занимают также рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот "идеологический мотив" явно вторичен, возникая там и тогда, когда "больше писать не о чем", хотя это вовсе не отрицает искренности самих патриотических чувств. И, наконец, в письмах даются описания погодных условий, местности, где приходится воевать, и собственно боевых действий. Имеется несколько высказываний в адрес противника, преимущественно в ругательном или ироническом духе.

Конечно, авторы этих писем – люди не только разных поколений и даже эпох, но и весьма отличающиеся по индивидуальному жизненному опыту, взглядам, складу характера, психологии. Каждый из них – неповторимая личность. Но тем и интересны данные письма, что при всем несходстве их авторов и конкретных обстоятельств, в которых они были написаны, сами письма необычайно похожи и дают богатую пищу для сравнительно-исторического анализа. Интересно также и то, что объединяет авторов использованных здесь писем, особенно по двум мировым войнам. Все трое – из интеллигентных семей, москвичи, часто вспоминающие родной дом и близких; двое из них – прапорщик Жиглинский и замполитрука Каминский – ушли на фронт добровольцами со студенческой скамьи, были примерно одного возраста, оба служили в артиллерии. Различались они по социальному происхождению, значение чего не стоит преувеличивать: и разночинец Чернецов, и обедневший дворянин Жиглинский, и внук революционера Каминский принадлежали к образованной, но небогатой, живущей собственным трудом части общества (как сказали бы сегодня – к среднему классу). Однако интересен тот факт, что Каминский как бы соединил в себе психологические характеристики двух своих предшественников – участников Первой мировой войны: бытовую приземленность и практическую сметку унтер-офицера Чернецова и романтическую натуру, юношескую эмоциональность прапорщика Жиглинского. Все это можно увидеть в их письмах. С одной стороны, Каминский, как и Чернецов, сообщает домой множество подробностей, деталей фронтового быта, высказывает разные практические суждения; с другой, – его описания боевых действий и прифронтовой обстановки содержат элемент поэтизации, свидетельствующий об эстетическом взгляде на мир. Как и Жиглинский, он находит время полюбоваться природой, увидеть в трассирующих пулях "падающие звезды", почувствовать "грозное веселие" в артиллерийской канонаде. Близки и характеристики адресатов двух молодых людей: они пишут матерям и братьям. Если в письмах к последним они более откровенны в описаниях войны, то матерей оба стараются успокоить и убедить в том, что "на фронте ничего страшного нет". Унтер-офицер Чернецов пишет своей сестре и ее семье, также стараясь по возможности смягчить описание тягот войны и акцентируя внимание на "положительных моментах".

В тексте главы использованы лишь отдельные фрагменты комплексов писем этих трех авторов. Целиком они даны в приложении, что дает возможность почувствовать индивидуальность их создателей, историческую атмосферу и полнее сопоставить разные обстоятельства войны, воспринятые конкретными людьми. Там же приведены их биографические данные. (См.: Приложение 1.1; 1.2; 2.1.)

Что касается младшего сержанта Буравцева, чьи письма были опубликованы в отдельном сборнике и в данной монографии используются лишь фрагментарно, то о нем можно сообщить следующее. Родился он в городе Ставрополе, после окончания школы служил на границе, в 1985 г. в числе добровольцев-пограничников был направлен в Афганистан. 22 ноября 1985 г. погиб в возрасте 19 лет в бою с душманами, спасая раненых товарищей. Награжден посмертно орденом Красной звезды. Адресат цитируемых писем – любимая девушка. Это письма еще очень юного человека с присущими этому возрасту романтическими представлениями о мире. Однако в описаниях военного быта Павел Буравцев весьма конкретен и точен.

Итак, используемые здесь комплексы писем содержат информацию по широкому кругу вопросов, касающихся как фактических данных, так и психологии восприятия фронтового быта и войны в целом.

Из бытовых сюжетов приведем несколько. Первый – описание жилья, повседневной фронтовой обстановки. И по отдельным деталям, и по спокойной тональности они очень похожи друг на друга. "В халупе у меня довольно уютно, – сообщал 9.02.1916 г. матери прапорщик А.Н.Жиглинский. Глиняный пол я устлал здешними "фабрыными" холстами, кровать огородил полотнищами палаток. На стенах – картинки Борзова "Времена года", портреты Государя, кривое зеркальце, полукатолические бумажные иконы, оружие, платье, гитара, окна завешены холстом. В углу глинобитная, выбеленная печь. На столе горит свеча в самодельном подсвечнике из банки из-под какао, лежат газеты, бумаги и рапорты, книги и карандаши и т.д. На улице холодно, сыпется сухой снег и повеваает метелица. В печке весело потрескивают дрова и золотят блеском огня пол, скамьи вдоль стены. За дверью, на кухне слышны голоса мирно беседующих хозяев и денщика."²⁹ Только иконы, портреты Государя и упоминание о денщике выдают в этой зарисовке приметы времени. Остальные элементы быта вполне можно представить на Второй мировой войне.

"Мы, артиллеристы, народ хлопотливый, как приехали на место, сразу зарываемся в землю, – писал 29.04.1942 г. брату Ю.И.Каминский. – Вот сейчас мы построили хороший блиндаж. Устроен он так: снаружи ничего не видно – только труба торчит, вроде самоварной, и под землю ведет дырка – ступеньки земляные, на дверях плащ-палатка. Внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. Крыша состоит из трех рядов бревен, положенных друг на друга и пересыпанных землей. Таковую крышу "в три наката" пробьет только тяжелый снаряд, да и то при прямом попадании. В блиндаже печурка – тепло. Лампа, сделанная из бутылки, дает свет и копоть. Спим рядышком, понятно – не раздеваясь, так как в любую минуту

может прозвучать любимая команда "Расчет, к оружию!" В нашем блиндаже живет мой командир взвода, молоденький лейтенант, Мишин ровесник. Он хороший парень и большой любитель пения, голос у него хороший, и мы часто поем наши добрые старые песни..."³⁰ Как пригодилась бы здесь гитара прапорщика Жиглинского! Только песни пели уже другие, хотя, наверное, вспоминали и старинные русские романсы...

А вот письмо из Афганистана. Не упомяни автор спальный мешок, – и чем не картинка с фронта Великой Отечественной, а то и первой мировой?! Да и сам он проводит параллель с 1942 годом, подтверждая тот факт, что солдатский быт в сходных условиях меняется мало.

"У меня все еще окопная жизнь, – писал невесте 18.11.1985 г. Павел Буравцев. – Мы все еще находимся в окопах. Вот чуть-чуть стало холодать, и поэтому пришлось делать блиндажи из камней, как в Кавказских горах в 1942 году. Складываем их из камней, а сверху настилаем ветки и сучья и накрываем сверху "пододеяльниками", или, как их еще называют, вкладышами из спальных мешков. Получается небольшой домик, вот в таких домиках мы и живем..."³¹

Второй сюжет – солдатский рацион. Эта проблема волнует всегда и всех: голодный много не навоюет. Унтер-офицер И.И.Чернецов сообщает домой 18.11.1916 г., что казенная кухня, бывает, задерживается, когда полк куда-нибудь передвигается. "В остальное время, – пишет он, – обед и ужин нам выдают регулярно каждый день. Мяса получаем всего 1 и 1/4 фунта в день на человека, сахару по три куса в день и чаю достаточное вполне количество, изредка только бывает нехватка его. Это если происходит какая-нибудь задержка в доставке. Ведь муку, да и самый готовый хлеб приходится доставлять из России, а с этим надо считаться. Вообще кормят хорошо: варят лапшу (с большими макаронами), горох, суп с сушеными корнями, суп с картофелем, щи со свежей капустой и суп с гречневой кашей, иногда с рисом или перловой крупой. Вечером и утром получаем обед и ужин по одному первому, как и в Японскую войну. Этого вполне достаточно и солдаты все довольны продовольствием."³²

Так же подробно 29.04.1942 г. описывает матери свое ежедневное "меню" Ю.И.Каминский: "Как меня кормят? Получаем утром завтрак – суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный кателок. По утрам же привозят хлеб – 800-900 грамм в день, сахар, махорку или табак (я привык к махорке и курю ее охотнее, чем табак) и водку – сто грамм ежедневно. В обед снова появляется суп, бывает и каша. Ужин обычно состоит из хлеба, поджаренного на печке и посыпанного сахаром. Иногда к этому прибавляется колбаса – 100 грамм в обед и 30 утром. В годовщину Красной Армии у нас была и замечательная селедка, и колбаса, и пряники, и т.д. Теперь ждем Первого мая".³³

А вот как пишет о жизни своего подразделения 19.10.1985 г. П.А.Буравцев: "Питаемся мы сухим пайком. Но мы стали потихонечку собирать дрова и на скудном огоньке делаем себе чай в "цинке" (это вроде большой консервной банки, в которой раньше хранились патроны). Ну вот, делаем чай и греем консервированную кашу. Спим прямо в окопе или рядом с ним".³⁴ В другом пись-

ме, от 18.11.1985 г., он сообщает: "Ноябрь месяц, но здесь довольно-таки тепло, несмотря на дожди и снег. Правда, с куревом совсем туго, вообще нет, и вертолет не летит, но еды хватает, нормально... Мы тут заросли, как партизаны, у меня опять борода. Вот никогда не думал, что в армии отращу себе бороду".³⁵

Третий сюжет – сравнительное описание денежного довольствия на двух мировых войнах. "Милая Лиза! – пишет сестре 17.01.1915 г. И.И.Чернецов. – На днях я послал домой 150 рублей, которые скопились из жалованья, да еще оставшиеся, которые были присланы из дома. Оставил себе 30 рублей на расходы, которых теперь почти нет, только иногда расходуешь на ситный. Больше решительно не на что их тратить... Жалованья я получаю теперь 38 рублей 75 копеек и еще 1 рубль 50 копеек..."³⁶ В письме от 7.04.1942 г. Ю.И.Каминский приводит аналогичную ситуацию (с поправкой на цены и покупательную способность рубля в 1915 и 1942 г., что, однако, не меняет существа дела): "Мамочка, ты меня прости, но я очень долго смеялся, когда прочел насчет денег. Во-первых, я их получаю (жалованье – 150 рублей), во-вторых, делать здесь с ними абсолютно нечего, поскольку все, что здесь есть, либо дается даром, либо не дается вообще, и ни за какие деньги этого не получишь. В-третьих, я сам недавно послал домой деньги, ты их, наверное, скоро получишь. Все это вместе очень смешно"³⁷. В Афганистане – ситуация немного другая: все-таки чужая страна. Вместо рублей там "чеки" и местная валюта "афгани", палатки Военторга на территории части, где покупать нечего, а за ее пределами – дуканы, где "можно достать все", – только ходить в них не рекомендуется, если не хочешь попасть в плен. Но в письмах об этом не пишут. И лишь вернувшись домой, рассказывают о тех, кто делал "большие деньги", пока другие воевали, о продажной стороне этой войны. Впрочем, интендантские службы наживаются на любой войне, и именно их презрительно называют "тыловыми крысами" настоящие фронтовики.

Единый дух, общий психологический настрой, те же мысли, чувства, желания. Оружие совершенствуется, человеческая природа остается без изменений. Такого рода параллели можно проводить бесконечно, из чего следует вывод: доминирующие психологические характеристики комбатанта универсальны: они мало меняются со сменой эпох, стран, народов, армий, так как определяются в первую очередь самим явлением войны и местом в нем человека. Хотя, безусловно, в этой психологии есть и историческая, и национальная специфика. И все-таки можно утверждать, что однотипные ситуации вызывают соответствующие реакции на них, в чем, собственно, и проявляется единство законов психологии. Время и место действия вносит свои коррективы, накладывает характерный отпечаток на форму освещения вопросов, которые волнуют солдат на передовой, но сами эти вопросы (их "основной пере-

чень") сохраняются, лишь изредка меняясь местами по своей значимости в зависимости от конкретных условий каждой из войн.

Подтверждением этому могут служить и передаваемые из поколения в поколение солдатские пословицы и поговорки, закрепляющие в массовом сознании определенные стереотипы поведения на военной службе: "Сам не напрашивайся, прикажут – не отпрашивайся", "Двух смертей не бывать, а одной не миновать", "Лучше грудь в крестах, чем голова в кустах", "Сам погибай, а товарища выручай", "Подальше от начальства, поближе к кухне", "Солдат спит – служба идет" и т.д. При этом "героический" аспект явно уступает по значимости "ироническому", житейскому, цель которого – приспособиться, выжить, уцелеть в неблагоприятных условиях, но все же не любой ценой: желательно при этом не осрамиться, сохранить свое лицо, не подвести товарищей.

4. Проблема выхода из войны

Проблема "выхода из войны" не менее, а быть может, и более сложна, чем проблема "вхождения" в нее. Не случайно, возвращаясь в мирную жизнь, бывшие солдаты задаются невольным вопросом:

*"Когда мы на землю опустимся с гор,
Когда замолчат автоматы,
Когда отпылет последний костер,
Какими мы станем, ребята?"*³⁸

Если армейская жизнь как таковая требует подчинения воинской дисциплине, беспрекословного выполнения приказов, что, безусловно, является подавлением воли солдата, то условия войны, сохраняя дисциплину как необходимую основу армии, в то же время вырабатывают такие качества, как инициативность, находчивость, смекалка, способность принимать самостоятельные решения в сложной ситуации (на своем, "окопном" уровне), – без этого просто не выжить в экстремальных обстоятельствах. Таким образом, с одной стороны, воспитывается исполнитель, привыкший к подчинению и четкому распорядку, к казенному обеспечению всем необходимым, при отсутствии которых он чувствует себя растерянным и в какой-то степени беспомощным. Например, при массовых послевоенных демобилизациях, проходящих обычно в тяжелых условиях разрухи, оказавшись выброшен в непривычную "гражданскую" среду. С другой стороны, формируется сильный, независимый характер, волевая личность, способная принимать решения, независимые от авторитетов, руководствуясь реальной обстановкой и собственным боевым опытом, привыкнув исходить из своего индивидуального выбора и осознав свою особенность и значимость. Такие люди оказываются "неудобными" для любого начальства в мирной обстановке.

Противоречивость воздействия специфических условий войны на психологию ее участников сказывается в течение длительного периода после ее окон-

чания. Не будет преувеличением сказать, что война накладывает отпечаток на сознание и, соответственно, поведение людей, принимавших непосредственное участие в вооруженной борьбе, на всю их последующую жизнь – более или менее явно, но несомненно. Как правило, послевоенное общество относится к своим недавним защитникам с непониманием и опаской. В этом заключается одна из важнейших причин такого явления, как посттравматический синдром, и как следствие – разного рода конфликтов с "новой средой" (психологических, социальных и даже политических), когда вернувшиеся с войны люди не могут стать "такими, как все", принять другие "правила игры", от которых уже отвыкли или после всего пережитого считают их нелепыми и неприемлемыми. В таких обстоятельствах наиболее заметными проявлениями специфического воздействия войны на психологию ее участников являются "фронтальный максимализм", синдром силовых методов и попыток их применения (особенно на первых порах) в конфликтных ситуациях мирного времени.

Людям, у которых выработалась мгновенная, обостренная реакция на любую опасность, а в сознании утвердились переосмысленные жизненные ценности и иное, чем у людей "гражданских", отношение к действительности, трудно сдержаться, проявить гибкость, отказаться от привычки чуть что – "хвататься за оружие", будь то в прямом или в переносном смысле. Душевные надломы, срывы, ожесточение, непримиримость, повышенная конфликтность, – с одной стороны; и усталость, апатия, – с другой, – как естественная реакция организма на последствия длительного физического и нервного напряжения, испытанного в боевой обстановке, становятся характерными признаками "фронтального" или "потерянного поколения".

"Там было все гораздо проще, честнее, искреннее", – сравнивая "военную" и "гражданскую" жизнь, утверждают фронтовики.³⁹ Процесс реабилитации, "привыкания" к мирной жизни протекает довольно сложно, вызывая иногда приступы "фронтальной ностальгии" – желание вернуться в прошлое, в боевую обстановку или воссоздать некое ее подобие, хотя бы отдельные черты в рамках иного бытия, что заставляет ветеранов искать друг друга, группироваться в замкнутые организации и объединения, отправляться в "горячие точки" или пытаться реализовать себя в силовых структурах самых разных ориентаций.

Осознание своей принадлежности к особой "касте" надолго сохраняет между бывшими комбатантами теплые, доверительные отношения, смягченный вариант "фронтального братства", когда не только однополчане, сослуживцы, но просто фронтовики стараются помогать и поддерживать друг друга в окружающем мире, где к ним часто относятся без должного понимания, подозрительно и настороженно. Впрочем, после Первой мировой войны, которая стала прелюдией к войне Гражданской, когда многие из бывших товарищей по оружию оказались по разные стороны баррикад, такое единение было менее характерно и охватывало довольно узкие группы людей.

Весьма показательным, на наш взгляд, является и взаимоотношения участников разных войн.

*"Едва ли сумеют другие,
Не знавшие лика войны,
Понять, что теперь ностальгией*

И вы безнадежно больны", –
с такими словами обратилась к ветеранам Афганистана фронтовичка Юлия Друнина, почувствовав родство судеб и душ у солдат двух поколений.

*"Мне мальчики эти, как братья,
Хотя и годятся в сыны..."⁴⁰ –*

утверждала она в своем стихотворении "Афганцы". А по признанию самих "мальчиков", если до армии многие из них равнодушно относились к ветеранам Великой Отечественной, то после возвращения из Афганистана стали лучше понимать фронтовиков и оказались духовно ближе к своим дедам, чем к неволевавшим отцам.

Из каждой войны общество выходит по-разному. Это зависит и от отношения общества к самой войне, которое, как правило, переносится на ее участников, и от приобретенного фронтовиками опыта, определяемого спецификой вооруженного конфликта.

В определенных условиях "фронтная вольница" может перерасти в "партизанщину", в неуправляемую стихию толпы, как это случилось в 1917-м году, когда усталость и недовольство затянувшейся войной, неудачи и поражения на фронтах привели к революционному брожению в войсках, массовому дезертирству и полному разложению армии. Особенностью Первой мировой войны было именно то, что она непосредственно переросла из внешнего во внутренний конфликт, а значит, общество из состояния войны выйти так и не сумело. Переход к мирной жизни после войны гражданской определялся уже иными факторами, сохраняя при этом основные черты психологии, присущей военному времени.

После Великой Отечественной ситуация складывалась по-другому. Во-первых, эта война имела принципиально иное значение: речь шла не о каких-то относительно узких стратегических, экономических и геополитических интересах, а о самом выживании российского (советского) государства и населявших его народов. Во-вторых, она завершилась победоносно. С нее возвращались солдаты-победители, в полном смысле слова спасшие Отечество. Поэтому фронтовики не стали "потерянным поколением" подобно ветеранам Первой мировой, так и не сумевшим понять, ради чего они оказались на мировой бойне. (Последний феномен нашел широкое отражение в западной литературе – в произведениях Э.М.Ремарка, Р.Олдингтона и др.)

Сейчас в публицистике, да и в новейшей историографии встречается мнение, что общество недооценило фронтовиков Великой Отечественной. Здесь нужно внести поправку: недооценивало их бюрократическое государство, тогда как в народе они пользовались искренним уважением и любовью. Конечно, и их адаптация к мирной жизни была совсем не простой, причем не только в бытовом, но и в психологическом плане. Однако, в данном случае неизбежный посттравматический синдром не усугублялся кризисом духовных ценностей, как это не раз бывало в истории после несправедливых или бессмысленных войн. А именно к такого рода примерам относится афганская война, в ряду других негативных последствий породившая "афганский синдром".

5. "Малая" война – большие проблемы ("Афганский синдром")

Афганский синдром... Это словосочетание вызывает в памяти другое – "вьетнамский синдром". И хотя связано оно с другой войной, невольно напрашиваются прямые аналогии. Обе войны велись сверхдержавами на территории небольших стран "третьего мира". За обеими войнами стояли определенные идеологии и геополитические интересы, в обеих использовались "высокие" лозунги: "защиты демократических ценностей" – Соединенными Штатами, "интернациональной помощи" народу, совершившему социальную революцию, – Советским Союзом. Обе страны, где велись боевые действия, стали ареной демонстрации боевой мощи сверхдержав, включая испытание новейших видов оружия, стратегии и тактики малых войн. Весьма близким оказался и их итог: сверхдержавы не смогли навязать свою волю двум относительно небольшим азиатским народам, понесли огромные боевые, экономические, политические и моральные потери. Последствие обеих войн имело немалое влияние не только на международную обстановку, обострив в свое время взаимоотношения между основными военно-политическими блоками и социальными системами, но и существенным образом сказалось на внутренней ситуации в США и в СССР. В первом случае было порождено мощное антивоенное движение, произошло радикальное, хотя и временное изменение менталитета американской нации, которое, собственно, и можно назвать "вьетнамским синдромом" – в широком смысле этого понятия. Ведя войну в течение многих лет, неся огромные людские и материальные потери, США так и не смогли реализовать поставленные перед собой во Вьетнаме цели. Итогом стало осознание нацией, в которой во многом доминировали шовинистические и великодержавные настроения, того факта, что далеко не все в мире решается тугим кошельком и военной силой. Во многом под влиянием поражения во Вьетнаме Соединенные Штаты оказались более сговорчивыми и во взаимоотношениях с основным идеологическим и военно-политическим оппонентом – СССР, пойдя на разрядку международной напряженности, тем более что в 1970-е гг. Советским Союзом был достигнут военно-стратегический паритет. "Вьетнамский синдром", во многом потрясший основы американского общества, привел к определенной корректировке внешнеполитического курса США, ценностных ориентаций "средних американцев" и даже внутренней социальной политики. Отреагировав на настроения в обществе, американская государственная машина в целом сумела справиться с этим кризисом, прагматично учтя ошибки и осуществив ряд преобразований, в том числе реформы в армии. Таким образом, общественно-политическая система США смогла выдержать серьезные потрясения, связанные с "грязной" войной во Вьетнаме и позорным в ней поражением.

Иной оказалась ситуация в СССР в связи с Афганской войной. Сегодня существуют разные точки зрения о целесообразности или нецелесообразности принятого в декабре 1979 г. решения с позиций собственно национально-государственных интересов СССР. С одной стороны, ввод советских войск в

Афганистан, помимо официальных идеологических мотивов, обосновывался необходимостью защиты южных границ СССР, недопущения американского проникновения в соседнюю страну, для чего имелись некоторые обоснованные опасения. С другой стороны, результатом явилась не только нерешенность военными методами в течение почти десятилетия и идеологических, и геополитических целей, поставленных в 1979 г., но и резкое ухудшение международных позиций СССР, перенапряжение и без того стагнировавшей советской экономики, а в конечном счете крушение всей советской системы, в котором Афганская война сыграла далеко не последнюю роль. С распадом СССР геополитический аспект последствий Афганской войны не только не был нейтрализован, но получил весьма мощное негативное продолжение, приобрел особую остроту в южных регионах бывшего Союза. Если в 1979 г. речь хотя бы гипотетически шла об угрозе превращения дружественного нейтрального государства в плацдарм враждебного политического влияния, то сегодня речь идет о распространении утверждающейся в Афганистане воинствующей фундаменталистской идеологии не только на республики Средней Азии и Закавказья, но и на ряд собственно российских территорий с большой долей исламского населения.

Последствия Афганской войны для внутренней жизни в СССР также оказались в чем-то схожи с последствиями Вьетнамской войны для США, хотя и проявились в иных формах, в качественно иных условиях. Вместе с тем, были и принципиальные различия. Главное из них заключалось в разном уровне информированности населения: если американцы на всех этапах Вьетнамской войны получали достаточно полную информацию о ее ходе, в том числе и о бесчеловечных средствах ее ведения, массовой гибели мирного населения и собственных немалых потерях американской армии, то советским людям вплоть до 1984 г. информация о событиях в Афганистане преподносилась бодрыми сообщениями, суть которых отражена в ироничной песне Виктора Верстакова: "А мы там пляшем гопака и чиним трактор местный". Вплоть до 1987 г. цинковые гробы с телами погибших хоронили в полутайне, а на памятниках запрещалось указывать, что солдат погиб в Афганистане. Лишь постепенно общество стало получать хоть какую-то реальную информацию, – круг ее расширялся. Но еще несколько лет – до 1989 г. – доминировала героизация образа воинов-интернационалистов и уже явно несостоятельная попытка представить саму войну в позитивном свете. Однако уже тогда намечается поворот в общественном сознании: взгляд на эту войну переходит в общее критическое русло перестроечной публицистики. На несколько лет растянулось осознание горбачевским руководством того факта, что введение войск в Афганистан было "политической ошибкой", и лишь в мае 1988 – феврале 1989 гг. был осуществлен их полный вывод. Существенное влияние на отношение к войне оказало эмоциональное выступление академика А.Д.Сахарова на Первом съезде народных депутатов СССР, вызвавшее резкое неприятие не только зала, но и значительной части общества. Однако именно с этого времени – и особенно после Второго съезда народных депутатов, когда было принято Постановление о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан, – произошло изменение акцентов в средствах массовой информации в освещении Афганской войны: от героизации они перешли не только к реалистическому анализу,

но и к явным перехлестам, когда негативное отношение к самой войне стало переноситься и на ее участников.

Глобальные общественные проблемы, вызванные ходом "перестройки", особенно распад СССР, экономический кризис, смена социальной системы, кровавые междоусобицы на окраинах бывшего Союза привели к угасанию интереса к уже закончившейся Афганской войне, а сами воины-"афганцы", вернувшиеся с нее, оказались вроде бы лишними, ненужными не только властям, но и обществу в целом, у которого появилось слишком много других насущных дел. Проблемы же такой немалой его части, как участники войны в Афганистане и семьи погибших, решались только на бумаге. Ведь если общество хочет поскорее забыть об Афганской войне, откреститься от нее, одновременно опасаясь тех, кто является живым и болезненным ее напоминанием, – в чем собственно и заключается смысл "афганского синдрома" в широком его понимании, – то это значит, что и самих участников непопулярной войны оно всячески отторгает, – будь то открытая враждебность, равнодушие или просто непонимание.

Не случайно восприятие Афганской войны самими ее участниками и теми, кто там не был, оказалось почти противоположным. Так, по данным социологического опроса, проведенного в декабре 1989 г., на который откликнулись около 15 тыс. человек, причем половина из них прошла Афганистан, участие наших военнослужащих в афганских событиях оценили как "интернациональный долг" 35% опрошенных "афганцев" и лишь 10% невоювавших респондентов. В то же время как "дискредитацию понятия "интернациональный долг" их оценили 19% "афганцев" и 30% остальных опрошенных. Еще более показательны крайние оценки этих событий: как "наш позор" их определили лишь 17% "афганцев" и 46% других респондентов, и также 17% "афганцев" заявили: "Горжусь этим!", тогда как из прочих аналогичную оценку дали только 6%. И что особенно знаменательно, оценка участия наших войск в Афганской войне как "тяжелого, но вынужденного шага" была представлена одинаковым процентом как участников этих событий, так и остальных опрошенных – 19%.⁴¹

*"Кто-то нас объявит жертвами ошибки,
Кто-то памятник при жизни возведет,
Кто-то в спину нам пролетает – "недобитки",
А кто-то руку понимающе пожмет!"*⁴² –

с горечью отмечает офицер и поэт Игорь Морозов, четко определив существующие в настоящее время полярные взгляды на Афганскую войну и роль в ней "ограниченного контингента".

Вместе с тем, различные политические силы пытались и пытаются использовать эту, причем весьма социально активную категорию населения, в своих интересах. К ним апеллировали лидеры "перестройки", стараясь представить "афганцев" своими сторонниками, их перетягивали в свой лагерь как либерал-демократы, так и национал-патриоты разных мастей. Виды на них имели и криминальные структуры. Конфликтующие стороны во всех "горячих точках" вербовали их в ряды боевиков. Однако участники войны в Афганистане, объединенные этим общим для них фактом биографии, в остальном являются весьма неоднородной социальной категорией.

Тем не менее, эта объединяющая их основа позволяет говорить об "афганцах" не только как об особой социальной, но и социально-психологической группе населения. Ведь для самих "афганцев" война была гораздо большим психологическим шоком, чем опосредованное ее восприятие всем обществом. И в понимании социально-психологического состояния "афганцев" особое значение имеет категория "афганского синдрома" в узком его смысле. Это то, что на языке медиков называется посттравматический стрессовый синдром, а на языке самих ветеранов звучит так: "Еще не вышел из штопора войны".

"Афганский синдром" в узком его смысле также является выражением, производным от "вьетнамского синдрома". Последний в США является медицинским термином, объединяющим различные нервные и психические заболевания, жертвами которых стали американские солдаты и офицеры, прошедшие войну во Вьетнаме. По наблюдениям американских ученых, большинство солдат, вернувшихся из Вьетнама, не могли найти свое место в жизни. И причины этого были в основном не материального плана, а именно социально-психологического: то, что общество сознательно или неосознанно отторгало от себя "вьетнамцев", которые вернулись в него "другими", не похожими на всех остальных. Они вели себя независимо в отношениях с вышестоящими и очень требовательно в отношении с подчиненными, в общении с равными не терпели фальши и лицемерия, были чересчур прямолинейны. Таким образом, американские "вьетнамцы" оказались в положении "неудобных людей" для всех, кто их окружал, и вынуждены были "уйти в леса", – то есть замыкались в себе, становились алкоголиками и наркоманами, часто кончали жизнь самоубийством. По официальным данным, во время боевых действий во Вьетнаме погибло около шестидесяти тысяч американцев, а количество самоубийц из числа ветеранов войны еще в 1988 г. перевалило за сто тысяч.⁴³ Причем "вьетнамский синдром" развивался постепенно, время лишь обостряло его признаки и "трагический пик болезни наступил в последние годы жизни".⁴⁴ Каким образом это произошло? (А то, что это болезнь, уже не вызывает сомнения.) Это прежде всего неустойчивость психики, при которой даже самые незначительные потери, трудности толкают человека на самоубийство; особые виды агрессии; боязнь нападения сзади; вина за то, что остался жив; идентификация себя с убитыми. У большинства больных – резко негативное отношение к социальным институтам, к правительству. Днем и ночью тоска, боль, кошмары... По свидетельству американского психолога Джека Смита, – кстати, сам он тоже прошел войну во Вьетнаме, – "синдром, разрушающий личность "вьетнамца", совершенно не знаком ветерану второй мировой войны. Его возбуждают лишь те обстоятельства, которые характерны для войн на чужих территориях, подобных вьетнамской. Например: трудности с опознанием настоящего противника; война в гуще народа; необходимость сражаться в то время, как твоя страна, твои сверстники живут мирной жизнью; отчужденность при возвращении с непонятных фронтов; болезненное развенчание целей войны".⁴⁴ То есть синдром привел к пониманию резкой разницы между справедливой и несправедливой войнами: первые вызывают лишь отсроченные реакции, связанные с длительным нервным и физическим напряжением, вторые помимо этого обостряют комплекс вины.

Директор Всеамериканской администрации ветеранов бывший психиатр армии во Вьетнаме Артур Бланк убежден, что и сегодня одна половина "вьетнамцев" считает эту войну нужным делом, а другая – ужасом. Но и те, и другие остро недовольны. Первые – тем, что проиграли, вторые – что влезли. "Думаю, – замечает доктор Бланк, – в той или иной форме это происходит и среди "афганцев". Мы поэтому решительно разделяем понятие войны и ветеранов. Мы работаем на миссию выживания. Наши усилия – элемент лечения".⁴⁵

"Афганский синдром" имеет с "вьетнамским" и сходное происхождение, и сходные признаки. Однако начальный толчок к развитию "вьетнамского синдрома" был гораздо сильнее: афганская война в СССР была просто непопулярна, а вьетнамская вызывала в США массовые протесты. "Американское командование даже не рисковало отправлять солдат домой крупными партиями, а старалось делать это незаметно, поскольку "вьетнамцев", в отличие от "афганцев", не встречали на границе с цветами".⁴⁶ Но и "встреченные цветами" очень скоро натыкались на шипы. Их характер, взгляды, ценностные ориентации формировались в экстремальных условиях, они пережили то, с чем не сталкивалось большинство окружающих, и вернулись намного взрослее своих невоевавших сверстников. Они стали "другими" – чужими, непонятными, неудобными для общества, которое отгородилось от них циничной бюрократической фразой: "Я вас туда не посылал!". И тогда они тоже стали замыкаться в себе, "уходить в леса" или искать друг друга, сплачиваться в группы, создавать свой собственный мир. Сначала еще была надежда "привыкнуть", вписаться в обычную жизнь, хотя никто так остро не чувствовал свою "необычность", неприспособленность к ней, как сами "афганцы":

*"Мы еще не вернулись,
хоть привыкли уже
находиться среди улиц
и среди этажей.
Отойдем, отопьемся,
бросьте бабий скулеж.
Мы теперь уж вернемся,
пусть другими – но все ж..."* –

написал старший лейтенант Михаил Михайлов, а затем добавил с изрядной долей сомнения:

*"Вы пока нас простите
за растрепанный вид.
Вы слегка подождите,
может быть, отболит..."*⁴⁷

Вот только отболит ли? Если даже Родина, пославшая солдат на "чужую" войну, стыдится не себя, а их, до конца исполнивших воинский долг...

По данным на ноябрь 1989 г., 3700 ветеранов "афганской войны" находились в тюрьмах, количество разводов и острых семейных конфликтов составляло в семьях "афганцев" 75%, более 2/3 ветеранов не были удовлетворены работой и часто меняли ее из-за возникающих конфликтов, 90% имели задолженность в вузах или плохую успеваемость по предметам, 60% страдали от алкоголизма и наркомании, наблюдались случаи самоубийств или попыток к ним.⁴⁸

Однако, как и в случае с "вьетнамским синдромом", пик "афганского" еще впереди. Пока болезнь загнана внутрь, в среду самих "афганцев". Складывается впечатление, что происходит скрытое противостояние, что общество, отвернувшись от проблем ветеранов войны, ставит их в такие условия, когда они вынуждены искать применение своим силам, энергии и весьма специфическому опыту там, где, как им кажется, они нужны, где их понимают и принимают такими, какие они есть: в "горячих точках", в силовых структурах, в мафиозных группировках. Должно быть, кому-то выгодно, чтобы они оказались именно там. Одним нужны "боевики", с чьей помощью можно прийти к власти (не случайно в октябре 1993-го "афганцев" активно пытались втянуть в политику и те, кто штурмовал Белый дом, и те, кто в нем забаррикадировался), другим – "пугало", на которое легко переложить ответственность за пролитую кровь, переключив внимание общественности с реальных виновников, развязавших очередную бойню. А сами "афганцы" идут на войну, потому что так и не сумели с нее "вернуться". И виноваты в этом не они, а общество, ясно показавшее, что ему на них наплевать. Так, еще в 1989 г. среди "афганцев" было широко распространено настроение, наиболее ярко выраженное в письме одного из них в "Комсомольскую правду": "Знаете, если бы сейчас кинули по Союзу клич: "Добровольцы! Назад, в Афган!" – я бы ушел... Чем жить и видеть все это дерьмо, эти зажравшиеся рожи кабинетных крыс, эту людскую злобу и дикую ненависть ко всему, эти дубовые, никому не нужные лозунги, лучше туда! Там все проще"⁴⁹ и эти настроения, и приобретенные "афганцами" навыки есть где применить уже в самом бывшем Союзе – в многочисленных "горячих точках". Еще не прошедший "афганский синдром" успел дополниться карабахским, приднестровским, абхазским, таджикским и др. А теперь еще и чеченским, который, как считают специалисты, будет страшнее афганского.

* * *

Итак, в ряду других последствий (экономических, политических, социальных), которые любая война имеет для общества, существуют не менее важные психологические последствия, когда воюющая армия пропускает через себя многомиллионные массы людей и после демобилизации выплескивает их обратно в гражданское общество, внося в него при этом все особенности милитаризованного сознания, оказывая тем самым существенное влияние на его (общества) дальнейшее развитие. "Психология комбатанта" получает широкое распространение, выходя за узкие рамки профессиональных военных структур, и сохраняет свое значение не только в первые послевоенные годы, когда роль фронтовиков в обществе особенно велика, но и на протяжении всей жизни военного поколения, хотя с течением времени это влияние постепенно ослабевает.

Для общества в целом психологический потенциал участников войны имеет противоречивое значение, соединяя две основных тенденции – созидательную и разрушительную, и то, какая из сторон этого потенциала – позитивная или негативная – окажется преобладающей в мирной жизни, зависит от состояния самого общества и его отношения к фронтовикам. Вся наша история – и современная ситуация в том числе – яркое тому подтверждение.

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА КАК ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1. Образ врага как предмет историко-психологического исследования. (Проблема "свой-чужой" в условиях войны)

Как и другие сюжеты данной книги, проблема формирования образа врага исследуется на примере двух мировых и афганской войн. Однако представлены они под разным углом зрения.

В первых двух случаях, где рассматривается русско-германский фронт, речь идет о взаимовосприятии представителей весьма близких "европейских" культур. В XX веке Россия и Германия дважды сошлись в смертельной схватке. При этом в обоих государствах между двумя мировыми войнами произошла радикальная смена социально-политического устройства, идеологии, форм экономической организации общества и даже менталитета, что представляет уникальную для исследователя ситуацию, позволяющую выявить не только стабильные этно-психологические элементы взаимовосприятия "русские – немцы", но и изменчивое воздействие идеологии на формирование образа врага. В условиях Второй мировой войны (по сравнению с Первой) влияние идеологии в обеих странах качественно изменилось и возросло по степени интенсивности, что нельзя не учитывать при анализе данной проблемы.

Масштабы и значимость двух мировых войн обусловили наиболее яркое проявление в них основных социально-психологических форм и феноменов. Поэтому рассмотрение теоретических вопросов формирования образа врага построено именно на этом материале. Что касается советско-афганского конфликта, то в отечественной истории XX века он занимает особое место как "малая война", исключительно на чужой территории и с представителями иной – мусульманской – культуры. В этом случае образ врага выступает как крайняя форма восприятия исламского мира европейцами. Анализом этого феномена мы завершаем главу, выделяя его в качестве самостоятельного сюжета.

Итак, "образ врага". Для объективного исторического анализа проблемы необходимо предварительно очертить ее границы и раскрыть содержание основных понятий.

В целом, проблема восприятия противника, отношения к нему является частью более широкой историко-психологической проблематики "мы и они", "свой-чужой", различные аспекты которой нашли отражение в историко-психологической и социально-психологической литературе.¹ Однако в условиях вооруженного конфликта проблема обостряется до предела, выступая в гипертрофированных формах: потенциально опасный "чужой" превращается в реального смертельного врага. "Они", всегда "чужие", иные, не до конца понятные и уже потому являющиеся источником мнимых или реальных опасностей, в экстремальной ситуации противостояния "не на жизнь, а на смерть"

становятся прямым источником угрозы самому существованию общности "мы" и составляющих ее индивидов. Расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, исходящих от "чужого".

В этом контексте слово "враг" более точно, нежели его нейтральные синонимы, отражает восприятие противника или неприятеля, так как содержит определенную эмоциональную составляющую, оно более "психологично". Что касается категории "образ", то это достаточно многозначный термин. Главное, что можно в нем выделить, – это обобщенность представления о чем-то, некоторая схематичность, хотя и с элементами конкретного, индивидуального восприятия, сильной эмоциональной окраской. Его можно рассматривать как определенную психологическую конструкцию, из чего следует, что у каждого человека был свой образ врага, во многом основанный на собственном опыте. Кроме того, это категория социальная, так как противник всегда воспринимался через стереотипы общественного, в том числе национального сознания, его образ формировался под влиянием государственных идеологий, непосредственного пропагандистского воздействия на население и армию.

Образ врага – категория динамичная. И у каждого человека, и у армии, и у общества в целом он менялся под влиянием множества факторов. Прежде всего, факторов восприятия. Их можно подразделить на несколько основных групп, а именно, – относящиеся: 1) к субъекту восприятия; 2) к объекту восприятия; 3) к условиям и обстоятельствам восприятия. Наша задача представить обобщенный образ врага, насколько его можно реконструировать из индивидуальных образов, отраженных в исторических источниках.

Образ врага формировался в процессе восприятия, через конкретный опыт каждого человека, и личностные факторы имели здесь огромное значение. Социальное положение военнослужащего, уровень его образования и культуры, национальная и религиозная принадлежность, непосредственный служебный статус в армии не только накладывали на это восприятие отпечаток, но и во многом его определяли, решающим образом воздействуя на сферу мировоззрения, а значит, и на оценочно-аналитическую часть этого образа. Следует отметить, что образ противника у каждого военнослужащего в определенной мере складывался еще до войны, а непосредственно в ходе боевых действий менялся, переходя от абстрактно-обобщенных очертаний к более конкретным, приобретая глубоко личностную, эмоциональную окраску.

По-разному виделся противник из солдатского окопа, через орудийный прицел, смотровую щель танка или из кабины самолета. Не только род войск, но и принадлежность к рядовому, младшему и старшему командному составу влияла на это восприятие. И уж тем более расстояние до передовой. Чем выше были должность и звание, тем большей информацией о противнике располагал человек, и в его индивидуальном образе врага сильнее было представлено не эмоциональное, а аналитическое начало.

Но и сам объект восприятия, то есть противник, не был однородным и статичным. Далекое не одним и тем же выступал он в начале и в конце войны. Кроме того, на формирование образа у каждого конкретного человека влияло то, с каким именно недругом лично ему приходилось иметь дело. Например, по-разному воспринимался неприятель на русско-австрийском и русско-

германском фронте в первую мировую войну; или в боевых действиях против немецких, финских, румынских частей в Великую Отечественную. Вместе с тем, сам противник также по-разному воспринимал членов неприятельской коалиции, выражая большую или меньшую антипатию к России и ее союзникам. Поэтому, говоря о взглядах и представлениях своей стороны, нельзя игнорировать соответствующие взгляды на нее со стороны неприятеля.

В качестве объекта данного исследования мы рассматриваем преимущественно образ врага-немца. И в первую, и во вторую мировые войны у Германии было немало союзников-сателлитов разных национальностей, и на них естественно переносились основные негативные характеристики противника в целом, хотя и в ослабленной, по сравнению с главным врагом – Германией, форме. Немцы и их союзники в сознании российских участников обеих войн воспринимались дифференцированно. Но на тех участках фронта, где приходилось иметь дело непосредственно с союзниками Германии, негативных моментов в отношении к ним было больше, чем в других местах.

Третья группа факторов, определяющих формирование образа врага, – условия и обстоятельства восприятия противника. В этой связи необходимо сказать об общих чертах и специфике двух мировых войн. Безусловно, они имели много общего: обе были мировые, отличались от всех предшествующих войн вовлечением в боевые действия огромных масс населения, высокой степенью жесточенности, многочисленностью жертв, длительностью, особой ролью технических факторов. Вместе с тем, чрезвычайно велика была их специфика. Прежде всего, эти конфликты характеризуются столкновением разных типов государств: в первом случае – империй, во втором – праворадикального и леворадикального тоталитарных режимов. Первая мировая война имела преимущественно национально-государственную окраску, вторая – мощную классово-идеологическую. Отличались они и по тяжести, количеству жертв, степени жесточенности, – Великая Отечественная была для СССР войной не только на государственное, но и на национальное выживание. Различались эти войны и по типу: первая была преимущественно позиционной, вторая – мобильной. Соответственно, разной была и степень взаимного проникновения стран-участниц в глубь национальных территорий. Таким образом, первая мировая была преимущественно войной армий, окопной войной, а вторая – войной тотальной, войной народов, с уничтожением огромных масс не только живой силы противника, но и гражданского населения, с развертыванием со стороны СССР массового партизанского движения в тылу врага. Иными были формы борьбы, а значит, и взаимодействия, контактов с противником и его восприятия. Наконец, различной была динамика, ход и результаты войны: первая для России развивалась от ситуационных побед к общему поражению, вторая для СССР – от временных поражений к конечной победе.

Но условия и обстоятельства восприятия врага были не только общими для всех, но и индивидуальными для каждого из участников войны. Это и место в боевых действиях, и включенность в них на том или ином этапе войны, и участие в конкретных операциях, и принадлежность к роду войск, и многое другое. К этим обстоятельствам можно отнести и моменты личной биографии: например, были ли погибшие от рук врага в семье, остался ли кто-нибудь из близких на оккупированной территории, побывал ли человек в плену и т.п.

Тот факт, что существовало многообразие субъектов, условий и обстоятельств восприятия противника, определяло и многообразие образов врага, которые формировались в общественном сознании. Среди них (по времени возникновения) выделяются две больших категории, которые, в свою очередь, можно условно подразделить на несколько основных типов, хотя в индивидуальном сознании они, как правило, сливались и присутствовали в разной пропорции. Так, обобщенный образ врага, формировавшийся в ходе самой войны, включал в себя официально-пропагандистский, служебно-аналитический и личностно-бытовой образы. А ретроспективный, послевоенный образ соединял в себе индивидуальный образ-воспоминание ветеранов-участников событий, художественно-обобщенный, историко-аналитический и другие типы образа. Официально-пропагандистский элемент преобладал до приобретения человеком личного опыта общения, контакта с врагом; служебно-аналитический, как правило, доминировал у командного состава и разного рода спецслужб, которым требовался адекватный образ врага на основе объективной и большой по объему информации для принятия оперативных и стратегически важных решений; наконец, личностно-бытовой тип образа оказывался самым распространенным и присутствовал как основной на всех армейских уровнях, непосредственно вовлеченных в боевые действия.

Можно говорить и об определенной эволюции образа врага на протяжении войны с точки зрения пропорций этих типов в индивидуальном сознании. Основной тенденцией в его развитии был переход от доминировавших пропагандистских стереотипов накануне и в начале войны к личностно-бытовому, эмоционально-конкретному образу, формировавшемуся в результате индивидуального опыта.

2. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны

Любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами, внушающими народу мысль о необходимости и неизбежности грядущей войны, о защите национальных интересов, происках врагов, внешней угрозе и т.д. и т.п. Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников – низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон – участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психология "свой – чужой" в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг.

Каким же предстает образ врага в сознании современников и участников Первой мировой войны? Существуют три основных вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о неприятеле, причем

освещение в каждом из них "образа врага" существенно различается. Первый вид источников, отражающий официальную точку зрения, носит в основном пропагандистский характер. Это в первую очередь периодическая печать, в том числе фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам. Для такого рода материалов характерно изображение врага в образе зверя, чудовища, дикаря, варвара, отрицается сама принадлежность его к "культурному миру", и здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспевают обе воюющие стороны. Достаточно сравнить заголовки русских и немецких газетных статей того времени: "Невероятное зверство германцев" и "Казачьи козни", "Христиане ли немцы?" и "Мародерство русских при Эйдткунене", "Германские неистовства" и "Люди или звери", "Как воюют палачи" и "Партизанская война в России".² Каждая из сторон старается представить истинным виновником войны своего противника, выставляя себя невинной жертвой. Немецкие газеты называют главной причиной войны "зависть других держав к Германии, которая могла бы сделаться самым могущественным государством, а чтобы этому воспрепятствовать, нужно было ее уничтожить". Далее следует убийственная характеристика членов неприятельской коалиции: "С этой целью [уничтожения Германии – *Е.С.*] и соединились такие противоположности, как Россия, представительница самого крайнего абсолютизма, и мать революции и гильотины Франция. Россия, в которой каждый монарх без исключения погибает насильственной смертью, протягивает руку Сербии, оскверненной цареубийством, самое старое на свете конституционное государство Англия не стыдится стать в одном ряду с царскими живодерами, подавляющими свободу при помощи кандалов, кнута и виселицы. Англия, связанная с Германией узами крови, разыгрывает до последнего момента роль приятеля, чтобы в конце концов погрузить свои руки в братскую кровь".³ В свою очередь газеты государств Антанты возлагают ответственность за развязывание войны на Германию с ее "извечной агрессивностью", нацеленной на миролюбивых соседей, и не жалеют ярких эпитетов для нее и ее союзниц. В печати обоих враждующих блоков всячески подчеркиваются систематические нарушения противником законов и обычаев войны, определенных международным правом. При этом нарушение "правил игры" своей стороной либо отрицается, либо объявляется актом возмездия за аналогичные действия неприятеля. Так, пытки, издевательства и изощренные убийства пленных казаков немецкая сторона пыталась оправдать жестокостью самих казаков в отношении мирных жителей на оккупированных русской армией территориях, а расправы над гражданским населением во Франции и Бельгии – массовым партизанским движением в этих странах. Французы, в свою очередь, поднимали вопрос о необходимости ответного применения отравляющих газов против германских войск, использовании разрывных пуль и другого запрещенного Гаагской конвенцией оружия по принципу "око за око, зуб за зуб". Впрочем, реализованы эти планы не были.

Другой официальный источник отличается большей сдержанностью и объективностью оценок и часто носит аналитический характер. Это боевые донесения и доклады, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля и внутри враждебного государства, наблюдения о боевых качествах врага, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях во-

еннопленных. Так, опросные листы свидетельствуют о том, что германские и австрийские офицеры запугивали солдат русским пленом, утверждая, будто русские всех расстреливают и добивают раненых.⁴ То же самое говорилось в русской армии о немецком плене, что, в отличие от предыдущего заявления, подтверждалось многочисленными фактами. По признанию одного из военнопленных, рядового австро-венгерской армии, от 2 декабря 1914 г., "сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась, а лично с пленным кубанские казаки, его захватившие, обращались хорошо: накормили и, узнав, что он болен, приказали хозяину той избы, где он находился тогда, запрячь коня и на возу довели до русского госпиталя".⁵ Между тем, по утверждению лейтенанта австрийского пехотного полка, издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему. "В конце апреля и в мае [1915 г. – *Е.С.*], при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты – чехи, поляки и русины – и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, – рассказывал он. – Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: "Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают".⁶

Несмотря на подобные факты, характеризующие облик врага, русские войска придерживались "рыцарского кодекса" ведения войны, в традициях которого был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считалось не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призывались к порядку.⁷

Примером рыцарского отношения к врагу (впрочем, не одобренного ни начальством, ни общественным мнением) может служить поведение генерал-майора В.П.Форселя, командира порта Императора Александра III в г.Либаве, который неоднократно нарушал специальные распоряжения командования "не допускать проявления особого внимания и по블ажек по отношению к военнопленным" и чуть было не организовал торжественный обед в честь немецких офицеров со сбитого "Цеппелина", по поводу чего органы контрразведки провели особое расследование.⁸ (*См.: Приложение 1.3.*)

"Несанкционированное" уважение к врагу проявлялось порой и с немецкой стороны. Так, в письме неизвестного офицера с французского фронта есть любопытный эпизод, в котором даны восторженные оценки мужеству неприятеля: "Французов гораздо больше, чем нас, и они безумно храбры... Что это за люди! Идут на верную смерть... Сегодня был такой случай. Начали, как всегда. Впереди – офицер. Но солдаты замялись. Половина осталась в траншеях.

Другую половину мы моментально смели, как метлой. Остался целым один офицер. Машет шпагой и бежит на нас... И вот мгновенно без команды затихла стрельба. Ни мы, ни французы, не стреляем. Храбрец постоял перед жерлами наших пулеметов, рука со шпагой бессильно повисла. Повернулся и сконфуженно, как провинившийся школьник, пошел к своим..."⁹ Но в целом для немецкой армии такие настроения были нетипичны.

Третий вид источников (кстати, последний из приведенных выше документов относится именно к этому виду) содержит субъективные оценки частных лиц, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и зачастую противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт. Это источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания. Причем, в письмах с фронта отражаются взгляды той части народа, которая ведет непосредственную вооруженную борьбу с врагом, находясь с ним в постоянном прямом контакте, а письма из тыла отражают опосредованное влияние военных событий на сознание людей, для которых противник по-прежнему остается обезличенной символической фигурой.

Приведем для сравнения несколько писем, найденных у военнопленных и убитых немецких солдат и офицеров. 21 августа 1914 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии: "Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки вверх, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери".¹⁰ В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик: "Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война – это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным".¹¹ Но если в письмах начала войны, преисполненных бодрости и патриотического подъема, отношение к врагу чаще всего высокомерно-презрительное, то чем дольше длится война, чем сильнее проявляется усталость, тем чаще неприятель воспринимается в облике такого же измученного, уставшего от войны человека. Характерно, что подобные настроения распространяются как на фронте, так и в тылу. Вот что пишет жена немецкого солдата 17 декабря 1914 г. из Берлина: "Ты боишься, как ты мне пишешь, что когда-нибудь можешь попасть в плен? Я не думаю, дорогой Вилли, но когда случится, ведь русские тоже люди и с вами тоже будут обращаться, как с людьми. Я говорила с русскими беглецами, и они мне описывали русских как добродушных людей, но я все-таки прошу тебя – не попадайся в плен. Слышали ли вы про великую победу в Польше? Сегодня весть эта стала распространяться у нас. Но сколько людей, вероятно, опять при этом должны были погибнуть? Не захотят ли русские скоро мира? Когда подумаешь, не поймешь, почему, почему все это?"¹²

Жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей-неволей заставляли почувствовать некую "общность" с противником, таким же "пушечным мя-

сом", бесправной "пешкой" в непонятной ему игре. В письмах с фронта унтер-офицера И.И.Чернецова говорится о том, как немцы и русские отмечали на передовой Рождество и Новый год, заключив что-то вроде негласного перемирия на все время праздников. "Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте так же спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год", – пишет он сестре 22 декабря 1914 г., а уже 29 декабря сообщает: "Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи".¹³ Так под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека.

Невольное сравнение себя с противником можно обнаружить во многих немецких письмах и дневниках, особенно там, где речь идет о снабжении армии обмундированием и продовольствием (по свидетельствам документов, немецкие и австрийские войска на Восточном фронте часто голодали). Так, солдат 51 пехотного полка пишет 19 ноября 1914 г.: "Вечером выступили и по дороге опять встретили несколько больших партий военнопленных русских. Это довольно крепкие и, можно сказать, хорошо кормленные люди".¹⁴ А в одной из немецких газет за 5 апреля 1915 г. не без зависти говорится: "Русский пехотинец хорошо одет и обут. Что касается питания, то много жаловались после сдачи в плен, что несколько дней ничего не ели, имея при этом внешний вид очень хороший. У немецких офицеров сложилось уже давно мнение, что русские солдаты это говорят для вызова к ним чувства сожаления. При обыске у русских военнопленных при каждом пехотинце всегда находили кусок хлеба".¹⁵ Но вот автор доклада русской военной разведки, отмечая факты плохого снабжения австрийской армии, негодует совсем по другому поводу: "Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывавшей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шампанским, голодные солдаты приближались к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель".¹⁶ В каждой строке этого официального документа сквозит сочувствие к вражеским солдатам!

Особый интерес вызывает характеристика боевых качеств неприятеля, которая в той или иной форме встречается в каждом из перечисленных видов источников. При этом даже в официальных докладах наряду со взвешенными деловыми оценками имеются высокомерные выпады в адрес противника вплоть до обвинения его в трусости. Вот лишь некоторые из оценок, данных немцами русской армии: "Недостаток образования и военной подготовки у

русского пехотинца заменяется его выносливостью, т.е. способностью легко переносить все невзгоды природы... Русский пехотинец, послушный и исполнительный, не имеет, однако, жилки желания победы"; "У русских не хватает духа офензивы [наступления – *Е.С.*], тогда как они отлично обороняются и очень способны к партизанской войне"; "Русские казаки рыщут везде, но лихости у них никакой. Зато они отлично умеют прятаться, их укрытия совсем нельзя заметить"; "Русские очень хитры, но зато трусливы".¹⁷ Впрочем, и русские не остаются в долгу, делая свои заключения по поводу стойкости и боевого духа неприятеля. И здесь особенно показательны выводы, сделанные армейской разведкой на основе показаний военнопленных и наблюдений за ними: "Офицеры запаса [австрийской армии – *Е.С.*], проявляя в бою малодушие и растерянность и совершенно не умея руководить своею частью, в то же время не менее строевых офицеров пользовались саблею и особой плетью для поддержания своего престижа и дисциплины, которая начинала падать"; "Офицеры австрийские, в числе 14 человек, взятые в плен Златоустовским полком, произвели, за исключением одного, удручающее впечатление своей неинтеллигентностью вообще, внешним видом и грубостью манер"; "Вместо прежнего упорства при допросах и высокомерного тона у германских офицеров, на смену явились покорный тон, сравнительная откровенность и плохо скрываемая удовлетворенность, что попали в плен"; "Нижние чины германской армии, за малыми исключениями, охотно отвечают на все вопросы. Нижние чины в последнее время имеют очень исхудалый и измученный вид, обмундирование оборвано, а вместо нижнего белья одно отрепье"; "Настроение германских солдат неважное, но офицеры подбадривают их ложными сообщениями о победах"; "По словам пленных, настроение в войсках угнетенное".¹⁸

Впрочем, "угнетенное настроение" постепенно зреет в армиях всех воюющих государств, а вместе с ним, вместе с усталостью и желанием скорейшего мира, растет озлобление против "виновников войны". Вопрос о том, кого считать виновником и каким теперь видится образ врага. Декабрь 1914 г., Восточный фронт: "Австрийские войска недовольны этой войной, которая надоела как нижним чинам, так и офицерам. Против Германии существует довольно сильное озлобление, так как войска теперь убеждены, что война возникла по проишкам и наущению соседки. Офицеры желали бы во что бы то ни стало заключить мир, но Германия не позволяет этого, и потому недовольство ею только растет".¹⁹ Июль 1915 г., Восточный фронт: "Все пленные германские офицеры и нижние чины убежденно говорят, что Россия объявила войну и имеет завоевательные стремления, а офицеры, кроме того, уверяют, что русская армия была за две недели до объявления войны мобилизована".²⁰ Июль 1915 г., из письма немецкого офицера с французского фронта: "Заем, почему этот ад?! Душит злоба на тех, кто вызвал катастрофу. Я умолял перевести меня на английский фронт. Хочу упиться муками этого трижды проклятого народа. О, да, трижды, сто раз проклятого!!! Ибо они одни всему причиной. Они зажгли пожар".²¹

Таким образом, психология "свой – чужой" остается в силе: "Свой всегда прав, чужой всегда виноват". Правда, обостряются отношения между союзниками в блоке центральных держав, но они всегда были довольно натянутыми. Образ врага претерпевает некоторые изменения на "бытовом" уровне и сохраняется в прежнем виде на уровне "глобальном": ни один народ не готов при-

знать свою страну зачинщицей конфликта, он ищет и находит для нее оправдания – из патриотических чувств, национальной гордости или инстинкта самосохранения. Но пройдет еще немного времени – и усталость возьмет свое, недовольство перейдет в революционное брожение, ненависть масс перекинется с врага внешнего на "врага внутреннего", обрушится на собственные правительства. Одна всемирная катастрофа повлечет за собой другую, не менее страшную, которая будет стоять человечеству еще большего числа жертв. А пока в перерыве между боями на Восточном фронте 23 декабря 1914 г. немецкий офицер записывает в своем дневнике: "Мы теперь все устали от войны. Самая сокровенная наша мечта, о которой мы часто говорим, – это мир. Мирные переговоры для всех нас были бы избавлением от этого кошмара. Но куда ни посмотришь – нет выхода, нет надежды".²² Впрочем, политиков не волнует, о чем думает "пушечное мясо".

Итак, в сознании участников Первой мировой войны существовало два основных образа врага. Первый, "глобальный", сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, "бытовой", возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря – военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем, более "мобильным" был именно второй образ. Что касается первого, то он закрепляется в сознании нескольких поколений, приобретая характер стойкого "послевоенного синдрома".

Именно в период 1914-1918 гг. "рыцарский кодекс" в соблюдении законов и обычаев войны постепенно уходит в прошлое, открывая дорогу оружию массового уничтожения, задавая зловещую "программу" грядущим войнам XX века.

Вторая мировая война реализовала все наиболее страшные тенденции, заложенные в первой, приобретя особое ожесточение в советско-германском противоборстве.

3. Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны

Как и в первой мировой войне, начало Великой Отечественной отличалось доминированием пропагандистских стереотипов в восприятии противника. Однако, принципиальным отличием на этот раз было то, что в смертельном противоборстве сошлись совершенно иные типы государств – два тоталитарных режима противоположных политических полюсов. Поэтому и роль идеологической составляющей в массовом общественном сознании, а значит, и в сознании армии, была на порядок выше. Советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии и через эту призму пытался воспринимать врага, вычлняя рабочего и крестьянина из общей массы врагов, отделяя их от "господ-эксплуататоров". Но уже в первые дни войны рассеялись иллюзии, наивные надежды на сознательность "братьев по классу", воспитанные в дово-

енное время и быстро вытравлявшиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М.И.Березин: "20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: "Рот фронт!" Мы хорошо знали произведения из времен гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожой отрыгивают нам в лицо: "Хайль Гитлер!" Кого мы хотели убедить в классовой солидарности – этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь".²³

Как оказалось, с противной стороны тоже работала мощная идеология, но с иной направленностью. Она ориентировала не на классовую солидарность, а на немецкую исключительность, национально-расовое и государственное превосходство Германии. Советский официально-идеологический стереотип восприятия врага отразился и в пропаганде на войска противника, которая оказалась абсолютно неэффективной. Вот что говорил об этом в 1943 г., уже находясь в советском плену, немецкий фельдмаршал Ф.Паулюс: "Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебегать в Красную Армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгласили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переулков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами".²⁴

Классово-идеологические иллюзии рассеивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Война приобретала характер смертельной схватки за выживание, причем не только существовавшей системы и государства, но и населявших огромные пространства СССР народов. Война действительно становилась Отечественной и национально-освободительной. И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца.

На этот феномен общественного сознания неоднократно обращал внимание Константин Симонов, очень чуткий к исторической правде. В одном из своих писем в 1963 г. он отмечает: "Что касается фразеологии военного времени, то я думаю, что писатель должен употреблять ее без политиканства, употреблять исторически верно. Как тогда говорили – так и писать. Чаще всего тогда говорили "немцы", говорили "немец", говорили "он". "Гитлеровцы" больше писали в сводках и всяких официальных донесениях об уничтожении противника. "Фашист", "фашисты" говорили, и довольно часто, хотя, конечно, гораздо реже, чем "немец" или "немцы". В особенности часто говорили про

авиацию: "Вон, фашист полетел". Тут почему-то чаще говорили именно "фашист", а не "немец".²⁵ Обращался К.Симонов к этому вопросу и позднее. В другом письме он пишет: "По поводу упоминаний слов "фашисты" и "немцы" в романе "Живые и мертвые". Я принципиальный противник того, чтобы вводить в книгу, написанную об одном времени, – фразеологию, взятую из другого времени. Это режет мне ухо. В моем романе люди говорят о немцах так, как мы говорили о них тогда, в разных случаях и в разных обстоятельствах называя их по-разному. И когда в романе немцы называются то "немцами", то "фашистами" – это реальный язык того времени".²⁶

В самом деле, два этих обозначения врага существовали как бы параллельно. Вот что писал родным 10 сентября 1941 г. из-под Ельни капитан П.М.Себелев: "Красивая панорама наступления!.. Радостно было смотреть, как за передним краем взлетали фонтаны земли, клубы огня и дыма. Я говорю это как командир батальона, а как человек думаю о другом: чем грандиознее панорама боя, тем больше земля пропитывается человеческой кровью, тем больше материнских слез с обеих сторон, тем больше отцов, сжимающих кулаки. Мы знаем, что не все немцы – фашисты, но война есть война!"²⁷

Разделение врага на "фашистов" и "немцев" по инерции продолжало существовать в начале войны, но по мере нарастания ее ожесточенности эти понятия в сознании народа все более сливались. Если в первую мировую представление о противнике прошло путь от образа "врага-зверя" к образу "врага-человека", то теперь все было наоборот: недавние "братья по классу" превратились в "бешеных псов", которых нужно убивать.

"Черная тень легла на нашу землю, – писал 18 октября 1941 г. Алексей Толстой. – Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости – все, все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?"

Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!"²⁸

Такой образ врага куда больше соответствовал реалиям военного времени. А затем появился лозунг, брошенный Ильей Эренбургом, – "Убей немца!" – и различия стерлись уже окончательно.

На восприятие врага, безусловно, оказала влияние основная эмоциональная доминанта на разных этапах войны. Естественным был шок от чудовищного несоответствия довоенных легковесных представлений о будущей войне, сформированных пропагандой ("малой кровью", "на чужой территории"), и реального хода событий. Такая недооценка образа врага и переоценка собственных сил в ходе катастрофических поражений 1941 года обернулась сначала недоумением от обманутых ожиданий ("Как посмели на нас, непобедимых,

напасть?!"), затем широким распространением подавленности, страха, представлений о враге как о хорошо отлаженной машине, которая прет стальной обезличенной лавиной, и ее невозможно остановить. "О немце, как о противнике, можно сказать, что это был сильнейший противник, – вспоминает полный кавалер ордена Славы Константин Мамедов. – Я думал над этим, – кто бы еще был в состоянии таким противником оказаться? И не могу найти хотя бы ближайшего сравнения. Это была вымуштрованная, владевшая боевой техникой военная машина, которой, пожалуй, не было, – да не пожалуй, а просто не было равной в мире..."²⁹

Конечно, была и героическая оборона многих городов, и попытки контрнаступлений местного значения, но в целом ощущение, что "мы бежим", неоднократно переходившее в панические настроения, с соответствующим формированием образа врага как огромной сокрушительной силы, стали доминировать в массовом сознании на первом, самом трудном этапе войны. И многочисленные "котлы", в которых оказались целые дивизии и корпуса регулярной армии, несколько миллионов попавших и сдавшихся в плен за первые месяцы, казалось, лишь подтверждали складывавшийся образ непобедимого фашистского рейха. Перелом наступил лишь когда убедились, что врага можно бить, – особенно во время контрнаступления под Москвой. "Произошла гораздо более важная вещь, чем взятие десяти или двадцати населенных пунктов, – писал в декабре 1941 г. К.Симонов. – Произошел гигантский, великолепный перелом в психологии наших войск, в психологии наших бойцов... Армия научилась побеждать немцев. И даже тогда, когда ее полки находятся в трудных условиях, когда чаша военных весов готова заколебаться, они все равно сейчас чувствуют себя победителями, продолжают наступать, бить врага. И такой же перелом в обратную сторону произошел у немцев. Они чувствуют себя окруженными, они отходят, они беспрерывно пытаются выровнять линию фронта, они боятся даже горстки людей, зашедших им в тыл и твердо верящих в победу... Пусть не рассчитывают на пощаду. Мы научились побеждать, но эта наука далась нам слишком дорогой и жестокой ценой, чтобы щадить врага".³⁰ А вот аналогичная запись в его фронтовом дневнике со слов простого солдата: "Немец, если на него не нахрапом, конечно, а ловким ходом насесть, немец боится. Немец, когда чувствует, что на него идет человек, который не боится, он его сам боится. А если от него тикают, ясно, он бьет! Кто-то кого-то должен бояться"³¹ отношения к себе у советских бойцов, появление у них веры в собственные силы вызвало и соответствующее изменение их отношения к врагу. А это, в свою очередь, вместе с первыми крупными успехами советской армии, изменило настроения и самооценку армии вражеской. "Как переменялись за шесть месяцев эти солдаты "непобедимой" армии! – отмечали наши газеты в разгар контрнаступления под Москвой, говоря о поведении немецких военнопленных. – В июле было непонятно, кто из них храбр, кто труслив. Все человеческие качества в них заглушал, перекрывал гонор – общая, повсеместная наглость захватчиков. Видя, что их не бьют и не расстреливают, они корчили из себя храбрецов. Они считали, что война кончится через две недели, что этот плен для них, так сказать, вынужденный отдых и что с ними по-

человечески обращаются только от страха, что боятся их мести впоследствии. Сейчас это исчезло. Одни из них дрожат и плачут, говорят, захлебываясь, все, что они знают, другие – таких единицы, – угрюмо молчат, замкнувшись в своем отчаянии. Армия наглецов в дни поражения переменилась... Это естественно в войске, привыкшем к легким победам и в первый раз подвергшемся поражению".³²

И в целом образ врага становился более конкретным и одушевленным: это уже не была несокрушимая машина. По мере роста страданий и бедствий народа враг-фашист все больше воспринимался как свирепый зверь – сильный, жестокий, опасный, но, тем не менее, вполне уязвимый, с которым и следует обращаться как с диким зверем. Чем дольше длилась война, тем яснее становилась глубина народного горя, тем сильнее разгоралась ненависть к захватчикам – особенно, когда советская армия перешла в наступление и собственными глазами увидела те зверства, которые творил враг на оккупированной им земле.

Образ врага-зверя, безусловно, имел под собой основания: воспитанные фашистской идеологией, немцы воспринимали себя как расу господ, "сверхчеловеков", а по отношению к другим народам вели себя как худшие из варваров.

"Что ты делаешь в России? Где находишься? – спрашивал своего приятеля в письме из-под Сталинграда от 16 ноября 1942 г. немецкий солдат Герман. – Ты пишешь о партизанах – я еще ни одного не видел. Особенно не возитесь с ними, самое лучшее – сразу расстреливать. Мы еще слишком гуманно обращаемся с этим свинским народом".³³ Другой немецкий солдат писал своему знакомому 26 мая 1942 г.: "Я сейчас надзирателем над русскими женщинами. Каждое утро в пять часов забираю сто таких деревенских красоток из комендатуры, и мы отправляемся на работы. Очень спокойное занятие. Настоящих женщин я среди них еще не видел: слишком много помесей. Черные, желтые, китайцы, монголы, и кто знает, какие там еще расы. Все они очень ленивы".³⁴

Разительный контраст между представлением о европейской культуре и поведением "носителей" этой культуры в лице немецких оккупантов очень четко фиксировался простыми советскими людьми, даже малограмотными крестьянами. Вот как в октябре 1942 г. передает разговор местных жителей о немцах в недавно освобожденном от оккупантов селе в районе Ржева Алексей Сурков:

"– Вот они, немцы, культурными считались. А культура у них какая-то неладная. Остудят в избе, и все зябнут. Велят круглые сутки печь топить. И жарись до тех пор, пока пожар не случится. Ты им говоришь – почто зря дрова изводить, лучше дверь в сени закройте... Гневаются, того гляди, тумака дадут – "молчи, матка!" – и опять велят за дровами идти.

– А когда они, бесстыжие, при женщинах голиком раздеваются, в корыте плещутся, когда они за столом воздух портят, когда они под себя в избе ходят, – это культура по-ихнему называется?

– Опять же на девок и молодух, как жеребцы стоялые, набрасываются... Каторжная ихняя культура, бесстыжая... Неужели они и у себя дома такие?"³⁵

Как видно из этих свидетельств, такое поведение оккупантов во многом диктовалось именно идеологией расового превосходства, отношением как к полноценным людям только к "своим". И шло оно не столько от специфики

национальной культуры, сколько от фашистской пропаганды и политики рейха в отношении славянских народов. Лишь немногие немцы в начале войны оценивали ситуацию и противника более адекватно. "Война – это не только наши победы, у нее есть много других сторон. Здесь разыгрываются настоящие трагедии, а мы, их виновники, ни о чем не думаем, и делаем то, что приказано. Приказано считать, что истреблять русских – это гуманно, ведь они люди "второго разряда"... – писал 28 июля 1942 г. с Восточного фронта домой немецкий солдат Хайнрик Линднер, а далее признавал: – Русские – хорошие солдаты, хотя у них ничего нет, только пехота и танки. Русская пехота выросла как единственное оружие против нашей армии. Она воюет, чтобы спасти свою страну, и верит, что имеет на это право. Мы тоже надеемся победить, чтобы все это, наконец, закончилось".³⁶

О роли гитлеровской пропаганды в формировании образа советских людей и соответствующего к ним отношения среди немецкого населения, включая, естественно, армию, свидетельствует еще один немецкий документ, а именно – служебный циркуляр СД "Сообщения из рейха" об образе русского у населения Германии, составленный в апреле 1943 г. В нем отмечается, что до начала войны с СССР немецкий народ узнавал о жизни в Советском Союзе исключительно из прессы, кино, подцензурной литературы и других каналов, проводивших пропагандистскую линию нацизма. Поэтому большинство немцев видело в СССР лишь бездушную систему подавления, а народ представляло как "полуголодную и тупую массу". Поток военнопленных и оstarбайтеров (восточных рабочих), вывезенных в Германию, существенно изменил данные представления, поскольку эти люди воспринимались как "живые свидетели большевистской системы, на которых можно проверить существовавший до сих пор образ России и порожденные пропагандой представления о советском человеке". Реальность, как отмечается в циркуляре, оказалась во многом противоположной пропагандистскому образу. В основе его было представление о большевистском безбожии, искоренении интеллигенции и оболванивании масс, о низком интеллекте, неграмотности русских, разрушении семьи как ячейки общества, жестоких методах господства и системе наказаний в СССР. Оказалось, что многие оstarбайтеры из Советского Союза носили нательные крестики и были религиозны, поражали немцев своими способностями и технической сообразительностью, чрезвычайно низким процентом неграмотных, причем "сравнение знаний немецких и русских сельских рабочих показывает, что русские образованнее", "...что именно у оstarбайтеров ярко выражены чувство семьи и высокая нравственность поведения", и что они "не знают телесных наказаний". "Из-за этих выводов, – отмечается в циркуляре, – ...значительно меняется представление о Советском Союзе и его людях. Сталкиваясь с противоречиями такого рода, немцы начинают задумываться. Там, где антибольшевистская пропаганда работает старыми методами и знакомыми аргументами, она не находит доверия и интереса, как это было до и в начале войны с Советским Союзом". Вместе с тем, в циркуляре СД делается вполне утешительный для фашистской пропаганды вывод, что "контакты с людьми, попавшими в рейх, недостаточны для того, чтобы изменить существовавший

до сих пор образ России, не говоря уже о том, что многие не дают себе труда поразмышлять об этом".³⁷

У фашистской армии эти контакты были значительно более тесными и двоякого рода – с населением оккупированных территорий и с советскими Вооруженными Силами. Отсюда и более точный образ советских людей, формировавшийся у представителей действующей немецкой армии. "Подавляющее большинство населения не верит в победу немцев, – отмечает в секретном донесении "Настроение местного населения" командир Судетской дивизии генерал-лейтенант Деттлинг в 1943 г., – ...Молодежь обоего пола, получившая образование, настроена почти исключительно просоветски. Она недоверчиво относится к нашей пропаганде. Эти молодые люди с семилетним и выше образованием ставят после докладов вопросы, позволяющие сделать заключение об их высоком умственном уровне. Обычно для маскировки они прикидываются простачками. Воздействовать на них чрезвычайно трудно. Они читают еще сохранившуюся советскую литературу. Эта молодежь сильнее всего любит Россию и опасается, что Германия превратит их родину в немецкую колонию... Молодые люди чувствуют себя с начала немецкой оккупации лишенными будущего".³⁸

И все сильнее были сомнения в собственной победе, ощущение мощи и естественной правоты загадочного русского народа, который воспринимался немцами как часть природной стихии, противостоящей им: "Из этой борьбы против русской земли и против русской природы едва ли немцы выйдут победителями... – писал 5 сентября 1943 г. в своем дневнике лейтенант К.-Ф.Бранд. – Здесь мы боремся не против людей, а против природы... Это – месть проклятого, которой я ожидал с начала войны".³⁹

В зависимости от этапа войны отношение к врагу у советских людей приобретало различные оттенки. "Пусть те, кто начал войну, те, кто принес столько горя и страданий, те, кто покрыл нашу землю огнем и кровью, на своей гнусной шкуре чувствуют, что несет с собой война", – записал в сентябре 1942 г. в своем фронтовом дневнике М.Т.Белявский. А спустя ровно два года появились там такие строки: "В Германию придут суровые солдаты справедливости. Теперь это не пророчество, не предсказание, не надежда. Теперь это справка о близком будущем".⁴⁰

Ненависть к врагу, принесшему столько горя, была естественным доминирующим чувством и в тылу, и особенно на фронте. В ряде случаев она распространялась и на пленных. "В тыловых районах нашей страны отношение к немцам было различным, – вспоминает Р.А.Медведев. – Это зависело от дальности фронта или длительности оккупации. Оно было более терпимым в тех городах, которые не знали немецкой оккупации. В некоторых районах Москвы немецкие военнопленные строили небольшие дома. В Тбилиси, где жила в годы войны моя семья, группы немецких военнопленных ремонтировали трамвайные пути. Они работали молча, но без охраны. Их не жалели, но и не оскорбляли. Однако в Киеве, где в конце 1943 г. немецкие военнопленные расчищали разрушенный центр города, их приходилось охранять".⁴¹

На фронте ненависть к врагу являлась важнейшим условием боеспособности наших войск, мощной мотивацией их готовности к самопожертвованию, к

битве не на жизнь, а на смерть. Почти каждый советский солдат имел личный счет к фашистским оккупантам. У многих погибли родные, были захвачены и разрушены их города и села, многие сами были свидетелями жестокости противника на оккупированной территории. "Мне лично довелось видеть своими глазами следы зверств и поголовного уничтожения фашистскими выродками всего на нашей земле, – говорил на красноармейском собрании своей роты в августе 1944 г. пулеметчик 279 стрелкового полка 19 армии Карельского фронта ефрейтор Соловьев. – Я видел сожженные дотла деревни и села, убитых и замученных наших людей, поруганную нашу русскую землю. Немцы ничего не оставляли в живых, кругом сеяли смерть и разорение... Кровь замученных советских людей зовет нас к кровной мести. Я клянусь, что совершенную свою выучку, в первом же бою жестоко отомщу фашистским зверям за их злодеяния".⁴²

Ненависть к врагу и жажда мести были естественной основой политической работы и пропаганды в Красной Армии вплоть до разгрома фашистов на их собственной территории. Советским политработникам не нужно было ничего выдумывать, чтобы возбудить у людей эти чувства. Они и так были сильны, и чтобы подкрепить их, достаточно было собрать и обобщить личный опыт каждого. И этим достаточно широко пользовались, собирая "счета мести". Об этой форме политической работы в войсках говорится в политдонесении об опыте работы комсомольской организации 28 гв. Краснознаменного Киркенесского стрелкового полка 10 гвардейской стрелковой дивизии 19 армии 2-го Белорусского фронта от 5 апреля 1945 г.: "24 февраля незадолго до атаки было проведено комсомольское собрание роты с вопросом "За что я мщу немецким захватчикам?" К этому собранию ... провели большую подготовительную работу, собрали у всех комсомольцев и молодежи счета мести гитлеровским громилам, а также другие материалы, показывающие чудовищные злодеяния немецко-фашистских захватчиков. Счета мести собирались так. В каждой роте была сделана тетрадь, в которую все солдаты, сержанты и офицеры записали, какое несчастье им лично принесли фашисты. Затем этот материал суммировался и представлял внушительный обвинительный акт на немецких палачей".⁴³

Факты зверских убийств и истязаний гитлеровцами советских военнопленных также включались в счета мести, тем более, что свидетельств такого рода было предостаточно: "В связи с проводимыми раскопками могил расстрелянных и замученных немцами советских людей и работой Государственной комиссии Карело-Финской ССР по установлению и расследованию совершенных немцами злодеяний, во всех частях проведены беседы о зверствах немцев на Севере, – говорится в донесении политотдела одной из армий Карельского фронта. – Вопросам мести немецко-фашистским захватчикам посвящены выпущенные боевые листки и наглядная агитация. При раскопках могил в Сальском лагере присутствовали бойцы и командиры частей, расположенных вблизи этого района, которые рассказали в подразделениях о тех зверствах, истязаниях, которым подвергали немцы наших бойцов, попавших к ним в плен. Рассказы бойцов, видевших следы зверств, взволновали личный состав и еще больше усилили ненависть к врагу. Так, когда в 279 стрелковом

полку коммунист Буряга рассказал бойцам о том, что он видел при раскопках могил, то беспартийный красноармеец Платонов не вытерпел и заявил: "О, зверюга немец! Не уйдешь от расплаты! Мы будем в Германии, твоей берлоге, все вспомним, за все ответишь своей кровью. После этой войны немцы будут помнить русских тысячелетиями. Мы выполним волю Сталина, волю всех народов. Скорее бы в бой".⁴⁴

Как видно из этого документа, оснований для ненависти к врагу и жажды праведной мести хватало. И приведенные в нем слова бойца о том, что "мы будем в Германии ... и все вспомним", отражали общее настроение народа и армии.

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть! – акты мести, психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

В январе-феврале 1945 г. советские войска развернули Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую наступательные операции и вступили на немецкую землю. "Вот она, проклятая Германия!" – написал на одном из самодельных щитов около сгоревшего дома русский солдат, первым перешедший границу.⁴⁵ День, которого так долго ждали, наступил. И на каждом шагу встречались советским воинам вещи с нашими фабричными клеймами, награбленные гитлеровцами; освобожденные из неволи соотечественники рассказывали об ужасах и издевательствах, которые испытали в немецком рабстве. И "гражданские" немцы, испуганные и заискивающие, с белыми повязками на рукавах, боялись смотреть в глаза, ожидая расплаты за все, что совершила их армия на чужой земле.

Жажда мести врагу "в его собственном логове" была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более, что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой. Еще накануне наступления в боевых частях проводились митинги и собрания на тему "Как я буду мстить немецким захватчикам", "Мой личный счет мести врагу", где вершиной правосудия провозглашался принцип "Око за око, зуб за зуб!"

Однако после выхода нашей армии за государственную границу СССР у советского правительства появились соображения иного рода, диктовавшиеся, прежде всего, необходимостью достойно и цивилизованно выглядеть в глазах союзников, а также планами на послевоенное устройство в Европе. Известная политическая оценка "Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается", данная в Приказе № 55 Наркома обороны еще 23 февраля 1942 г., была активно взята на вооружение пропагандой и имела немалое значение для формирования новой (а в сущности, реанимированной старой, довоенной) психологической установки советских людей в отношении противника.⁴⁶ Но одно дело умом понимать эту очевидную истину, и совсем

другое – стать выше своего горя и ненависти, не дать волю слепой жажде мести. Последовавшие в начале 1945 г. разъяснения политотделов о том, "как следует себя вести" на территории Германии, явились для многих неожиданно и часто отвергались.

Вот как вспоминал об этом писатель-фронтовик Давид Самойлов: "Лозунг "Убей немца!" решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. "Разъяснение" 17 апреля (статья Александрова, тогдашнего руководителя нашей пропаганды, где критиковалась позиция Ильи Эренбурга – "Убей немца!" – и по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за войну) и особенно слова Сталина о Гитлере и народе как бы отменяли предыдущий взгляд. Армия, однако, понимала политическую подоплеку этих высказываний. Ее эмоциональное состояние и нравственные понятия не могли принять помилования и амнистии народу, который принес столько несчастий России".⁴⁷

Закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали и сами немцы. Вот что записал в своем дневнике 15 апреля 1945 г. о настроении берлинского населения 16-летний Дитер Борковский: "...В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин – беженцев из занятыми русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество: набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняло людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств... Тут кто-то заорал, перекрывая шум: "Тихо!" Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближайшем бою. "Я хочу вам кое-что сказать," – кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. "Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!" В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька".⁴⁸

Акты мести были неизбежны. И нужно было прилагать специальные усилия, чтобы не допустить их широкого распространения. Не случайно, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский вынужден был издать приказ № 006, призванный "направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя", карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того – они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага вооруженного и сопротивляющегося. А с женщинами и стариками "сражались" те, кто старался быть подальше от передовой. Вспоминая бои в Восточной Пруссии, Л.Копелев, бывший политработник, впоследствии писатель,

рассказывал: "Я не знаю статистики: сколько там было среди наших солдат негодяев, мародеров, насильников, не знаю. Я уверен, что они составляли ничтожное меньшинство. Однако именно они и произвели, так сказать, неизгладимое впечатление".⁴⁹ Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. Однако судили они не только за мародерство и насилие, но и за "буржуазный гуманизм" по отношению к побежденным.⁵⁰

На противоречие политических установок до и после вступления на вражескую территории обращали внимание и сами политработники. Об этом свидетельствует выступление 6 февраля 1945 г. начальника Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта А.Д.Окорокова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главпура РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника: "...Вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разъяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала Кустова при проведении бесед были такие отклики: "Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!" Причем, надо прямо сказать, что неумные политработники стали рассматривать приказ № 006 как поворот в политике, как отказ от мести врагу. С этим надо повести решительную борьбу, разъяснив, что чувство ненависти является нашим священным чувством, что мы никогда не отказывались от мести, что речь идет не о повороте, а о том, чтобы правильно разъяснить вопрос. Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разъяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев. Солдату надо просто разъяснить, сказать ему просто, что мы завоевали это и должны обращаться с завоеванным по-хозяйски. Разъяснить, что если ты убьешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится. Вот немецкий солдат – уничтожь его, а сдающегося в плен отведи в тыл. Направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя. И наши люди понимают это. Один сказал, что мне стыдно за то, что я раньше думал – сожгу дом и этим буду мстить. Наши советские люди организованные и они поймут существо вопроса. Сейчас имеется постановление ГКО о том, чтобы всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 55 лет мобилизовать в рабочие батальоны и с нашими офицерскими кадрами направлять на Украину и в Белоруссию на восстановительные работы. Когда мы по-настоящему воспитаем у бойца чувство ненависти к немцам, тогда боец на немку не полезет, ибо ему будет противно. Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу".⁵¹

И действительно, пришлось немало потрудиться для изменения сформировавшейся ходом самой войны и предшествующей политической работы установки армии на месть Германии. Пришлось опять разводить в сознании людей понятия "фашист" и "немец". "Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной, – писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой армии Е.С.Катукова. – Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации. Но дисциплина у нас строгая. Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое до этого должно перегореть и перекипеть в душе, слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы. Одной проблемой являла собой психология восприятия советскими людьми заграницы, прежние представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годами внушаемые идеологические догмы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы "новые настроения", когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения "в розовых красках", сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого "политически неверные выводы". Бедные по европейским стандартам дома казались им зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой, озлобляя своей, по их понятиям, роскошью. Так, в документах того периода часто упоминаются разбитые часы, рояли, зеркала. Не трудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, дававшего выход своей горечи. Или отправлявшего домой, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из трофейных вещей. "Фриц бежит, все свое бросает, – писала родным 20 февраля 1945 г. из действующей армии В.Герасимова. – Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать. Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим".⁵³

Конечно, дошедшие до нас документы не могут охватить все многообразие взглядов, мыслей и чувств, которые возникли у советских людей, когда они перешли государственную границу СССР и двинулись на запад. Но и в них ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним сталинской системы, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед

любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 году.

Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление естественных мстительных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. Преобладание ненависти, "ярости благородной", справедливой жажды отмщения вероломному напавшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушием победителей на завершающем этапе и после ее окончания. "Перешли границу – Родина освобождена, – вспоминает бывший санинструктор Софья Кунцевич. – Я думала, что когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди! Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему? Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним... Пришли в какой-то поселок, дети бегают – голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла".⁵⁴

Гуманность советских войск по отношению к немецкому населению после всего, что совершили гитлеровские войска на оккупированной ими территории, была удивительна даже для самих немцев. Тому есть немало свидетельств. Вот одно из них, зафиксированное в донесении от 15 мая 1945 г. члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф.Е.Бокова командующему войсками 1-го Белорусского фронта о политическом настроении жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями: "Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: "Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России. Я решила открыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. А сейчас мы видим, что все советское командование беспокоится о том, чтобы население не умирало с голоду. Больше того, выдают всякие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ. Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер. Некоторые высказывали только такую мысль – неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно – устроиться на работу и восстанавливать разрушенное..."⁵⁵

Вряд ли только политические директивы и грозные приказы могли остановить праведный гнев побеждавшей Советской Армии, который имел достаточно оснований вылиться в слепую месть поверженному врагу. И такие случаи, конечно же, были. Но они не превратились в систему. Причины этого, на наш взгляд, достаточно точно определил Д.Самойлов: "Германия подверглась не только военному разгрому. Она была отдана на милость победного войска. И народ Германии мог бы пострадать еще больше, если бы не русский национальный характер – незлобливость, немстительность, чадолюбие, сердечность, отсутствие чувства превосходства, остатки религиозности и интернационалистического сознания в самой толще солдатской массы. Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского человека" проявились и по отношению к немецким военнопленным. "Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца, – писал 19 июля 1944 г. Леонид Леонов после того, как по Москве провели многотысячную колонну немцев. – В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не жжем пленных, не уродуем их: мы не немцы. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах, во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту попавшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата..."⁵⁷ И символом этого народного презрения стали десятки поливочных машин, пущенных за колонной пленных, чтобы смыть самый след, самый дух их с московских улиц. Даже в гуманном обращении с пленными согласно международному праву содержалось подчеркнутое противопоставление собственного образа человека и образа фашистского врага-зверя, находящегося за решеткой в ходе Великой Отечественной войны и образ врага, и отношение к нему прошли достаточно сложную эволюцию. Перед войной и в самом ее начале имели существенное значение идеологические стереотипы. Так, если в предвоенные годы в сознание масс была внесена идея о некоей "исторической миссии страны победившего социализма" – лидера мирового пролетариата, а характер будущей войны виделся наступательным и победоносным, при безусловной поддержке со стороны трудящихся Европы, и, прежде всего, Германии, то с началом войны, принявшей сразу характер оборонительный, при жестокой борьбе за само выживание, на первый план выдвинулись национально-патриотические чувства. Иллюзии, в том числе порожденные идеологическими догмами, в столкновении с жестокой реальностью прямого противоборства с фашизмом рассеялись, а идея мировой революции и освобождения "братьев по классу", принесенного на штыках Красной Армии, быстро сменилась ненавистью к врагу, независимо от его классового происхождения, несшему разрушения и смерть, попрание национального достоинства и святых. Под знаком этих чувств – любви к Родине и ненависти к врагу – советский солдат прошел всю войну. Однако, в плане психологическом с ненавистью к врагу не все обстояло так просто. Нужно было пережить первый трагический период войны, горький опыт потерь друзей и близких, чтобы совет-

ский солдат проникся этим чувством к агрессору, принесшему смерть и кровь на родную землю. Наивысшим его выражением стало стихотворение К.Симонова "Убей его!" В дальнейшем тема ненависти к врагу становится обычной для листовок, фронтовых и центральных газет, политзанятий, публицистики.

Справедливая цель, во имя которой боролся наш народ, – защита Родины от агрессора, – по своему морально-политическому и социально-психологическому воздействию на массы оказалась сильнее идеологии фашизма, умело насаждавшейся милитаристской психологии и теории расового превосходства. Они внушались хорошо отлаженной системой гитлеровской пропаганды целому поколению немцев, принимавших участие в грабительских, завоевательных походах, за которые каждому были обещаны крупная сумма денег и участок земли с рабами из числа жителей покоренных стран.⁵⁸ Гитлер возвел низменные инстинкты в ранг государственной морали и политики, "освободил" немецких солдат от "химеры совести", а фашистская пропаганда формировала в сознании своего народа образ русского человека как низшего, ущербного существа, недостойного европейской цивилизации и неспособного противостоять натиску "избранной" арийской расы. Но хотя немецкая армия сражалась с огромным упорством и ожесточением и показала достаточно примеров храбрости, нет свидетельств совершения немецкими солдатами и офицерами ни воздушных таранов, ни актов самопожертвования, подобных подвигам Александра Матросова и Николая Гастелло. Напрасно уже в конце войны фашистское правительство призывало немецкий народ развернуть партизанскую войну против советских войск на территории Германии, а участникам обороны Берлина ставило в пример стойкость защитников Москвы. Когда пропаганда не находит других средств, кроме как сослаться на пример героизма собственного противника, этого говорит о многом. Французский историк М.Ларан, занимающийся изучением истории России и Советского Союза, констатирует в своей книге, что "самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага".⁵⁹ И это духовное превосходство проявилось, в частности, на последнем этапе войны, когда чувства ненависти и праведного гнева советских воинов не переросли в слепую месть поверженному противнику, не вылились в массовую резню гражданского населения и немецких военнопленных.

4. Образ врага в сознании участников двух мировых войн: общее и особенное

Как убедительно показывают источники, и в первой, и во второй мировой войне было нечто общее в эволюции представлений о противнике – "образе врага", хотя имелись и весьма существенные отличия. Общим было, прежде всего, развитие этого образа от преимущественно пропагандистского, абстрактно-стереотипного, сформированного на расстоянии через официальные каналы информации, прессу, специальные агитационно-пропагандистские ма-

териалы, к более конкретно-бытовому, личностно-эмоциональному образу, который возникал у армии и народа в первую очередь при прямом соприкосновении с противником. На особенности в этом формировании повлияли рассмотренные выше принципиальные различия двух мировых войн: столкновение разных типов государств, ход войны, степень ожесточенности и т.д. Особенностью первой мировой войны был переход от стереотипа "врага-зверя" к образу "врага-человека". Этой эволюции способствовал ряд факторов: прежде всего, не слишком понятный с обеих сторон смысл войны, относительная ограниченность (по сравнению со второй мировой) вовлечения в орбиту военных действий собственно национальной территории Германии и России и степень проникновения в тыл противника, хотя бы частичное соблюдение германской стороной норм международного права при ведении войны и, соответственно, меньшая степень ожесточенности. Во второй мировой войне с обеих сторон принципиально большую роль играл идеологический момент. Однако, господствовавший в советской пропаганде классовый подход и сформированный на его основе стереотип немецкого пролетария – друга страны Советов, который повернет штыки против своего правительства сразу же после начала войны, а также образ собственной непобедимости, представления о доблестной Красной Армии, которая будет бить врага на чужой территории, мгновенно рухнули в первые же дни столкновения с фашистской Германией. Уже на бытовом уровне на начальном этапе войны у советских людей неумолимо складывался образ обезличенной военной машины, победоносно проехавшейся по всей Европе и вот теперь утюжившей гусеницами танков огромные пространства нашей страны. Образ врага-машины, хорошо отлаженного военного механизма (особенно учитывая техническую оснащенность и организованность немецкой армии), сохранялся до конца войны. Однако он очень быстро был дополнен образом врага-зверя. Причем этот образ формировался как "сверху", на уровне пропаганды (в терминах "фашистский зверь", "фашистская гадина" и т.п.), так и "снизу", на бытовом уровне, исходя из личного опыта людей, оказавшихся на оккупированной территории, в плену, в действующей армии, наблюдавших или испытывавших в прямом смысле зверства фашистских захватчиков. И на уровне пропаганды, и на личностно-бытовом уровне понятие "немец" было отождествлено с понятием "фашист", а понятие "фашист" было равно понятию "зверь".

Степень горя и страданий, принесенных врагом нашему народу в ходе Великой Отечественной войны, была неизмеримо выше, чем в первую мировую. Поэтому эволюция в сторону чисто человеческого восприятия противника происходила значительно медленнее и труднее, оценки его на личностно-бытовом уровне хотя и были в обоих случаях негативными, но в первую мировую войну менее эмоционально окрашенными, более нейтральными, часто даже беззлобными и просто ироничными, тогда как в Великую Отечественную войну преобладало личностно-эмоциональное, жестко враждебное отношение, с доминированием чувства ненависти и полного неприятия. Вот, например, оценка врага в письме прапорщика А.Н.Жиглинского от 22.06.1916 г.: "Окопы немцев очень тщательно отделаны – стенки даже бетонированы. Вообще все укрепления рассчитаны на долгое сидение – то-то они так отчаянно дрались.

Артиллерия у них, если не меньше, чем у нас, то снарядов меньше и качество их хуже, чем наших. Когда немцам приходится плохо, то они начинают очень неважно стрелять – пускают таких "журавлей" – слишком высокие разрывы шрапнелей, не причиняющие вреда, не наносящие ущерба своими пулями и осколками".⁶⁰ Это довольно типичное высказывание в адрес противника содержит оценку скорее в негативно-ироническом, даже снисходительном духе. Заместитель политрука Ю.И.Каминский более категоричен, враждебен и беспощаден в своей характеристике: "Перед нами опытный и матерый враг – есть и эсэсовцы, и прочая сволочь, – пишет он 29.04.1942 г. брату. – Они здесь сильно зарылись в землю и укрепились, надеясь отсидеться. Вообще эти немцы – сволочный народ. Когда мы заняли этот пункт (а они и здесь солидно окопались, понастроили ДЗОТов и блиндажей и т.д.), то не нашли ни одного убитого немца. Все были очень огорчены. Но теперь выяснилось, что они взрывом сделали большой котлован, свалили туда, как собак, всех своих покойников и кое-как засыпали глыбами земли и снегом. Сколько их тут гниет и сколько таких "могил" – бог знает. Обстреливают они нас постоянно, но толку от их огня мало".⁶¹ Казалось бы, оба офицера говорят почти об одинаковых ситуациях и поведении противника. Однако, насколько во втором случае сильнее элемент эмоционального его отторжения, личностного неприятия. Причем, чувствуется явная пристрастность в оценке, в общем-то, заурядных фактов военного быта, которые, если разобраться, по человеческим меркам вовсе не характеризуют противника негативно: немцы тщательно готовили оборонительные позиции, и даже отступая, вероятно, после ожесточенных боев и в спешке (ведь выбили их с укрепленных позиций), сумели похоронить всех своих убитых, – да, в общем котловане, что в боевых условиях было обычной практикой и у нас носило "облагороженное" название "братские могилы", только вот сотни тысяч непогребенных и через полвека советских солдат говорят не в нашу пользу. Данное свидетельство интересно именно эмоциональной пристрастностью, мешающей автору письма из-за своей ненависти оценить противника объективно. И это далеко не самая жесткая оценка врага, которая давалась в письмах советских людей в годы Великой Отечественной.

Даже когда официальная советская пропаганда, руководствуясь сугубо политической и военной целесообразностью при вступлении на вражескую территорию, попыталась разорвать эту жесткую связку "фашист-немец-зверь", сделать это на бытовом личностном уровне оказалось чрезвычайно сложно. Фашистского зверя нужно было "добить в его собственном логове". Так призывал советский вождь свой народ, так призывали командиры и политработники шедших в атаку бойцов, для которых Германия, немец были синонимами "фашистского зверя".

Не случайно и после войны в народном сознании еще очень долго сохранялось это тождество. Немцы были "фашисты", а фашисты значило "немцы". Это чувство зачастую распространялось даже на российских немцев, тем более, что сама власть репрессиями против немецких этнических групп, отправкой их на спецпоселения из родных мест давала для этого повод. И в этом тоже существенное отличие второй мировой войны от первой, в ходе которой,

тем не менее, также имели место антинемецкие настроения и репрессивные акции государства (высылки из прифронтовой полосы, погромы и т.п.). Это отношение теперь было гораздо более враждебным, стойким и длительным, причем не только в самой России, но и за рубежом.

"Известно, что уже через десять лет после окончания первой мировой войны в Европе регулярно проводились встречи ветеранов этой войны, – отмечает Р.А.Медведев. – Бывшие противники встречались, вспоминали боевые эпизоды. Случаи братания, когда солдаты переставали стрелять друг в друга и выходили из окопов, игнорируя окрики офицеров, случались не только на русско-германском фронте. Вторая мировая война не знает таких случаев".⁶² Ни о каких случаях братания во второй мировой войне не могло быть и речи: слишком велик был накал ненависти с обеих сторон. Ни с "машиной", ни со "зверем" не братаются. Восприятие фашистского врага как человека проявлялось, быть может, только в очень редкие минуты победного торжества. Да и то современниками это воспринималось как нечто парадоксальное. "Многие из нас уже научились говорить по-немецки и многие немцы уже кое-как лепечут по-русски, – писал своим родным 2 мая 1945 г. подполковник П.М.Себелев. – Самый последний парадокс: пишу это письмо и в окно вижу, как наш и немецкий солдаты поочередно с горлышка бутылки пьют шнапс, размахивают руками и о чем-то говорят. Удивительно! Вам трудно представить себе это наше торжество, которое сейчас происходит в Берлине".⁶³

Конечно, в ходе пребывания советских оккупационных войск в Германии после войны менялось отношение к гражданскому населению, хотя достаточно быстро личный состав этих войск был сменен (в значительной степени) молодым пополнением, в боевых действиях не участвовавшим. Постепенно смягчалось и отношение к немецким пленным, несколько лет находившимся в советских лагерях. Это отмечают и сами немцы. Например, в комментариях документальной экспозиции г.Берлина "Война Германии против Советского Союза 1941-1945" к 50-летию со дня нападения Германии на СССР говорится: "Несмотря на высокую смертность, обращение с немецкими военнопленными не строилось ни на стратегии их уничтожения, ни на беспощадной эксплуатации их труда... Тяжелые условия, в которых находились немецкие военнопленные, определялись в немалой степени убытками, причиненными стране войной".⁶⁴ В дальнейшем на отношение к немцам влияла и установка на создание демократического, а затем и социалистического союзного немецкого государства.

Однако, различие в восприятии немцев после двух мировых войн у русского народа оставалось весьма существенным: после первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошел ряд десятилетий, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса молодого респондента, чей отец три года воевал на советско-германском фронте: "Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с Германией, наложил на сознание всех советских людей определенный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если

скажу, что вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения – это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней – плод не только приевшейся государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у старшего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она видит в ужасах войны не немцев, а фашизм..."⁶⁵

Итак, в войне психологическая антитеза "свой-чужой" реализуется в крайних негативных формах, переходящих в эмоциональную враждебность и полное неприятие представителя иного государства, этноса, носителя иной культуры. Степень этого отторжения бывает весьма различной. Вторая мировая война как раз и отличается от первой мировой доведением такого отторжения до высшей степени, переходящей в принципиально иное качество. Понятие "чужой" переходило из качества чего-то инородного, но по-человечески понятного и вполне достойного нормальных чувств, в полную противоположность "своему", в нечто, находящееся за пределами норм человеческих отношений. Образ "врага-зверя" надолго стал той призмой, через которую в российском народном сознании воспринималась не только германская армия, но и немецкая нация в целом. В российской истории со всеми ее многочисленными войнами, тем не менее, существует, пожалуй, только одна подобная аналогия – двухвековое монголо-татарское иго и соответствующее отношение на Руси к татарам, для преодоления которого, причем далеко не полного, потребовались столетия. Тот же эффект национально-культурного отторжения немцев был достигнут всего за четыре года Великой Отечественной войны, отзвуки которой и по сей день еще слышны в сознании наших соотечественников.

5. Исламское общество Афганистана глазами воинов-"афганцев"

Восприятие одной культуры другой никогда не бывает абстрактным: всегда существуют конкретный объект, субъект и ситуация восприятия. Афганская война воспроизвела не такой уж редкий вариант взаимодействия двух принципиально различных культур через военное противостояние, причем ситуация была осложнена тем обстоятельством, что само афганское общество было расколото на две части, одна из которых воспринимала вмешательство СССР в Афганистане как союзную помощь и поддержку, а другая, со временем усиливавшаяся и разраставшаяся, – как агрессию и навязывание силой чуждых порядков.

Проблема "свой-чужой" – всегда центральная во взаимодействии любых социумов, включая социо-культурные образования. Образ "другого" всегда воспринимается через собственный опыт, собственные традиции, психологию и даже архетипы. Чаще всего это происходит отнюдь не дружелюбно, без излишних симпатий, потому что собственная культура, собственные обычаи в

силу человеческой психологии представляются более значимыми, а иногда и самоценными, тогда как к инородным явлениям относятся либо безразлично, либо настороженно. Ситуация, когда носители одной культуры вторгаются в среду другой, используя силу, превращает эту изначально неблагоприятную "нейтральность" в активную враждебность, которая тем сильнее, чем дальше друг от друга отстоят эти культуры. В этом смысле Афганская война – классический вариант такой ситуации, причем с обеих сторон.

Однако в советских войсках, вступивших в Афганистан, при всей их общности как представителей "советского народа" с присущим ему на поверхностном, "надстроечном" уровне менталитетом (идеологические стереотипы, внедренные государством), служили люди разных национальностей, вероисповеданий, культур. Отсюда вытекает проблема дифференцированного восприятия афганского общества и его традиций различными субъектами, представлявшими в "ограниченном контингенте" различные субкультуры.

Среди них можно условно выделить три больших категории. Первая – это наиболее близкие афганским народам по культуре и обычаям выходцы из Средней Азии (таджики, узбеки, туркмены и др.). Этническая, языковая и религиозная общность при всем внешнем государственном влиянии создавала в этих случаях основу для восприятия афганской культуры как родственной, хотя и отсталой, застывшей в своем развитии где-то на уровне средневековья. Более удаленной была позиция представителей других народов, также исповадовавших ислам (например, татар, некоторых народов Кавказа и др.), хотя религиозная общность позволяла воспринимать афганскую культуру менее отчужденно и даже видеть в ней какие-то родственные черты. Наконец, позиция наибольшей отчужденности в восприятии была свойственна основной части воинского контингента, которая как раз и характеризовалась максимальными этническими, религиозными и социо-культурными отличиями. Это была ситуационно специфическая позиция восприятия азиатской мусульманской культуры восточными европейцами (славянами, прибалтами и др.).

Конечно, не следует преувеличивать религиозные основы этих различий, потому что шесть-семь десятилетий атеистической советской власти во многом усреднили образ жизни и мышления представителей и различных этносов, и религиозных концессий. Однако не стоит и преуменьшать, так как на уровне базовых традиций, обычаев, бытового поведения и обыденного сознания религиозные корни различных этно-культур в целом были очень сильны. (Об этом, например, свидетельствует ситуация в посткоммунистической Югославии, где при этнической близости населяющих ее народов после десятилетий официального атеизма религия стала главным фактором противостояния в обществе и распада государства.)

Основной интерес для нашего анализа представляет именно позиция третьей категории советских воинов-"афганцев", – и потому, что за исключением начального этапа войны они представляли подавляющее большинство в "ограниченном контингенте", и потому, главным образом, что восприятие это особенно ценно с позиции наибольшей разницы потенциалов "мусульманской" и "христианской" культур.

Следует подчеркнуть несколько важнейших параметров самой ситуации восприятия и ряд вытекающих из нее следствий. Во-первых, это было не "дистанционное" восприятие, при котором в общественном сознании стабильно существует некий набор стереотипов и предрассудков, а непосредственно личностное, действенное, в прямом контакте, следствием чего был конкретный опыт взаимоотношений, а само восприятие было чувственно-образным и эмоциональным. Не случайно значительная часть источников, создававшихся в ходе событий в Афганистане и даже после их окончания, фиксирует прежде всего чувства и переживания участников, а уже потом осмысление и анализ того, что там происходило.

Во-вторых, ситуация восприятия была экстремальной, как всякая война, в особенности на чужой территории. И тут, безусловно, на отношение советских военнослужащих к жителям Афганистана накладывался сложный комплекс чувств: их воспринимали не только как представителей иной культуры, но и как потенциальных или реальных противников, которые могут в любой момент выстрелить, напасть из-за угла, заманить в засаду, захватить в плен, убить. И здесь традиционный стереотип о восточных жестокости и коварстве очень часто находил подтверждение на практике, причем особенно в отношении к иноверцам-европейцам. Один из источников приводит распространенную формулу моджахедов (то есть "борцов за веру", как они сами себя называли), когда они предлагали сдаться окруженным советским солдатам: "Мусульман, выходи, живой будешь. Шурави, сдавайся, не больно резать будешь".⁶⁶ В-третьих, – и это только подтверждается приведенным выше свидетельством, – поскольку ядром СССР являлись Россия и славянские республики, то фактически и афганскими моджахедами, и советскими войсками война воспринималась как противостояние культур, только одни это открыто формулировали, призывая к "джихаду" (священной войне против "неверных"), а другие под лозунгом интернациональной помощи внедряли в чужую среду свои, чуждые ей идеи.

В-четвертых, важной характеристикой ситуации была ее крайняя противоречивость. Советский "ограниченный контингент" выступал, с одной стороны, "классовым" союзником "народно-революционной" власти Кабула; с другой, – воспринимался как агрессор многоисленными, разношерстными ее оппонентами, за которыми стояла огромная часть народа. Советские войска вмешались во внутренний политический конфликт, в гражданскую войну, что сразу изменило ее характер: противники центральной власти фактически объявили войну национально-освободительной и повели ее под религиозными знаменами. Факт появления чужеземных солдат исключительно свободолюбивым, независимым афганским народом был воспринят как иностранная интервенция.⁶⁷ И чем активнее были советские военные операции в поддержку Каульского правительства, тем сильнее возрастало сопротивление оппозиции, привлекавшей на свою сторону все более широкие слои населения.

Это не могли не замечать и советские военнослужащие. Отсюда и крайняя противоречивость восприятия ими самой войны и афганского народа. С одной стороны, некоторая романтизация событий как следствие официального лозунга об интернациональном долге, братской помощи афганским революцио-

нерам, защите государственных интересов СССР и его южных границ; с другой, – личный опыт жесткого противостояния с опасным и жестоким врагом, ведущим партизанскую войну, при отсутствии четкой грани между мирным жителем и душманом. Несомненно, на восприятие войны, а через нее и афганского общества, влиял тот факт, что противниками "народной власти" почему-то оказывались не только "банды моджахедов", но и сам народ – от мала до велика, вне зависимости от "классовой принадлежности". При этом, наверное, стоит говорить об изменении доминанты восприятия – от начальной к завершающей стадии войны. Если в 1980 году советских солдат, положивших конец зверствам режима Амина, встречали цветами, и у них появлялось ощущение того, что им действительно рады (хотя и тогда уже началось внутреннее сопротивление, первые обстрелы, первые жертвы), то к 1989 году таких иллюзий уже ни у кого не осталось.⁶⁸

В-пятых, ситуация восприятия характеризуется и особенностью его субъекта: это были преимущественно военнослужащие, то есть люди на тот момент одной профессиональной категории, хотя среди них находились и солдаты срочной службы, и кадровые офицеры. Кроме того, в абсолютном своем большинстве это была молодежь, попавшая на войну прямо со школьной скамьи. То есть люди, почти не имевшие жизненного и социального опыта, неожиданно оказались в чужой стране, в непривычной и враждебной среде, в экстремальных обстоятельствах. Следствием чего явилась высокая степень эмоциональности в отношении к событиям и к окружающей действительности. Эта особенность отразилась и в источниках – как личного происхождения (письма, дневники, мемуары, устные воспоминания-интервью), фиксирующих такое восприятие, так и в имеющих художественную основу (авторские стихи, песни, солдатский фольклор). В последней категории источников в обобщенной символической форме выражен весь спектр отношений к афганской войне, – и к афганскому обществу, и к самой ситуации войны, и к своему месту в ней.

С учетом приведенных выше, а также ряда других параметров и следует оценивать ситуацию восприятия советскими воинами афганского общества, его обычаев и традиций в рамках исламской культуры.

"Что расскажешь о Востоке? Непривычная страна:

Здесь совсем другие Боги и другие имена..."⁶⁹ –

написал об Афганистане Игорь Морозов. А в других своих стихах добавил:

"Здесь сошлись два века в противостоянии –

Век двадцатый и четырнадцатый век".⁷⁰

В самом деле, первое, что бросалось в глаза прибывшим в чужую страну советским солдатам, – не столько восточный колорит и экзотика, сколько ужасающая бедность: убогие глиняные постройки, оборванные, грязные, вечно голодные ребятишки, выпрашивающие "бакшиш" (подарок), нехватка или отсутствие привычных "плодов цивилизации", отчего возникало чувство, что ты отброшен назад во времени. И принятое здесь летоисчисление по мусульманскому календарю символически очень точно отражало самую суть ситуации. "Что больше всего поразило в Афганистане – это нищета, – вспоминает рядо-

вой С.Фесюн, проходивший службу в 1980-1981 гг. в Кандагаре. – Когда мы приехали, зима была. Снега не было, но ветер, пронизывающий до костей, злой какой-то. Мы, солдаты, в ватных бушлатах и то мерзли. А местные крестьяне в это время босиком ходили. Все их жилища из песка и глины слеplены. Тогда же я увидел, как дерево продают на килограммы, тщательно взвешивая".⁷¹

При всей своей бедности афганские декхане, составляющие подавляющее большинство населения, очень трудолюбивы: "На полях люди работают не разгибая спины с утра до вечера. Почва плохая: песок вперемешку с камнями. Удобрений никаких. И все же два урожая в год снимают".⁷² Тем удивительнее казалось сочетание этого качества с другими: вороватостью, корыстностью, даже продажностью. Обман при совершении торговых сделок рассматривался как явление вполне достойное. Причем, если в отношении мусульман между собой существовали своеобразные нормы честности, то "надуть" иноверца считалось особой доблестью. Широко было распространено воровство, даже открытое. Так, с проезжающих мимо военных машин афганцы заимствовали все, что легко открывается. Особенной ловкостью в такого рода делах отличались местные пацаны.⁷³

С другой стороны, нельзя было не заметить разительные контрасты местной жизни: Афганистан существовал одновременно как бы в двух измерениях – в темном средневековье и в "просвещенном" XX веке, причудливо сочетая признаки и того, и другого. "Конечно же, нашей первой точкой оказался базар, – рассказывает рядовой А.Г.Банников, служивший в Афганистане в 1985-1986 гг. – Мы словно попали в века минувшие: декхане в рваных халатах, совсем нет женщин, около дуканов, как бы вмонтированные в стены, на корточках сидели то ли нищие, то ли хозяева этих магазинчиков... Но когда мы взглянули на прилавки дуканов, то убедились, что это век будущий. Наимоднейшие шмотки, которые несколько недель назад были сшиты на какой-нибудь американской или английской фабрике. Рядом с ними беспорядочно лежали японские магнитофоны, телевизоры. Часы всех мастей, духи..."⁷⁴ То же можно сказать и об оружии: начиная войну с дедовскими "бурами", душманы вскоре получили и освоили самое новейшее вооружение вплоть до ракетных установок. Средневековое по уровню сознания общество успешно противостояло современной армии, используя против нее как современные средства ведения войны, так и тактику партизанских действий, основанную на вековом опыте и знании местности, тесном взаимодействии боевиков с "мирными" жителями.

Второе впечатление – огромная религиозность местного населения. Для людей, в большинстве своем воспитанных в духе атеизма, подобная атмосфера была особенно непривычна и неожиданна. Вот как описывает свои впечатления рядовой А.Бабак, проходивший службу в Кабуле и Шинданде с 1980 по 1982 г.: "Что в первое время очень удивляло, так это намаз в мечетях. Пять ча-

сов утра, до подъема еще час самого сладкого солдатского сна, а тут вдруг проповедь муллы из громкоговорителей. Жили в палатках – все было слышно. Голос у муллы какой-то жалобный и вместе с тем требовательный. Бывало, даже невольно посочувствуешь: уж больно беспокойная должность у человека. С утра до вечера служит Аллаху".⁷⁵

Пожалуй, наблюдая скрупулезное соблюдение религиозных обрядов как душманами, так и правительственными войсками (когда, например, посреди боя и "духи", и "сарбозы" дружно прекращали стрельбу и опускались на колени, чтобы совершить намаз), советские солдаты сильнее всего могли ощущать, что это чужая война и как неуместно их вмешательство во внутреннюю жизнь этой страны. Различие культур обуславливало и специфику ведения советскими войсками боевых действий: они были свободны от многих психологических барьеров, характерных для их союзников-царандоевцев. Так, ефрейтор А.Шатров, служивший в Афганистане в 1982-1984 гг., вспоминает, что во время одной операции они "выловили больше сотни человек из банды, которая основательно трепала наши войска. Правда, нарушили мусульманский обычай – проверили женские покои, которые есть в каждом доме. Бандиты в них и прятались, закутавшись в женскую одежду и паранджу. Афганские солдаты, которые до этого несколько раз "чесали" Самаркандиан, туда не заходили".⁷⁶

Восточные традиции и религиозный фанатизм проявлялись во всем поведении моджахедов: убить врага и надругаться над его трупом считалось особой доблестью; обычным делом были зверские расправы над пленными; своим за любую провинность рубили головы.⁷⁷ Весьма характерно и отношении "духов" к опасности: все они смелые воины, но это смелость особого рода, основанная на исламском фатализме, покорности судьбе, то есть воле Аллаха. Погибнуть в бою, пролив кровь за веру, – значит обеспечить себе пропуск в рай, но при этом они панически боятся бескровной, "неправедной" смерти – быть утопленными, задушенными или повешенными.⁷⁸ Таким образом, отношение к смерти у них специфически религиозное, идущее от исламских догматов. Для советских "безбожников", воспитанных тем не менее в культуре, имевшей христианские корни, это было весьма непривычное и странное мировоззрение, вызывавшее резкое неприятие.

В свою очередь для душманов "шурави" были не только чужеземцами, вставшими на сторону непопулярной политической группировки, которая, захватив центральную власть, стала нарушать вековые традиции, оскорбляя чувства верующих (закрывались мечети, расстреливались муллы, привлекались к общественной жизни женщины и т.д.).⁷⁹ Они были "кафирами" (поборниками иной веры), и война с ними считалась священной, получившей благословение Аллаха. Возможно, именно это обстоятельство наряду с общей психологической напряженностью вызывало в советских войсках вспышки религиозности среди атеистов: у людей возникала настоятельная потребность противопоста-

вить уверенному в своей "праведности" неприятелю нечто равноценное в духовном плане. Идеологические клише, звучавшие на политзанятиях, для этого уже не годились: в реальной обстановке Афганской войны они выглядели беспомощными и нелепыми.

Ислам – не только религия. Это образ жизни и мыслей, ядро целой цивилизации – чуждой и до конца непонятной, отторгающей чужака-европейца. В Афганистане это было особенно заметно, потому что обычаи, характерные для исламского мира в целом, накладывались на тысячелетние традиции народа, который всегда выходил победителем в борьбе с внешним врагом, и любые попытки вторжения на его территорию заканчивались для завоевателей плачевно. В любом кишлаке, у каждого племени, рода и клана существует свое ополчение, так называемая "лашкара". Численность таких отрядов может составлять от десятка до нескольких тысяч человек (в межплеменных формированиях). А так как место погибшего воина по освященному веками обычаю обязан занять сын, брат, любой другой родственник или соплеменник, то "война с "лашкарой" для любой регулярной армии бесперспективна, если речь не идет о победе любой ценой".⁸⁰ Даже незначительное кровопролитие вызывает здесь цепную реакцию, и по закону кровной мести за оружие берутся те, кто еще вчера оставался в стороне от борьбы. Соппротивление нарастает со скоростью горной лавины. Этого не учли политики, принимавшие решение о вводе советских войск в Афганистан, – какими бы причинами они ни руководствовались. А вот Амин, глава режима, свергнутого при участии спецподразделения "Альфа", более адекватно оценивал обстановку в стране и в ответ на критику в свой адрес со стороны советских советников по поводу того, как же можно бомбить и уничтожать целые племена, говорил: "Вы не знаете наш народ! Если какое-то племя взялось за оружие, оно его уже не сложит. Единственный выход – всех уничтожить от мала до велика! Такие у нас ~~Кромешного~~⁸¹ среди пуштунских племен широко распространено наемничество, которое считается очень почетной и хорошо оплачиваемой профессией. По решению старейшин племени "лашкара" может выступить на стороне любого, кто обратится за помощью или заплатит за военную поддержку. И мотив выгоды имеет не меньшее значение, чем политический или религиозный. Так, голова советского офицера оценивалась в 300 тысяч афгани (точная цена колебалась в зависимости от звания), а урожай со среднего крестьянского надела стоил всего 50 тысяч.⁸² Стоит ли удивляться, что даже "мирные декхане", не состоявшие в отрядах оппозиции, днем обрабатывали свой клочок земли, а ночью выходили на промысел совсем иного рода? И советские солдаты знали, что "гадость можно ждать от каждого", будь то старик, женщина или ребенок. Как не было в Афганистане линии фронта, так не было и границы между "мирным" и "немирным" населением, то охотно принимающим продовольственную и иную помощь, то ставящим мины на пути везущих ее колонн. Неда-

ром враг назывался "духом": он действительно был невидим, неслышим, неуязвим, появляясь в самых неожиданных местах и так же внезапно исчезая, – то растворяясь среди жителей кишлака, то спускаясь в "подземную страну" – "киризы", то уходя по тайным тропам в горные ущелья.⁸³ И ощущение себя как инородного тела в этой непонятной, враждебной стране испытывали все советские воины, оказавшиеся "за речкой".

"Кто здесь суннит? Где здесь шиит?

Что по утрам мулла мычит?

А где здесь "хальк", а где "парчам"?

Ответь, ободранный бача!

Кто здесь декханин? Кто – душман?

Ты как кросворд, Афганистан!

Мы в вихре классовой борьбы...

И не сюды, и не туды!"⁸⁴ –

написал офицер-десантник В.Иванов, очень точно отразив самоощущение "ограниченного контингента" среди всех хитросплетений и противоречий афганского общества. И возникал закономерный вопрос: "Зачем мы здесь?"

Постепенно приходило понимание того, что этот мир живет по особым законам и нужно оставить его в покое, дать возможность решить все проблемы самостоятельно, не влезая "в чужой монастырь со своим уставом". "Конечно, прочесывая кишлаки, не чувствуешь себя героем, – вспоминает А.Шатров, – тебя охватывают противоречивые мысли... Думаешь о людях, которые здесь живут. У них свои традиции и обычаи, как у нас в старинных селах на Севере. И вот появились мы, как инопланетяне. Что они думают о нас? Что говорят между собой? Нехорошо как-то..."⁸⁵ Да и афганцы заявляли вполне откровенно: "Уходи, шурави. Мы сами разберемся. Это наши дела".

А дела эти представлялись советским солдатам довольно странными. Например, когда пленные душманы, взятые с оружием в руках и переданные в ХАД (службу госбезопасности Афганистана), очень скоро оказывались бойцами царандоя (народной милиции) или, откупленные родственниками, возвращались обратно в банду.⁸⁶ Многие неоднократно "кочевали" с одной стороны на другую, в зависимости от конкретной обстановки, интересов личных или своего клана и даже от времени года: "Вот станет теплее, опять подадимся в горы..."⁸⁷ Или когда правительственные войска ("зеленые"), воевавшие, по мнению наших солдат, никудашно, проявляли чудеса ловкости при "процеске" кишлаков, ухитряясь выносить оттуда все подчистую вместо того, чтобы искать укрывшихся душманов.⁸⁸ По обе стороны находились люди, связанные племенными и родственными узами, продолжавшие поддерживать тесные взаимоотношения, обмениваться "ценной информацией". Это была очень своеобразная война, и иноземцы оказались в ней явно лишними, сыграв отнюдь не умиротворяющую роль, как это изначально планировалось, а явившись невольным катализатором нарастающей напряженности.

На личном опыте сотни тысяч советских военнослужащих убедились, что пришли в совершенно чужую страну, оказались в абсолютно непонятной и чуждой социо-культурной среде и выполняли неблагодарную роль, поддерживая своими штыками неадекватное этой среде центральное правительство. Фактически это была роль соседа, вмешавшегося в семейную драку, не уяснив ее сути, да еще пытавшегося учить одну из сторон своим правилам и нормам поведения. Соваться в чужой, да к тому же мусульманский средневековый "монастырь" было делом заведомо проигрышным и безнадежным. Вот только расплачиваться за недальновидность советского политического руководства пришлось "ограниченному контингенту". И его отнюдь не туристическое знакомство с исламским миром дорого обошлось не только воинам-"афганцам", но и нашей стране в целом.

Глава III РЕЛИГИОЗНОСТЬ НА ВОЙНЕ

1. Вера и атеизм на войне как социально-психологическая проблема

В истории России связь армии с церковью всегда была достаточно сильной, начиная с благословения Сергием Радонежским Дмитрия Донского на борьбу с монголо-татарами и участия монахов Пересвета и Осляби в Куликовской битве. Лики святых на боевых знаменах русских армий, иконы Богоматери в решающих сражениях, включая Бородинскую битву, – все это факты одного порядка. При Петре I складывается институт военного и морского духовенства русской армии и флота. В 1801 г. Павел I вводит своим указом военное ведомство священников. В причисленных к этому ведомству храмах наряду с религиозными реликвиями хранились знамена прославленных частей, оружие и доспехи военачальников, покрывших себя славой в сражениях, увековечивались погибшие воины. А сами военные священники занимались не только богослужебной деятельностью, но и проводили беседы с солдатами, занятия по словесности и даже вели антиалкогольную пропаганду.¹

После революции 1917 года традиции сотрудничества армии и церкви были разрушены, а широкомасштабная антирелигиозная компания и политика государственного атеизма привели к глубоким изменениям в общественном сознании, включая и сознание военнослужащих. На смену военным священникам пришли комиссары и замполиты. "Теперь за душу бойцов отвечаем мы, коммунисты!" – заявил один из генералов политического фронта.² Вера в Бога для этой души явно не предусматривалась. Однако бытовая религиозность в армии никуда не исчезла, хотя и приняла несколько иные, отличные от распространенных ранее, формы.

Любая религия – общественный институт, тогда как религиозность – это находящийся с ней в сложной взаимосвязи элемент массового и индивидуального сознания, включая социальную психологию. При этом даже в обществах с глубоко укорененной конфессиональной традицией бытовая религиозность часто не ограничивается ее рамками. Тем более в обществах с разрушенной или деформированной религиозной традицией и особенно с государственным атеизмом бытовая религиозность, отнюдь не исчезая, приобретает нетрадиционные формы (неоязыческие и индивидуализированные).

Для дореволюционной России было характерно наибольшее распространение православия и соответствующих ему форм бытовой религиозности. Распространение атеизма в советское время отнюдь не ликвидировало все формы массового религиозного сознания, однако вытеснило религиозность за рамки традиционно-нормативных форм в область "бытовой мистики" (суеверий, примет и т.д.).

Существуют определенные общественные ситуации, при которых масштаб распространения и интенсивность проявления религиозности резко возраста-

ют. К ним относятся практически все социальные катаклизмы и особенно войны. Причем, бытовое религиозное сознание в боевой обстановке является прямым продолжением его наиболее распространенных форм в условиях мирной жизни данного общества.

Война в психологическом плане относится к категории "пограничной ситуации", то есть крайне опасной, неопределенной, непредсказуемой, угрожающей самой жизни человека и почти не зависящей от его воли и разума. Чем менее она управляема и зависима от человека, тем сильнее его склонность к поиску психологической опоры, в попытке управлять внешними обстоятельствами через иррациональные действия.

"Атмосфера постоянной опасности и смерти на войне, так же как и непосредственного соприкосновения с природой, тем хороша, что устремляет душу к вопросам вечности, вдаль от мусора жизни, от сумерек будней"³, – писал в своем дневнике участник русско-японской войны дивизионный врач В.П.Кравков.

Но что есть "вопросы вечности", как не обращение человека к сферам не только духовным, но и просто мистическим, причем в самых различных видах и формах? Неопределенность, непредсказуемость событий в условиях постоянной угрозы самой человеческой жизни – и есть та область, которая открывает дорогу к вере в сверхъестественные силы. Причем вера эта имеет вполне практическую цель – получить мистическую защиту, путем выполнения неких ритуальных действий (чтения молитв, ношения амулетов, соблюдения ситуационных запретов-табу) оградив себя от опасностей.

Особенно такое стремление "повлиять на судьбу" характерно для военной обстановки. В условиях традиционной религиозности оно проявляется в привычных молитвах и ритуалах, в обращении к Богу даже среди не очень верующих в обычной, мирной жизни людей.

"Рождество нам придется встречать и провести на передних позициях. Жаль очень, что не придется сходить к Всенощной," – писал 22 декабря 1914 г. сестре с фронта Первой мировой войны унтер-офицер И.И.Чернецов. А в следующем своем письме так описывал свои мысли и чувства в дни религиозного праздника: "Находясь на позиции в сочельник вечером, как-то невольно мыслями переносился к вам в Москву. Живо представлялся вечер этот, как он проходит в Москве: сначала суетня на улицах, потом прекращение движения трамвая и постепенное прекращение уличной суеты, и, наконец, начинается звон в церквях, какой-то торжественный, праздничный, начало службы великим повечерием и, наконец, всенощная. Народ по окончании высыпает из церквей и расходится в радостном праздничном настроении. Здесь же было совершенно тихо и у нас, и у немцев, и даже в воздухе. Ночь была звездная и нехолодная, и эта тишина особенно нагоняла грусть, и сильнее чувствовалась оторванность от вас."⁴

В атеистическом обществе в экстремальных условиях войны также происходит активизация религиозности. Так, во время Великой Отечественной и в первые послевоенные годы наблюдался значительный приток людей в религиозные общины. Активизировалась в этот период и деятельность православной церкви: духовенство утешало людей в скорби, связанной с потерями в войне,

призывало верить в победу, шефствовало над госпиталями, собирало деньги и ценности на постройку боевой техники. Тогда же, впервые за годы советской власти, стали открываться некоторые из закрытых после революции храмов.

Основными носителями религиозного сознания в тылу выступали женщины – матери, жены, сестры, невесты ушедших на фронт мужчин. Молились за спасение близких, за победу над врагом и скорейшее окончание войны, искали духовного утешения. А на передовой, хотя и не столь явно, обращались к вере те, кто постоянно "ходил под Богом".

"– ...Я помню, когда мы хоронили своих (а многих молодых ребят принимали в партию рано тогда), и вдруг крестик обнаруживается или ладанка... – вспоминал фронтовик, бывший ракетчик академик Г.Арбатов. – Верующий? Неверующий? Или мать дала там что-то такое? А потом я прочитал у генерала Эйзенхауэра, что в окопах атеистов не бывает.

– То есть на фронте в Бога верили?

– Да! Да! Ну как будто ты обращаешь свой крик – мысленно – о помощи, о спасении..."⁵

В ноябре 1993 г. в интервью с офицерами, прошедшими войну в Афганистане, мною задавался вопрос: "Повлияло ли участие в войне на ваше отношение к религии?" Вот как ответил на него военный журналист, майор В.А.Сокирко:

"Перед отъездом в Афганистан я поехал на пасеку в деревню, и там одна бабка мне сказала молитву. В общем, она несложная молитва: "Бог-отец впереди, Божья мать посреди, а я позади. Что с Богами, то и со мной". Это нужно повторить девять раз в начале каждого дня. Тогда я это все не воспринял всерьез, но потом убедился на собственном примере, что в те дни, когда я произносил с утра эту молитву, все обходилось хорошо. А когда, скажем, забывал, – то обязательно случалась какая-то неприятная история – с обстрелом или еще с чем-нибудь. И я даже однажды специально не произнес ее, – и приключилась не совсем приятная история. Это, кстати, довольно серьезно на меня повлияло, вообще на отношение к религии, потому что хоть я и был с рождения крещеным, но в силу тех условий, в которых мы жили, это было не то, чтобы забыто, но как-то неприняемо. А вот после Афганистана, – да, я в церковь периодически хожу, и венчался в церкви. И вообще отношение стало более вдумчивым. Не скажу, что религиозный фанатизм появился, но вера какая-то, даже не конкретно в Бога, а вообще в космический разум, который теперь представлен у нас в церковной организации."⁶

По признанию другого офицера-"афганца", мотострелка полковника И.Ф.Ванина, "в ходе боевых действий приходилось видеть в довольно-таки сложной ситуации людей, которые молились, взывали к Богу. Мое отношение к религии не изменилось, хотя элемент активизации религиозности у солдат был довольно заметным. Я не могу этого сказать об офицерах просто потому, что этим не занимался. Но у значительной части солдат были какие-то религиозные амулеты, и солдаты несколько иронично говорили об этом, – говорили, что это память о доме, что это дали родители или кто-то из членов семьи. И еще, – не знаю, назвать это элементом религиозности или просто народным

обычаем, укоренившимся среди славян, – это сохранение заправленной постели и каких-то вещей с фотографией погибшего человека до 40 дней."⁷

Безусловно, здесь сказывалась и специфика войны с глубоко верующим противником. Ведь для афганцев, отличавшихся фанатичной приверженностью исламу, русские солдаты были не просто врагами, а "неверными", война с которыми считалась священной, получившей благословение Аллаха. В повороте Афганской войны от сугубо внутреннего и политического конфликта к конфликту внешнему, с резко выраженной религиозной окраской, во многом виновны тогдашние афганские революционные власти и пошедшее у них на поводу советское руководство, допустившее грубый политический просчет не только своим вмешательством в дела чужой страны, но и поощрением союзников в их атеистическом радикализме. Попытка совершить скачок из средневековья в современность, из традиционного исламского общества в "социализм" обернулась мощной активизацией религиозного фактора, превращением ислама в знамя оппозиции светскому режиму Кабула и в средство объединения всех недовольных в борьбе с "кафирами". Пренебрежение чувствами верующих в мусульманской стране, стремление "отодвинуть" религию в традиционно религиозном обществе на второй план, закономерно спровоцировали "реакцию отката": "непримиримые", сменившие у власти революционеры после "ухода" СССР из Афганистана, оказались гораздо консервативнее, чем свергнутый ранее королевский режим.⁸ Но сегодня на смену им идут еще большие исламские фанатики, радикалы-фундаменталисты поддерживаемого Пакистаном движения "Талибан". В той ситуации трудно было предвидеть такой поворот событий, однако перерастание борьбы оппозиции Кабульскому режиму в "священную войну" – "джихад" – проявилось практически сразу после ввода в страну "ограниченного вмешательства" советского войскового контингента. Возникло в войсках явление, которое наряду с общей психологической напряженностью вызывало в советских войсках вспышки религиозности среди атеистов, воспитанных тем не менее в культуре, имевшей христианские корни: у людей возникала настоятельная потребность противопоставить уверенному в своей "праведности" неприятелю нечто равноценное в духовном плане.

2. Солдатские суеверия как форма бытовой религиозности

Итак, любая война приводит к активизации религиозных чувств и настроений, усилению роли традиционных религий. Однако в атеистическом обществе религиозность гораздо чаще проявляется уже в "языческих" формах: разрыв с конфессиональными традициями, утрата элементарного знания обычаев, молитв и обрядов приводит к распространению искаженных и самодельных мистических форм. При этом именно бытовые суеверия становятся преобладающей формой бытового религиозного сознания и играют значительно большую роль в жизни военнослужащих по сравнению с гражданским населением.

"Я лучше про суеверия скажу, – а отношение к религии у меня не поменялось, – вспоминал участник войны в Афганистане, разведчик-десантник майор

С.Н.Токарев. – Ну, какие приметы у нас были: еще те, которые от Отечественной войны остались. Нельзя бриться ни в коем случае на операции. Ни в коем случае чистое белье не одевать. Ничего не дарить никому перед операцией. Ну, и еще ряд примет, если откровенно говорить... Если раненый в полуобморочном состоянии, когда сознание еще нечеткое, рукой гениталии потрогал, значит, точно умрет. Ни в коем случае нельзя... Главное, руки ему держать, чтобы не трогал. Примета такая. Что еще?.. С левой ноги не вставать, не ходить туда-то, не разговаривать перед операцией на такие-то темы... Много их, примет. Ни в коем случае нельзя носить вещи погибшего, место его занимать, на себе показывать, куда ранили другого. Такие вот приметы, – связанные с сохранением жизни и устранением возможности погибнуть. Еще то, что касается местности, или удачный-неудачный день... Может быть, это и суеверия, но у нас довольно свято относились к ним. Ну, и мы [офицеры] сильно не ругали [солдат] за то, что придерживались этих суеверий."⁹

В экстремальных условиях войны формируется стереотип сознания, который можно определить как солдатский фатализм: "Что кому на роду написано, то и будет". Вот как описывал ситуацию, по духу напоминающую эпизод из лермонтовского "Фаталиста", участник Первой мировой войны полковник Г.Н.Чемоданов. Дело происходило в полковой офицерской землянке за карточной игрой, ночью, за три часа до атаки:

"– Вот, если эту карту убьют – и меня завтра убьют, – заявил поручик Воронов с глубоким убеждением и верой в свои слова.

– Ну, и карты не дам, "фендра" этакая, – ответил ему Фирсов, державший банк: – ты мне заупокойной игры не устраивай. Смерть, голубчик, и жизнь в воле человека: захочешь жить, черт тебя убьет, я вот жить хочу, и за три войны только раз ранен, и завтра жив буду; а распусти нюни, сразу влопаешься..."¹⁰

Однако поручик все же загадал, связав свою жизнь с судьбой карты. И хотя она, к его радости, выиграла, сам он наутро погиб: "Карты его обманули". Примечательно другое: сам факт гадания "на жизнь и смерть", смягченный вариант "русской рулетки".

По воспоминаниям участников разных войн, некоторые их товарищи утверждали, что скоро погибнут, и это предчувствие всегда сбывалось, да и сами они часто могли различить на лице еще живого человека "печать смерти".

Тот же Г.Н.Чемоданов рассказывал, как перед боем один из офицеров, убежденный в своей неизбежной гибели, вручил ему письмо для передачи жене:

"– Давайте, – торопливо сказал я, так как обстоятельства не давали свободной минуты. – Впрочем, почтальона вы выбрали ненадежного, так как вероятность смерти висит и надо мной.

– Вы будете живы, – серьезно и пророчески сказал Розен, в упор глядя на меня.

Сознаюсь, теплая волна надежды колыхнула в груди от этих слов, от этой его уверенности".

Штаб-ротмистр Розен погиб в том же бою. А сам Чемоданов по ошибке несколько часов числился в списке убитых, и вот живой и невредимый вернулся в штабной блиндаж:

"– Долго жить будете, – с улыбкой утешил меня начальник дивизии: – примета верная".¹¹

Широко известны подобные случаи и в годы Великой Отечественной войны. "У меня был друг на Северо-Западном фронте, командир роты, позже – комбат, человек исключительной храбрости и мужества, – вспоминал генерал М.П.Корабельников, на войне – командир пулеметной роты. – В сорок четвертом он вдруг стал говорить мне: "Максим, недолго нам осталось быть вместе". – "Не дури, Иван Васильевич", – отмахивался я. А он все свое: "Убьют меня..." – "С чего ты взял?" – спрашиваю. А он: "Я это чувствую – устал я, и все мне опостытело..." И действительно его убили".¹²

И хотя данный эпизод вполне можно объяснить известным в военной психологии синдромом усталости, который замедляет реакцию, притупляет чувство самосохранения и, как следствие, повышает вероятность гибели человека в бою, не всякое предчувствие смерти можно свести к рациональным причинам.

"Не знаю, как объяснить этот феномен, – вспоминал офицер-"афганец" майор С.Н.Токарев, – но здорово оно чувствуется перед операцией: вот тот человек, который погибнет. Как замполит батальона у нас... Не должен он был ехать на эту операцию. Он пошел к командиру взвода, подарил лампу свою, еще что-то, всю ночь не спал, все ходил, – то с одним поговорит, то с другим... В ночь вышли, а утром он погиб. Есть какая-то печать смерти, висит она над человеком... И с ранеными то же самое: как-то сразу понимаешь, выживет парень или нет."¹³

На войне дурные предчувствия, как правило, сбываются. Поэтому большинство солдатских примет связаны с ожиданием несчастий – ранения или гибели, и попыток через мистические ритуальные действия их предотвратить. Так, поведение человека перед боем ограничено системой традиционных запретов. Существуют устоявшиеся табу в отношении вещей погибших. Почти у каждого солдата есть свой талисман, который нужно хранить в тайне, и своя (часто самодеятельная) молитва, и т.д. При этом вера в Судьбу присутствует, даже если человек утверждает, что никогда не верил в Бога.

"Ни в Аллаха, ни в Бога я не верю", – вспоминал ветеран Великой Отечественной, бывший комсорг батальона, минометчик Мансур Абдулин. Но тут же делал признания совершенно иного рода: "Помню, еще на пути к фронту ... [вместе с новым полевым обмундированием] были нам выданы и пластмассовые патрончики с крышкой на резьбе. Внутри – ленточка, которую надо было собственноручно заполнить своими анкетными данными, завинтить патрончик наглухо, чтоб в него не попала сырость, и положить в кармашек. "Паспорт смерти" – так окрестили мы этот патрончик между собой. Не знаю, кто как, а я тот паспорт выбросил тихонько, чтоб никто не видел, и на его место положил в брюки свой талисман – предмет, который я должен буду сберечь до конца войны. Наверное, у всех моих товарищей были вещи, которые служили им талисманами, но говорить об этом было не принято: талисман "имел силу", если о нем знал только ты сам.

...Если это суеверие, то были у меня и другие суеверные символы. В поведении. С убитых не брал даже часы! И я замечал: как только кто-то нарушал

это мое суеверное правило, погибал сам. Закономерность какая-то действует... Еще заметил: кто слишком трусливо прячется, обязательно погибает. Усвоил эту приметку настолько, что угадывал: "Убьет", – и редко ошибался."¹⁴

Некоторые приметы передаются из поколения в поколения, равно как и принципы поведения, обеспечивающие наибольшую сохранность индивида в неблагоприятных условиях. Однако на каждой войне добавляются и свои специфические "новшества". "Про себя могу сказать, что суеверным я не был, – вспоминал полковник И.Ф.Ванин, – Хотя [в Афганистане] бытовала целая система суеверных признаков. Ну, например: "Пуля заменщика ищет". То есть за два месяца до замены человек старался не принимать активных участия в боевых действиях... Появилось такое выражение: "Лечь на сохранение".¹⁵

Другие приметы, обычно заимствованные из прошлого, применяются "с точностью до наоборот". Так, обычай надевать перед боем чистое белье в старой русской армии, сохранившийся у пожилых солдат в годы Великой Отечественной и символизирующий готовность человека предстать перед Богом, у воинов-"афганцев" переродился в категорический запрет: "Перед боевыми не мыться, не бриться, белье не менять, – иначе убьют!"

Третью группу примет можно отнести к коллективным привычкам, часто связанным с определенной военной специальностью. В этом случае дополнительное мистическое обоснование придается вполне рациональным действиям, подсказанным солдатским опытом, но, как правило, выходящим за рамки уставов и инструкций: например, обычай роты горных стрелков носить индивидуальный пакет в металлическом прикладе автомата. При этом граница между "рациональными" воинскими обычаями и традициями, с одной стороны, и мистическими обычаями-суевериями, – с другой, как правило, довольно размыта.

"По поводу религии сразу скажу – я атеист. Не верю ни в Бога, ни в Аллаха... – вспоминал участник Афганской войны гвардии майор П.А.Попов. – Суеверными – нет, не были. Но были определенные, чисто афганские традиции, которые, ну, скажем так, – строго, неукоснительно соблюдались. Перед боевыми никто никогда не брился и не мылся, это было железно. Все носили тельники, это уже святое. Еще одна привычка: автоматы у нас были с металлическим прикладом, и индивидуальный пакет, который нам давали, мы всегда закладывали туда. Было такое поверье, что если ты его туда положишь, то избежишь каким-то образом пули или еще чего-то. Такие специфические были у нас там привычки... И еще был у нас девиз: "Кому суждено быть повешенным, тот не утонет". И кличка была: "с нами Аллах и два пулемета".¹⁶

Майор С.Н.Токарев рассказал об особых "корпоративных" обычаях разведчиков своей воинской части: "У нас традиция какая была: после первой операции вручали эмблему, после второй операции доверяли тельняшку; если что, где-то струсил, не то сделал, – тельняшку снимали: недостойн, по кодексу чести десантников."¹⁷

Другой офицер-"афганец", майор В.А.Сокирко рассказывал: "Да, суеверия, это естественно, есть какие-то. Скажем, лично я всегда одну гранату носил с собой. Если приходилось использовать другие, то эту, так называемую "неразлучницу", я всегда оставлял, – потому что не хотелось попасть в руки к

душманам живым. Может, это был картинный героизм, но эту гранату я очень берег и лелеял, в общую кучу никогда не бросал, а держал отдельно."¹⁸

Итак, можно сделать вывод, что основные формы бытовых солдатских суеверий и примет переходили из войны в войну, хотя порой в измененном и искаженном виде. Помимо этого, в ходе каждого военного конфликта вырабатывались и особые, присущие только ему "обычай" и "обряды". Так, среди суеверий и примет, бытовавших во время войны в Афганистане, можно выделить следующие, заимствованные из опыта прошлых войн, частично видоизмененные и дополненные "исконно афганскими":

а) система табу (запретов) на определенные действия накануне боевых операций (не бриться, не надевать чистое белье, не дарить никому своих вещей, не разговаривать на определенные темы);

б) выполнение определенных ритуалов после возвращения с боевых операций ("вернулся в часть – посмотришь в зеркало");

в) традиции и обычаи в отношении памяти погибших (не занимать койку, не убирать вещи и фотографию в течение 40 дней, традиционный третий тост; не носить вещи погибшего, ничего не брать с мертвых, не показывать на себе место, куда ранили другого, и т.п.);

г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики);

д) молитвы (не обязательно традиционные, часто – у каждого свои, самодельные);

е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и в дальнейшем закрепленные традициями боевого подразделения;

ж) придание каким-либо (как правило, выходящим за рамки уставов и инструкций) рациональным действиям дополнительной мистической нагрузки-обоснования;

з) традиции, присущие определенному воинскому коллективу, часто связанные с военной специальностью.

* * *

Армия – государственно-общественный институт. Поэтому отношение к бытовой религиозности личного состава в условиях боевых действий со стороны государства и общества определялось в каждой из войн тем местом, которое религия в данный момент занимала в системе общественных отношений. До революции, когда православие являлось основой государственной идеологии, в армии существовал институт военных священников. В советское время при всех колебаниях политики в области религии, атеизм был доминирующей установкой в идеологии. И даже в период Великой Отечественной войны, когда государство, нуждаясь в поддержке православной церкви, перешло от преследования религии к более лояльному к ней отношению, атеистические установки продолжали преобладать в "политическом воспитании" бойцов. Соответственно, и бытовая религиозность в любых ее формах отнюдь не поощрялась, хотя и не преследовалась.

Афганская война велась в то время, когда в стране выросло уже третье поколение, воспитанное в условиях государственного атеизма. И здесь бытовая религиозность военнослужащих проявлялась вопреки внешнему давлению общества, которое существовало как в форме официального неодобрения, так и "общественного" осуждения разного рода предрассудков. Но то, что находилось под гласным или негласным запретом в мирной обстановке, в боевых условиях оценивалось более снисходительно. Многие офицеры и политработники признавались, что "с солдат за это дело строго не спрашивали, относились с пониманием", даже если сами ни в какие приметы не верили.¹⁹

Таким образом, любая война активизирует стихийное религиозное сознание непосредственных участников боевых действий. При этом преобладающие формы его проявления напрямую зависят от господствующего в данном обществе вида мировоззрения – религиозного или атеистического. И если в первом случае эта естественная для экстремальных условий психологическая потребность реализуется в обычаях и обрядах, составляющих часть традиционной культуры, то во втором она остается элементом индивидуальной или групповой психологии, проявляясь в наиболее простых или даже примитивных формах.

В России в XX веке в условиях войн прослеживается явная тенденция изменения преобладающих форм бытового религиозного сознания: от традиционного конфессионального (в Первой мировой войне) через его постепенное, хотя и не полное, вытеснение и смешение с новым бытовым мистицизмом (в период Великой Отечественной) к преобладанию последнего (во время афганской войны). Бытовой мистицизм, разумеется, существовал и в дореволюционную эпоху, однако в советское время он постепенно становится доминирующим, что особенно проявилось в период войны в Афганистане. Аналогичные явления, безусловно, имели место и в последующем, после распада Советского Союза, в многочисленных "горячих точках" СНГ и во время вооруженного конфликта в Чечне. Но это уже тема другого исследования.

Глава IV

ЖЕНЩИНА НА ВОЙНЕ – ФЕНОМЕН XX ВЕКА

1. Дореволюционная ситуация: исключение из правил

"Война – дело мужское". Это утверждение всегда принималось за аксиому и, разумеется, не случайно: на всем протяжении человеческой истории это не самое благородное занятие действительно было прерогативой мужчин. А женщины всегда выступали в качестве пассивной жертвы, военной добычи, в лучшем случае – долготерпеливой Пенелопы или плачущей Ярославны. Легенды об амазонках, – кстати, распространенные в древности во всех частях света, – оставались чаще всего лишь легендами. Хотя уже с древнейших времен в обозах многих армий странствовали те, кого в XVIII–XIX вв. называли маркитантками. Они выполняли тройную функцию – снабжения войск продовольствием, иногда – ухода за ранеными, и почти всегда – "жрица любви". И отношение к ним со стороны как мужчин, так и обыкновенных женщин было соответствующим.

Но вот женщина-солдат, женщина с оружием в руках – это во все времена было казусом, событием невероятным, порождавшим массу легенд, слухов и домыслов. Жанна д'Арк – великая героиня французского народа. И это ни у кого не вызывает сомнений. Но давайте вспомним, как жестоко высмеивал ее Шекспир, который, впрочем, был англичанином, а потому его точка зрения весьма субъективна.¹ Или наши народные героини 1812 года – партизанка Василиса Кожина и кавалерист-девица Надежда Дурова. С Кожиной ситуация более или менее ясна: когда кругом враг, который грабит и убивает, врывается в твой дом, угрожает твоим детям, – поневоле за вилы возьмешься. А она хоть и женщина, но облеченная властью – старостиха. Хотя тоже случай невероятный, особенно для русской крестьянки, воспитанной на патриархальных общинных традициях. И все-таки здесь главный фактор ее поведения – вынужденный: война. Так во все времена женщины осажденных городов и крепостей лили на головы неприятелю кипящую смолу. А вот с Надеждой Дуровой все намного сложнее: в армию она ушла в 1806 г., когда французов под Москвой еще и в помине не было. Причем эта замужняя женщина оставила семью, мужа, малолетнего сына ради своих довольно странных наклонностей. А.С.Пушкин, публикуя в "Современнике" отрывок из ее записок, писал в предисловии: "Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений – и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная неукротимая склонность? Любовь?.." ² Догадки были самые разные. Споры продолжаются до сих пор. Например, недавно в одной из телевизионных передач врач-сексолог разбирал поведение Надежды Дуровой как типичное для транссексуалов. Специалисту виднее. И вместе с тем, современники воспринимали эту женщину как героиню – необыкновенную, непонятную, загадочно-романтическую, но, безусловно,

незаурядную натуру, бросившую вызов общепринятым нормам поведения своего круга и своей эпохи.

И все же это – единичные случаи такого рода, "исключение из правил". Но цивилизация на месте не стоит, войны становятся все страшнее и кровопролитнее, и все больше женщин "приобщаются" к несвойственному им ремеслу. Крымская война 1853-1856 гг., оборона Севастополя: женщины в лазаретах, женщины, собирающие ядра и подающие их артиллеристам. Там прославилась своей отвагой медсестра Даша, прозванная Севастопольской. Русско-японская война: снова женщины – сестры милосердия, на сей раз их гораздо больше. Первая мировая война: сестры милосердия, фельдшерицы в госпиталях, реже – в отрядах Красного Креста в прифронтовой полосе, на передовой. И наконец, первое женское воинское формирование – Добровольческий ударный батальон смерти под командованием полного Георгиевского кавалера поручика Марии Бочкаревой.

Это уже серьезно. "Женщина с ружьем" становится фактом русской истории. Кстати, главным аргументом Бочкаревой при создании ее батальона в мае 1917 г. было то, что "солдаты в эту великую войну устали и им нужно помочь ... нравственно", – то есть, по сути, женщины пошли на войну, когда мужчины оказались не на высоте, пошли, чтобы их "устыдить".³

"Граждане и гражданки! – призывала Мария Бочкарева. – Наша мать, наша матушка Россия гибнет. Я хочу помочь спасти ее. Я зову с собой женщин, чьи сердца и души кристально чисты, а помыслы высоки. Покажем же мужчинам в этот тяжкий час пример самопожертвования, чтобы они заново сознали свой долг перед Родиной!.. Мораль наших мужчин низко пала, и мы, женщины, обязаны послужить им вдохновляющим примером. Но сделать это могут лишь те, кто готов безоговорочно пожертвовать своими личными интересами и делами".⁴

В то время, когда мужчины целыми толпами дезертировали с фронта, "слабый пол" устремился на защиту Отечества. При этом основную массу ударных батальонов составляли выходцы из трудовых семей – портнихи, учительницы, сестры милосердия, работницы, учащаяся молодежь из провинциальных городов. Кроме того, в маршевые роты были приняты женщины, досрочно освобожденные из заключения, "чтобы дать возможность грешницам искупить вину на полях сражений".⁵

И вот тут возникает вопрос: а как относились мужчины к присутствию женщин в армии, к тому, что они вторглись в эту типично мужскую сферу деятельности?

Приведем несколько отрывков из воспоминаний полковника Г.Н.Чемоданова, где он рассказывает и о своей встрече с женщинами из "батальона смерти", и о сестрах из отряда Красного Креста. Дело происходит уже в период разложения армии, когда солдаты бегут с позиций, офицеры потеряли всякую власть и возможность наводить порядок. А женщины... Женщины остаются на посту и продолжают выполнять свой долг!

"За несколько дней до выступления на позицию, – вспоминает Г.Н.Чемоданов, – ко мне в штаб полка явились две молодые женщины из расформированного уже к тому времени батальона Бочаровой (?). "Примите нас на службу в полк", – обратились они ко мне с просьбой. Молодые, здоровые,

рослые девицы, шинели туго перетянуты ремнями, на стриженных головах лихо надвинуты папахи. "Первый случай в моей практике", отношусь скептически и этого не скрываю; на повторные просьбы предлагаю вопрос перенести в полковой комитет, и вот эта пара хорошо грамотных разбитных девиц у меня в полку на должности телефонистов в команде службы связи".⁶ Далее он описывает панику, когда вся рота убежала в тыл, а на передовой остались сам ротный, его денщик, телефонист, фельдфебель, повар и обозные от кухни, "девять человек всего и баба в их числе, телефонистка". "Ну и как она себя держала?" – спросил полковник у ротного, когда тот доложил обстановку. "Молодец баба, не меньше меня ругала и стыдила солдат", – был ответ.

Другой случай, описанный Чемодановым, касается сестер милосердия. Здесь обращает на себя внимание намек полковника о "благах", связанных с соседством Красного Креста, имеющий явно негативный оттенок, а также упоминание о том, что такое соседство – явление весьма редкое: "Во время доклада адъютант рассказывал мне новости, происшедшие за день, и между прочим сообщил, что тут же в имении расположен отряд Красного Креста. Удивление мое будет понятно тем, кто знает, как помпезно обычно располагались эти отряды и какие блага для полка проистекали от такого редкого соседства. Мне показалось невероятным, что я мог не знать о присутствии отряда, находясь в имении более суток".⁷ И тут выяснилось, что от большого некогда отряда, основная часть которого была отправлена в тыл, остались только белый флаг с красным крестом на доме, две юные сестры милосердия, четырнадцать санитаров и две санитарные повозки. Ни фельдшера, ни врача.

"Вы понимаете, господин полковник, какое свинство устроили! – возмущался адъютант. – В такое время оставить двух молодых девушек на произвол четырнадцати санитаров... " И начал рассказывать, в каких условиях они живут: в холодном полуразрушенном здании, спят на нарах, питаются впроголодь, "и, кроме того, солдаты заставляют их каждый день по два часа газеты читать". Полковник посочувствовал и предложил "подкормить девиц" – приглашать их обедать вместе с офицерами.

И вот "к четырем часам за обедом собралась большая и непривычная компания. Присутствие двух сестер милосердия, молодых, интересных девиц, подтянуло собравшихся. Штабная молодежь сидела в своих лучших кителях, тщательно выбритая. Приехавшие с передовой гости потуже подтянули ремни своих гимнастеров и аккуратней расправили на них складки. Одичавшие в условиях жизни последних месяцев, отвыкшие не только от женского общества, но даже от вида дам, офицеры первое время чувствовали себя, видимо, связанными и держались с комичной торжественностью великосветских банкетов. К концу обеда настроение, однако, изменилось, непринужденность и простота, с которой держались наши гости, рассеяли натянутость, и разговор сделался общим, с тем особым оттенком оживленности, который получается от присутствия в мужской компании интересных женщин".⁸

Таким образом, отношение офицеров к женщинам в армии в Первую мировую войну представляется весьма противоречивым: с одной стороны, – недоверие, скептицизм, настороженность; с другой, – снисходительная опека,

покровительство "слабому полу"; с третьей, – желание подтянуться, проявить себя с лучшей стороны, оказавшись в обществе "дам".

Еще одно свидетельство – воспоминания большевика А.Пирейко, который служил рядовым (вернее, всеми способами отлынивал от службы, а потом красочно описывал в мемуарах свои подвиги в качестве дезертира). Он рассказывает, как в поезде, где он ехал, пассажиры, состоявшие главным образом из военных, всюду ругали большевиков. И тогда этот находчивый товарищ провел блестящую провокацию: сообщил солдатам, размещенным в вагонах третьего класса, что во втором классе едут женщины из "батальона смерти" (на передовую, в действующую армию!). Возмущенные этим обстоятельством солдаты ("Как это так? Нас возили кровь проливать в теплушках, а этих ..., которые будут так же воевать, как и сестры воевали с офицерами возят еще во втором классе!"), отправились "разбираться" с доброволками. Недовольство было направлено в новое русло, о большевиках забыли.⁹ Интересен как сам факт, рисующий отношение солдат к женщинам в армии (в том числе к медсестрам из Красного Креста), так и бравый тон, которым он описан.

В книге Софьи Федорченко "Народ на войне. Фронтовые записи" есть такие строки от имени солдата: "На той войне и сестры больше барыни были. Ты пеший, без ног, в последней усталости грязь на шоссе месишь, а мимо тебя фырк-фырк коляски с сестрицами мелькают".¹⁰ Здесь уже о снисходительности говорить не приходится, – отношение откровенно враждебное.

Что касается женщины-солдата, то в Первую мировую это было все-таки редкостью. И судьба Антонины Пальшиной, повторившей путь своей землячки Надежды Дуровой, – под мужским именем, в мужской одежде 17-летняя крестьянская девушка служила сначала в кавалерии, затем в пехоте, закончила войну в чине унтер-офицера, кавалером двух Георгиевских крестов и медалей, – яркое тому подтверждение: чтобы попасть на фронт, ей пришлось выдавать себя за мужчину. В Гражданскую войну такая "маскировка" была уже не нужна (А.Т.Пальшина воевала у Буденного, работала в Чека), – в этой братоубийственной схватке все прежние нормы поведения потеряли свое значение, были отброшены и забыты.¹¹

Гражданская война – это вопрос особый. Комиссарши в кожаных куртках, из нагана добывающие раненых офицеров, и лихие казачки из белой гвардии, рубящие шашками направо и налево, – явление одинаково страшное. Всякая война ужасна. И женщина на войне – что может быть страшнее?! Но война гражданская, когда брат идет на брата, дает наивысшую степень озверения.

2. Советская эпоха: от равноправия в мирной жизни к равенству на войне

После революции политика советского государства в женском вопросе способствовала быстрому развитию эмансипации со всеми ее последствиями. Направленная на вовлечение женщин в общественное производство, эта политика довела идею мужского и женского равенства до полного игнорирования

особенностей женского организма и психики, в результате чего участие женщин в наиболее тяжелом физическом труде, приобщение их к традиционно "мужским" профессиям, к занятиям военно-прикладными видами спорта преподносилось общественному мнению как величайшее достижение социализма, как освобождение женщины от "домашнего рабства". Идеи эмансипации были наиболее популярны в молодежной среде, а массовые комсомольские призывы, наборы и мобилизации под лозунгами "Девушки – на трактор!", "Девушки – в авиацию!", "Девушки – на комсомольскую стройку!" и т.д. явились своего рода психологической подготовкой к массовому участию советских женщин в грядущей войне, которая вошла в историю нашей страны как Великая Отечественная. С ее началом сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное – утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества.

Глубокий патриотизм поколения, воспитанного на героических символах недавнего революционного прошлого, но имевшего в большинстве своем книжно-романтические представления о войне, отличал и тех 17-18-летних девочек, которые осаждали военкоматы с требованием немедленно отправить их на фронт. Вот что записала в своем дневнике 27 мая 1943 г. летчица 46-го Гвардейского Таманского женского авиаполка ночных бомбардировщиков Галина Докутович: "Помню 10 октября 1941 г. Москва. В этот день в ЦК ВЛКСМ было особенно шумно и многолюдно. И, главное, здесь были почти одни девушки. Пришли они со всех концов столицы – из институтов, с учреждений, с заводов. Девушки были разные – задорные, шумные, и спокойные, сдержанные; коротко стриженные и с длинными толстыми косами; механики, парашютистки, пилоты и просто комсомолки, никогда не знавшие авиации. Они по очереди заходили в комнату, где за столом сидел человек в защитной гимнастерке. "Твердо решили идти на фронт?" "Да!" "А вас не смущает, что трудно будет?" "Нет!"¹²

Они были готовы к подвигу, но не были готовы к армии, и то, с чем им пришлось столкнуться на войне, оказалось для них неожиданностью. Гражданскому человеку всегда трудно перестроиться "на военный лад", женщине – особенно. Армейская дисциплина, солдатская форма на много размеров больше, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки – все это явилось нелегким испытанием. Но это была именно та "будничная вещественность войны, о которой они, когда просились на фронт, не подозревали".¹³ Потом был и сам фронт – со смертью и кровью, с ежеминутной опасностью и "вечно преследующим, но скрываемым страхом".¹⁴ Потом, спустя годы, те, кто выжил, признаются: "Когда посмотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного".¹⁵ Потом они сами будут удивляться тому, что смогли все это выдержать. И послевоенная психологическая реабилитация у женщин будет проходить сложнее, чем у мужчин: слишком велики для женской психики подобные эмоциональные нагрузки. "Мужчина, он мог вынести, – вспоминает бывший снайпер Т.М.Степанова. – Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и

кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда все могла".¹⁶ Вернувшись с фронта, в кругу своих ровесниц они чувствовали себя намного старше, потому что смотрели на жизнь совсем другими глазами – глазами, видевшими смерть. "Душа моя была уставшая",¹⁷ – скажет об этом состоянии санинструктор О.Я.Омельченко.

Феномен участия женщины в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности. "Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, – подчеркивает автор книги "У войны не женское лицо" Светлана Алексиевич. – Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила "мужской" быт войны".¹⁸ В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству.

Другая сторона феномена – неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Психологи отмечают у женщин более тонкую нервную организацию, чем у мужчин. Самой природой заложена в женщине функция материнства, продолжения человеческого рода. Женщина дает жизнь. Тем противоестественнее кажется словосочетание "женщина-солдат", женщина, несущая смерть.

В период Великой Отечественной в армии служило 800 тысяч женщин, а просилось на фронт еще больше. Не все они оказались на передовой: были и вспомогательные службы, на которых требовалось заменить ушедших на фронт мужчин, и службы "чисто женские", как, например, в банно-прачечных отрядах. Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку; врача или медсестру; повара или пекаря; шофера и регулировщицу, то есть те профессии, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница, – это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула ее на этот шаг, желание самой защищать Отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей. Священное право! Но все равно у многих мужчин было чувство вины за то, что воюют девчонки, а вместе с ним – смешанное чувство восхищения и отчуждения. "Когда я слышал, что наши медицинские сестры, попав в окружение, отстреливались, защищая раненых бойцов, потому что раненые беспомощны, как дети, я это понимал, – вспоминает ветеран войны М.Кочетков, – но когда две женщины ползут кого-то убивать со "снайперкой" на нейтральной полосе – это все-таки "охота"... Хотя я сам был снайпером. И сам стрелял... Но я же мужчина... В разведку я, может быть, с такой и пошел, а в жены бы не взял".¹⁹

Но не только это "несоответствие" женской природы и представлений о ней тому жестокому, но неизбежному, что требовала от них служба в армии,

на фронте, вызывало противоречивое отношение к женщинам на войне. Чисто мужское окружение, в котором им приходилось находиться в течение длительного времени, создавало немало проблем. С одной стороны, для солдат, надолго оторванных от семьи, в том их существовании, где, по словам Давида Самойлова, "насущной потребностью были категории дома и пренебрежения смертью, – единственным проблеском тепла и нежности была женщина", а потому "была величайшая потребность духовного созерцания женщины, приобщения ее к миру", "потому так усердно писали молодые солдаты письма незнакомым "заочницам", так ожидали ответного письма, так бережно носили фотографии в том карманчике гимнастерки, через который пуля пробивает сердце".²⁰ Об этой потребности "духовного созерцания женщины" на фронте вспоминают и сами фронтовички. "Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов, – говорит бывшая санинструктор О.В.Корж. – Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал".²¹ По мнению многих, присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его "намного более храбрым".²²

Но существовала и другая сторона проблемы, ставшая темой сплетен и анекдотов, породившая насмешливо-презрительный термин ППЖ (походно-полевая жена). "Пусть простят меня фронтовички, – вспоминает ветеран войны Н.С.Посылаев, – но говорить буду о том, что видел сам. Как правило, женщины, попавшие на фронт, вскоре становились любовницами офицеров. А как иначе: если женщина сама по себе, домогательствам не будет конца. Иное дело, если при ком-то... "Походно-полевые жены" были практически у всех офицеров, кроме "Ваньки-взводного". Они все время с солдатами, им негде и некогда заниматься любовью".²³

Чисто по-мужски оценивает ситуацию и генерал М.П.Корабельников: "Когда я пришел в армию, мне еще не было и двадцати и я еще никого не любил – тогда люди взрослели позже. Все время я отдавал учебе и до сентября 1942 г. даже не помышлял о любви. И это было типично для всей тогдашней молодежи. Только в двадцать один или в двадцать два года просыпались чувства. А кроме того... уж очень тяжело было на войне. Когда в сорок третьем – сорок четвертом мы стали наступать, в армию начали брать женщин, так что в каждом батальоне появились поварахи, парикмахерши, прачки... Но надежды на то, что какая-нибудь обратит внимание на простого солдата, почти не было".²⁴ Здесь присутствие женщин в армии рассматривается под определенным и весьма специфическим углом зрения. И такой взгляд на проблему можно считать довольно типичным.

Да, такое тоже было. Но вот что характерно: особенно охотно злословили по этому поводу в тылу – те, кто сами предпочитали отсиживаться подальше от передовой за спинами все тех же девчонок, ушедших на фронт добровольцами. Те самые интенданты "в повседневных погончиках", заклеенные горьким фронтовым фольклором, о которых ходила народная поговорка: "Кому война, а кому мать родна". На войне было всякое, и женщины были разные, но "о римском падении нравов во время войны твердили только сукины дети, покушавшие любовь у голодных за банку американской колбасы".²⁵ Интересен

тот факт, что фронтовая мораль гораздо строже осуждала неверную жену, оставшуюся дома и изменившую мужу-фронтовику с "тыловой крысой", чем мимолетную подругу, по-женски пожалевшую солдата, идущего на смерть. Это отношение предельно ясно выразил Константин Симонов в двух стихотворениях – "Лирическое" (1942 г.) и "Открытое письмо женщине из города Вичуга" (1943 г.). Если второе из них хорошо известно и стало уже классикой, то первое, опубликованное в дивизионной газете "За нашу Победу!" 20 июня 1942 г. и раскритикованное уже 2 июля во фронтовой газете "Вперед на врага!" И.Андрониковым, С.Кирсановым и Г.Иолтуховским за "безнравственность", "рифмованную пошлость" и т.п., оказалось почти забытым, так как противоречило ханеству официальной идеологии, исходившей из принципа: "делай, что угодно, но говорить об этом не смей". Это стихотворение заслуживает того, чтобы процитировать его хотя бы частично.

*"На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война...
И женщин наспех обнимают.
Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали – милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.
Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.
А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали".²⁶*

Рождались на фронте и подлинные, возвышенные чувства, самая искренняя любовь, особенно трагичная потому, что у нее не было будущего, – слишком часто смерть разлучала влюбленных. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями заставляла людей любить, мечтать о счастье, побеждать смерть. И осуждать их за это из далекого тыла, пусть голодного, холодного, но все-таки безопасного, было куда безнравственнее.

О том, как непросто складывались на войне женские судьбы, свидетельствует подборка писем женщин-военнослужащих, обнаруженная нами в делах политотдела 19 армии за февраль 1945 г. Эти копии были сняты военной цензурой и "проанализированы" работниками политотдела "для улучшения партийно-политической работы среди женщин Армии".²⁷ В них, как в зеркале, отражается вся трагедия женщины на войне, те горькие, порой неприглядные стороны, о которых не принято говорить. Спектр мыслей, чувств, настроений авторов писем чрезвычайно широк, они предельно искренни и интимны, явно не предполагая бесцеремонного вмешательства политорганов в свою личную жизнь. Тем большим контрастом выступают пометки военной цензуры, присвоившей себе право красным и синим карандашом отмечать то, что, по ее

мнению, является свидетельством "патриотического подъема" или, напротив, "упадка духа". И выводы политотдела, выдергивающего цитаты из контекста, придавая им подчас прямо противоположный смысл. И приписки авторства несуществующим лицам, чтобы продемонстрировать начальству масштаб "работы", как будто ею "охвачено" большее число женщин, чем на самом деле. И сами рекомендации "по устранению недостатков в воспитательной работе среди девушек". Все это выглядит нелепо и вместе с тем цинично.

В заключение этого вопроса хочется привести слова К.Симонова: "Мы, говоря о мужчинах на войне, привыкли все-таки, беря в соображение все обстоятельства, главным считать, однако, то, как воюет этот человек. О женщинах на войне почему-то иногда начинают рассуждения совсем с другого. Не думаю, чтобы это было правильно".²⁸ Бывшие солдаты с благодарностью вспоминают своих подружек, сестреночек, которые выволакивали их раненых с поля боя, выхаживали в медсанбатах и госпиталях, сражались с ними рядом в одном строю. Женщина-друг, соратник, боевой товарищ, делившая все тяготы войны наравне с мужчинами, воспринималась ими с подлинным уважением. За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями.²⁹

3. Афганский опыт и современность: эволюция феномена

По-иному складывалось отношение к женщине в армии в период Афганской войны 1979-1989 гг. Здесь нужно учитывать характер самого военного конфликта и то, что в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане женщины (как правило, вольнонаемные) находились именно на вспомогательных, а не боевых службах. По оценкам воинов-"афганцев", значительная часть этих женщин приехала туда либо из меркантильных соображений, либо с намерением устроить свою личную жизнь. И отношение к ним со стороны мужчин было в основном негативным: "Не нужны они там были! Можно было без них обойтись!"³⁰ Хотя, с другой стороны, отмечался тот факт, что присутствие женщин смягчало и предотвращало множество конфликтов, давало эмоционально-психологическую разрядку после боевых действий. В проведенном нами осенью 1993 г. опросе офицеров-"афганцев", в ходе интервью задавался такой вопрос: "Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?" Приведем три наиболее типичных ответа.

Майор В.А.Сокирко вспоминает: "Женщин было довольно много. И, если брать по общему к ним отношению, то это было отношение как к "чекисткам", то есть чековым проституткам. Потому что таких действительно было большинство. Хотя лично мне приходилось встречать абсолютно порядочных, честных девчонок, которые приехали туда не для того, чтобы подзаработать денег или, скажем, найти себе жениха какого-нибудь, а по велению души – мед-

сестрами, санитарками. И, как правило, те, которые приезжали без каких-то корыстных помыслов, они шли в медсанбат, в госпиталь. А вот другая категория старалась пристроиться где-то при складе, в банно-прачечный комбинат, еще где-нибудь. Ну, а самая большая мечта – это стать соержанкой у какого-нибудь полковника или прапорщика: это приравнялось, потому что у прапорщика склад, а полковник может прапорщику приказать, чтобы тот что-то принес со склада. Поэтому общее отношение к женщинам не совсем благожелательное, хотя так называемый "кошкин дом", – это общежитие, где жили женщины, – по вечерам было весьма оживленным местом, к которому мужчины устраивали паломничество".³¹

Другой участник афганских событий полковник И.Ф.Ванин размышляет: "В полку или, точнее, в городке, где полк дислоцировался, было порядка пятидесяти женщин. Отношение к ним было самое различное. Женщина, которая добровольно оказалась в сугубо мужском коллективе, не вызывала, с одной стороны, больших восхищений, и, в общем-то, на нее смотрели как на *женщину*. Но вместе с тем, я не согласен, что в нашей прессе, да и на уровне разговоров, этих женщин характеризовали как шлюх, потаскух. Я не согласен с этим. Говорили об их меркантильных интересах. Да, и то, и другое было. Были и шлюхи, и потаскухи, были и меркантильные женщины. Кстати, они и не скрывали своих намерений, говорили, что для кого-то это последняя надежда поправить свое материальное положение, для кого-то это последняя надежда устроить свою личную жизнь. Я считаю, что они не заслуживают осуждения. Но не нашлось, к сожалению, человека, который бы сказал доброе об этих женщинах, при всех их пороках и негативах. Сколько они предотвратили бед и несчастий среди мужской братии, наверное, этого никто никогда не посчитает и не измерит. Сколько было самортизировано, именно этими женщинами самортизировано неприятностей! Я думаю, только за это они заслуживают весьма великой благодарности и почтительного отношения".³² И еще, мнение полковника С.М.Букварева: "Женщины на войне... В наше время их мало было. У нас в полку четыре или пять – библиотекарь, две продавщицы, машинистка была... Понимаете, в чем дело: отношение к женщинам на войне в то время, когда их мало, – это плохо. Потому что все равно, конечно, какие-то там романы возникают, но когда на всех не хватает, – это плохо. (Смеется.)"³³

Итак, среди женщин, участвующих в войне, можно выделить три основных категории в зависимости от причин их участия в боевых действиях. Первой руководят факторы духовного порядка – патриотизм, романтизм, определенные идеалы. Ее поведение, как правило, вынужденное, обусловленное конкретной ситуацией: вражеским вторжением, необходимостью защитить свой дом и близких, желанием помочь своей стране. Вторую категорию можно назвать феноменом "мамаши Кураж": это те, кто стремится воспользоваться

случаем, заработать на несчастье других, живущие по принципу "война все спишет". При этом их меркантильность может принимать как вполне безобидные, так и весьма циничные формы. Наконец, третья категория представляет собой явную психическую патологию. Однако в любом случае женщина становится жертвой войны, которая ломает и калечит ее судьбу, жизнь, душу. Чего стоит один только посттравматический синдром, которому женщины подвержены сильнее мужчин!

В последние годы число женщин-военнослужащих в российской армии (в основном среди специалистов связи, в частях ПВО) стало быстро увеличиваться. На начало 1993 г. их было около 100 тыс., сейчас – еще больше. А на офицерских должностях в мае 1994 г. состояло около 1500 женщин.³⁴ По мнению офицеров, женщины-военнослужащие отличаются большей исполнительностью, добросовестностью, дисциплинированностью, чем мужчины. Вместе с тем, армейская служба в мирной и военной обстановке – далеко не одно и то же. Хотя можно ли назвать нынешнюю обстановку "мирной"?

И сегодня в "горячих точках" воюют не только мужчины: женщины в камуфляже есть в Абхазии и Приднестровье, в Карабахе и Югославии. И "работают" они не только санитарками и поварами, но и снайперами.³⁵ Женщины-наемницы, "белые колготки" – жуткий призрак Чеченской войны. И это – страшно. К этому невозможно привыкнуть. Потому что "война – дело мужское". А "женщина на войне – жертва неразумной мужской политики".

Если даже в мирное время женщина на военной службе воспринимается как явление необычное, то в боевой обстановке – это явление чрезвычайное. И в общественном сознании оно всегда останется таковым.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Среди трудов того времени можно назвать следующие: *А.А.Корончевский* "Психология войны" (1892); *В.Н.Халтурин* "Психологическое обоснование воинской дисциплины: Критический очерк" (1896); *А.В.Зыков* "Как и чем направляются люди: Опыт военной психологии" (1898); *Н.А.Корф* "О воспитании воли военачальников" (1906); *Н.Н.Головин* "Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца" (1907); *П.И.Изместьев* "Из области военной психологии" (1907); *А.С.Резанов* "Военная психология как наука" (1909) и "Армия и толпа: Опыт военной психологии в связи с психологией толпы" (1910); *Н.А.Ухач-Огорович* "Военная психология" (1911) и "Психология толпы и армии" (1911); *Н.А.Орлов* "Нравственный элемент в военном деле" (1914); *В.М.Бехтерев* "Моральные итоги великой мировой войны" (1915); *С.А.Кузьмин* "Война народов. (Психологический очерк)" (1915); *В.Е.Пепелищев* "Душа русского народа. (Историко-психологический очерк)" (1917); и др.

Автором более 40 книг и статей по проблемам военной психологии и психиатрии был доктор медицины *Г.Е.Шумков*. Среди его работ: "Психика бойцов во время сражений" (1905), "Рассказы и наблюдения из настоящей русско-японской войны. (Военно-психологические этюды)" (1905), "Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны за 1904-1905 гг." (1906), "За" и "против" военной психологии" (1912), "Душевное состояние воинов в бою: в период затишья. Тревожное состояние" (1914), "Психика бойцов под первым артиллерийским обстрелом" (1914), "Душевное состояние воинов после боя" (1914) и др.

В тот же период разработкой близких проблем занимались зарубежные исследователи. Так, в начале века появились в печати работы *М.Кампеано* "Очерки по военной индивидуальной и военной психологии" (1900), *Л.М.Гоше* "Очерк психологии войсковой части и командования" (1910), *Г.Н.Патрик* "Психология войны" (1915), *Б.Эльтинге* "Психология войны" (1915), *Г.Лебон* "Психология Великой войны" (1916), *В.Троттер* "Стадные инстинкты в дни мира и войны" (1916), *М.Конвей* "Толпа времен войны и мира" (1916) и др.

² Анализ заслуживающих внимание работ этой категории дан в авторской монографии "1941-1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование". М.: ИРИ РАН, 1995.

³ Например, в Гуманитарной Академии Вооруженных Сил в 1993 г. вышло несколько новых учебных пособий по военной психологии, в том числе "Курс военной психологии" и монография *Феденко Н.Ф.* и *Раздуваева В.А.* "Русская военная психология. (Середина XIX – начало XX века)".

⁴ Вступительная статья этого же автора "Исследование войны как специфического социального процесса" предваряет публикацию доклада русского военного мыслителя *Н.Н.Головина* "О социологическом изучении войны" (1935) в № 3 ж. СОЦИС за 1992 г.

В 1996 г. фонд "ВОИН" ("Военно-историческое наследие") в серии "Библиотека российского офицера" выпустил книгу *С.С.Соловьева* "Практическая социология командира". В 1995 г. в той же серии был опубликован сборник "Философия войны", куда вошли работы русских военных мыслителей послеоктябрьской эмиграции *А.Керсновского*, *А.Мариюшкина*, *Н.Головина*,

⁵ *М.З.История и философия*. М., 1971; *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.

- ⁶ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа "Анналов". М., 1993; Огурцов А.П. Трудности анализа ментальности // Вопросы философии. 1994. № 1; Пантин И.К. Национальный менталитет и история России // Вопросы философии. 1994. № 1; Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3; и др.
- ⁷ Петров И.Б. Нравственный фактор в Гражданской войне. Автореф. канд. дисс. СПб, 1993; Поляков Ю.А. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 62-81, и др.
- ⁸ Анализ современного состояния исследований, осуществленных в русле "устной истории" и библиографию по проблеме см.: Oral History // Mündlich erfragte Geschichte. Güttingen, 1990.
- ⁹ Hastings Max. Overlord: D-day and the battle for Normandy. New-York: Simon and Schuster, 1984; Русское издание: Хастингс М. Операция "Оверлорд": Как был открыт второй фронт. М.: Прогресс, 1988.

Глава I

- ¹ Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 4. С. 261.
- ² Современная буржуазная философия. М., 1978. С. 300.
- ³ Там же. С. 330.
- ⁴ Момыш-Улы Б. Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39-40.
- ⁵ Клаузевиц. О войне. В 2-х тт. Т. I. М., 1937. С. 78.
- ⁶ Симонов К. Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 297.
- ⁷ Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960. С. 37.
- ⁸ Чемоданов Г.Н. Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 83.
- ⁹ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 50-51.
- ¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹ Самойлов Д. Указ. соч. // Аврора. 1990. № 1. С. 76.
- ¹² ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 35-36.
- ¹³ "Я точно знаю: меня никогда не убьют!" // Комсомольская правда. 1993. 8 мая.
- ¹⁴ Из интервью с полковником С.М.Букваревым от 24.11.93 г. // Личный архив.
- ¹⁵ Чемоданов Г.Н. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁶ Там же. С. 78.
- ¹⁷ Гуськов С. Если останусь жив... М., 1989. С. 216.
- ¹⁸ Из интервью с майором В.А.Сокирко от 1.11.93 г. // Личный архив.
- ¹⁹ Измestъев П.И. Очерки по военной психологии. Некоторые основы тактики и военного воспитания. Пг., 1923. С. 19.
- ²⁰ Чемоданов Г.Н. Указ. соч. С. 63.
- ²¹ Гудкова Г. Будут жить! Сапожникова М. "Сестра Валя". М., 1986. С. 181.
- ²² Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив.
- ²³ Группа специального назначения. М., 1991. С. 37.
- ²⁴ Измestъев П.И. Указ. соч. С. 6.
- ²⁵ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 38.
- ²⁶ Дневник Г.Д.Мироненко. Из личного архива А.М.Щетинина. (Основная часть текста этого дневника, представляющая интерес как исторический источник, приводится нами в Приложении 2.2. Документ интересен своими бытовыми зарисовками из жизни фронтовых летчиков, позволяет "изнутри" рассмотреть особенности

- их психологии на фоне боевых действий авиации и отношения к ней военнослужащих других родов войск.)
- ²⁷ Из интервью с полковником И.А.Гайдадиным от 24.11.93 г. // Личный архив.
- ²⁸ Алексиевич С. У войны – не женское лицо. Минск, 1985. С. 163-164.
- ²⁹ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11-15.
- ³⁰ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
- ³¹ "Но мы не забудем друг друга". М., 1990. С. 56.
- ³² ЦДНА при МГИАИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 7-10.
- ³³ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
- ³⁴ "Но мы не забудем друг друга". С. 56.
- ³⁵ Там же. С. 54-55.
- ³⁶ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 24-25.
- ³⁷ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
- ³⁸ Группа специального назначения. М., 1991. С. 48.
- ³⁹ Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным от 24.11.93 г. // Личный архив.
- ⁴⁰ Из пламени Афганистана. Стихи и песни советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане, и стихи, посвященные им. М., 1990. С. 241.
- ⁴¹ После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря.
- ⁴² Группа специального назначения. М., 1991. С. 46.
- ⁴³ Афганистан в нашей судьбе. М; 1989. С. 14.
- ⁴⁴ Там же. С. 150.
- ⁴⁵ Там же. С. 15.
- ⁴⁶ Там же. С. 151.
- ⁴⁷ Истоки. Стихи и проза молодых. Альманах. Вып. 1 (23). М., 1994. С.163.
- ⁴⁸ Данные получены у канд. психол. наук, директора психологической службы Союза ветеранов Афганистана М.Ш.Магомед-Эминова.
- ⁴⁹ После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря.

Глава II

- ¹ См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. (Гл. 2. Мы и они.); Одиссей. Человек в истории. Образ "другого" в культуре. 1993. М., 1994. (*Копелев Л.З. Чужие.*); *Щепетов К.* Немцы – глазами русских. М., 1995; и др.
- ² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 2, 6, 8, 27; Д. 730. Л. 3; Д. 732. Л. 3, 5, 23.
- ³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 19-20.
- ⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 14; Д. 535. Л. 129; Д.730. Л. 27.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 76.
- ⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 219.
- ⁷ *Яковлев Н.* 1 августа 1914. М., 1974. С. 65.
- ⁸ РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 148.
- ⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 642. Л. 28.
- ¹¹ Там же. Л. 48.
- ¹² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 13.
- ¹³ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 17-18, 20-21.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 22.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 87-88.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 75-76.

- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 87-88; Д. 642. Л. 24, 30, 44.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119; Д. 516. Л. 19; Д. 535, Л. 75-76.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 535. Л. 75-76.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119.
- ²¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.
- ²² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 644. Л. 3.
- ²³ *Овчинникова Л.* Пишу перед боем // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- ²⁴ *Бланк А., Хавкин Б.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 173.
- ²⁵ Из письма К.Симонова В.В.Томскому. 7 июня 1963 г. // Симонов К. Письма о войне 1943-1979. М., 1990. С. 194.
- ²⁶ Из письма К.Симонова С.Орту. 1970 г. // Симонов К. Письма о войне. С. 420.
- ²⁷ По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941-1945 гг. М., 1995. С. 155-156.
- ²⁸ *Толстой А.* Только победа и жизнь! // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 31.
- ²⁹ *Симонов К.* На Эльбе и в Берлине // Венок Славы. Антология худож. произвед. о Великой Отечественной войне. Т. 11. М., 1986. С. 328.
- ³⁰ *Симонов К.* Июнь – декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 40-41.
- ³¹ Война: день за днем. Беседа с писателем К.М.Симоновым // *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 165.
- ³² *Симонов К.* Июнь – декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 39.
- ³³ По обе стороны фронта. С. 202.
- ³⁴ Там же. С. 201.
- ³⁵ *Сурков А.* Земля под пеплом // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 139.
- ³⁶ По обе стороны фронта. С. 193.
- ³⁷ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. Каталог. Berlin, Argon-Verlag GmbH. 1992. С. 183-184.
- ³⁸ *Эренбург И.* Душа России // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 231-232.
- ³⁹ Немцы о русских. Сборник. М., 1995. С. 39-40.
- ⁴⁰ Музей Боевой Славы Исторического факультета МГУ. Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые записки.
- ⁴¹ *Медведев Р.А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 12.
- ⁴² ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 104.
- ⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 304-305.
- ⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 214.
- ⁴⁵ Они сражались с фашизмом. М., 1988. С. 130-131.
- ⁴⁶ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.
- ⁴⁷ *Самойлов Д.* Люди одного варианта. (Из военных записок) // Аврора, 1990, № 2. С. 91.
- ⁴⁸ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С. 255.
- ⁴⁹ Огонек. 1989. № 36. С. 23.

- ⁵⁰ Так, самого Л.Копелева обвинили в "жалости к противнику" и в результате – он был осужден, десять лет провел в лагерях.
- ⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.
- ⁵² Жуков Ю. Солдатские думы. М., 1987. С. 337.
- ⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92, 94.
- ⁵⁴ Алексиевич С. У войны – не женское лицо. Минск, 1985. С. 301-302.
- ⁵⁵ Коммунист. 1981. № 8. С. 71-72.
- ⁵⁶ Самойлов Д. Указ. соч. С. 93.
- ⁵⁷ Леонов Л. Немцы в Москве // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 259.
- ⁵⁸ См.: Самсонов А.М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1989. С. 79-81.
- ⁵⁹ Цит. по: Волкогонов Д.А. Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 106.
- ⁶⁰ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 38-40.
- ⁶¹ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
- ⁶² Медведев Р.А. Указ. соч. С. 12.
- ⁶³ По обе стороны фронта. С. 162.
- ⁶⁴ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С. 242.
- ⁶⁵ Медведев Р.А. Указ. соч. С. 15.
- ⁶⁶ А.Н.Куприянов. Мы вернемся // Афганистан болит в моей душе... Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М., 1990. С. 178.
- ⁶⁷ Афганистан в нашей судьбе. М., 1989. С. 130.
- ⁶⁸ Там же. С. 33-34; Лосото Е. Командировка на войну. М., 1990. С. 7.
- ⁶⁹ Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-афганцев. М., 1991. С. 47.
- ⁷⁰ Подвиг. Героико-патриотический литературно-художественный альманах. Вып. 34. М., 1989. С. 113.
- ⁷¹ Банников А.Г. Узелки на память // Афганистан болит в моей душе. С. 220.
- ⁷² Земляки // Афганистан болит в моей душе... С. 205.
- ⁷³ Банников А.Г. Указ. соч. С. 220-221.
- ⁷⁴ Земляки // Афганистан болит в моей душе... С. 204.
- ⁷⁵ Там же. С. 206.
- ⁷⁶ Афганистан в нашей судьбе. С. 6.
- ⁷⁷ Там же. С. 11-12, 38-39; Секачев А.В. Граната // Афганистан болит в моей душе... С. 72; Лосото Е. Указ. соч. С. 8-9; Из интервью с майором С.Н.Токаревым, майором П.А.Поповым // Личный архив. (См. Приложение 3.2.3.)
- ⁷⁸ Из интервью с майором С.Н.Токаревым. (См. Приложение 3.2.3.); Лосото Е. Указ. соч. С. 9.
- ⁷⁹ Мальшиева Д.Б. Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. М., 1991. С. 85-89; Афганистан в нашей судьбе. С. 98, 127.
- ⁸⁰ Афганистан в нашей судьбе. С. 117-118.
- ⁸¹ Там же. С. 128.
- ⁸² Лосото Е. Указ. соч. С. 16.

- ⁸³ Из интервью с майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным, полковником С.М.Букваревым, майором В.А.Сокирко // Личный архив. (См. Приложение 3.2.3.)
- ⁸⁴ *Смирнов О.* Никто не солдат для войны. М., 1990.
- ⁸⁵ Афганистан в нашей судьбе. С. 6.
- ⁸⁶ Из интервью с майором С.Н.Токаревым, майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным // Личный архив. (См. Приложение 3.2.3.)
- ⁸⁷ *Банников А.Г.* Указ. соч. С. 220.
- ⁸⁸ Из интервью с полковником С.М.Букваревым, майором И.Н.Авдеевым // Личный архив.

Глава III

- ¹ *Фролов В.А.* Станет ли религия духовным пастырем российского солдата? // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 83-84.
- ² ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.
- ³ Свет милосердия. Дневник участника русско-японской войны (1904-1905) дивизионного врача В.П.Кравкова // Время и судьбы. "Военные мемуары". Вып. 1. М., 1991. С. 285.
- ⁴ Из писем унтер-офицера И.И.Чернецова от 22.12 и 29.12.1914 г. // ЦДНА при МГИАИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 17-18, 20-21.
- ⁵ Безбожников в окопах не бывает. Беседа бывшего ракетчика, академика Георгия Арбатова с политобозревателем КП Александром Афанасьевым // Комсомольская правда, 14 декабря 1994.
- ⁶ Из интервью с майором В.А.Сокирко от 1.11.93 г. // Личный архив.
- ⁷ Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным от 24.11.93 г. // Личный архив.
- ⁸ См.: *Мальшева Д.Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. Развивающиеся страны Азии и Африки в 70-80 годы. М., 1991. С. 85-100.
- ⁹ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив.
- ¹⁰ *Чемоданов Г.Н.* Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 46.
- ¹¹ Там же. С. 53-54, 63-64.
- ¹² См.: *Шнайдер Б.* Неизвестная война // Вопросы истории. 1995. № 1. С.110.
- ¹³ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив.
- ¹⁴ *Абдулин Мансур.* Страницы солдатского дневника. 2-е изд. М., 1990. С.59, 61.
- ¹⁵ Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным от 24.11.93 г. // Личный архив.
- ¹⁶ Из интервью с гвардии майором П.А.Поповым от 4.12.93 г. // Личный архив.
- ¹⁷ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив.
- ¹⁸ Из интервью с майором В.А.Сокирко от 1.11.93 г. // Личный архив.
- ¹⁹ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. и гвардии подполковником В.Д.Баженовым от 4.12.93 г. // Личный архив.

Глава IV

- ¹ *Шекспир.* Генрих VI // *Шекспир У.* Полное собрание сочинений в 8-ми т. Т. 1. М., 1957. С. 183-184.
- ² *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10-ти т. Изд. 4. Т. 7. Л., 1978. С. 271.

- ³ Бударин М. Поручик Бочкарева: (О судьбе командира женского батальона М.Л.Бочкаревой) // Омская старина. 1993. вып. 1. С. 16-29; "Мой батальон не осрамит России..." Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. 1993. № 8-9. С. 78-81.
- ⁴ Жилыева Я. Яшка. "Мы – женщины-солдаты, и нам награда – смерть!" // Московский комсомолец. 1994, 22 июля.
- ⁵ Кобзев И. Женский батальон смерти // Памятники Отечества. Полное описание России. Удмуртия. Альманах № 33. 1995, № 1-2. С. 150-153.
- ⁶ Чемоданов Г.Н. Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 110.
- ⁷ Там же. С. 121.
- ⁸ Там же. С. 123-124.
- ⁹ Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926. С. 57.
- ¹⁰ Народ на войне. Фронтовые записи. М., 1990. С. 265.
- ¹¹ Мельник М. Ефрейтор Антонина // Комсомольская правда. 1989. 12 мая; "Кавалерист-девица" из Чека: (Подборка материалов об участнице первой мировой войны А.Т.Пальшиной. 1897-1992) // Родина. 1993. № 8-9. С. 78-81; Как кавалерист-девица стала подпольщицей // Памятники Отечества. 1995, № 1-2. С. 178.
- ¹² Белорусский Государственный Музей Истории Великой Отечественной войны. Инв. 36792.
- ¹³ Алексиевич С. У войны – не женское лицо. Минск, 1985. С. 101.
- ¹⁴ Из письма Г.А.Ярцевой брату от 23.02.45 г. // ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 46. Л. 84.
- ¹⁵ Алексиевич С. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁶ Там же. С. 58.
- ¹⁷ Там же. С. 166.
- ¹⁸ Алексиевич С. Указ. соч. С. 61-62.
- ¹⁹ Там же. С. 117.
- ²⁰ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 77.
- ²¹ Алексиевич С. Указ. соч. С. 176-177.
- ²² Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 225-226.
- ²³ Как жили на фронте // Аргументы и факты. 1995. № 18-19.
- ²⁴ Шнайдер Б. Неизвестная война // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 109.
- ²⁵ Самойлов Д. Указ. соч. С. 77.
- ²⁶ Родина. 1991. № 6-7. С. 38.
- ²⁷ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 58.
- ²⁸ Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. Вып. 2. М., 1985. С. 98.
- ²⁹ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 270.
- ³⁰ Из интервью автора с участниками Афганской войны. Из десяти респондентов, ответивших на вопрос "Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?", четверо высказали резко отрицательное, двое – положительное и четверо – противоречивое к ним отношение.
- ³¹ Из интервью с майором В.А.Сокирко. Личный архив.
- ³² Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным. Личный архив.
- ³³ Из интервью с полковником С.М.Букваревым. Личный архив.
- ³⁴ Коновалов А. На позицию, девушки! // Комсомольская правда. 1994. 18 мая; Хохлов А. "Передай помаду заряжающей!" // Комсомольская правда. 1995. 1995. 18 мая.

³⁵ *Григорьев А.* Дорогая Женя! Пока ты убиваешь... // Комсомольская правда. 1994. 9 августа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914-1918

Приложение 1.1

"Я ГОРД ТЕМ, ЧТО МОГУ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН РОССИИ"

(Письма русского офицера)

Эти письма – с фронта Отечественной войны. Именно так в 1914 году называли современники Первую мировую. И молодые, образованные люди уходили на нее добровольцами, чтобы пролить кровь за Россию. Уцелели немногие. Но их судьба оказалась трагичнее и горше, чем у других, погибших на поле Славы.

Александр Николаевич Жиглинский родился в октябре 1893 года в Москве, в обедневшей дворянской семье. Рано начал писать стихи, играл в студии Художественного театра. Закончив гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета. Началась война. В 1915 году он оставил учебу и уехал в Петроград – поступать в Михайловское артиллерийское училище. И вот вчерашнему юнкеру присвоено офицерское звание, и в феврале 1916 г. прапорщик Жиглинский отправляется на Западный фронт. Март 1916-го – Нарочская наступательная операция. Июнь-июль – печально знаменитые Барановичи... А в Москву, на Среднюю Пресню, дом 20, квартира 2, идут удивительные письма (иногда по несколько в день, иногда в стихах) – маме, тете, деду, кузенам. И в каждом – любовь к Родине, оптимизм и вера в победу: "Я – русский, и всякий русский должен думать подобно... Я горд тем, что могу быть полезен России... Поймите меня!" Последним пришло с фронта стихотворное послание к деду, откровенно пророческое – о трагических судьбах Отечества и своей собственной: "Не мир идет, но призрак грозной плахи, кровавую разинув пасть..."

Спустя несколько дней, в начале декабря 1916-го, во время газовой атаки неприятеля одному из солдат не хватило противогаза и подпоручик Жиглинский отдал ему свой. В воспоминаниях А.Д.Сахарова описан похожий случай, который произошел на том же участке русско-германского фронта: "Я помню рассказ отца с чьих-то слов об офицере, который отказался надеть свой единственный во взводе противогаз и погиб вместе с солдатами"*. Не исключено, что речь здесь идет именно об Александре Жиглинском, хотя возникшая легенда, как всегда, приукрасила события. В действительности отравление было тяжелым, но герой остался жив. После госпиталя его послали в санаторий в г. Мисхор, "к южным звездам и теплему морю", на берегах которого он прожил четыре года, – в стороне от двух революций и Гражданской войны. Зарабатывал на жизнь репетиторством, играл в театре-кабаре, женился, придумал имя для будущего малыша... Когда большевики заняли почти весь Крым, двоюродный брат Евгений Гибишман, волей судьбы офицер армии Врангеля, разыскал его в Симеизе и уговаривал вместе бежать в Европу. Алек-

сандр отказался. Он был далек от политики и не чувствовал за собой вины перед "народной властью". Да и молодая жена ждала ребенка...

Александр Жиглинский был расстрелян в начале декабря 1920 г. в Крыму в период массовых казней офицеров, явившихся для регистрации по требованию Советской Власти.

Спустя две недели после его гибели появилась на свет дочь Евгения. Это она пронесла через всю жизнь, сберегла документы отца. В 1990 г. их копии были переданы на хранение в Центр Документации "Народный Архив" при Московском Государственном Историко-Архивном Институте. Подлинники писем и фотографии по-прежнему хранятся у Евгении Александровны Жиглинской.

* См.: Знамя. 1990. № 10. С. 9.

№ 1

К матери – Анне Евгеньевне Жиглинской

*6 февраля 1916 г.
Действующая армия*

Вы, конечно, дорогие мои, не можете себе представить, как приятно получить из дому посылку. Впрочем, вы сами знаете: приятное, волнующее чувство при виде чего-то запакованного, таинственного. Обычно около посылки толпится вся семья и каждый предлагает свои услуги по распаковке. На этот раз толпился около посылки я сам, один. В дверях толпился Райский*. Когда я с удивлением вытащил из гитарной картонки колбасу, нежно прижавшуюся к грифу, и издал возглас удивления, Райский не вытерпел и подошел: "Хе! Да то ж ковбаса!" – что я и подтвердил с чувством какой-то гордости и полным непонятной нежности к этой уродливой, смешной колбасе, – я готов был поцеловать ее... Когда я стал распаковывать посылку, то Райский было предложил свои услуги, но я уж тут находил сам выполнить эту интересную процедуру, и он остался стоять, рефлекторно шевеля пальцами руки, как бы принимая участие. (Между прочим, я могу почти наверно утверждать, что он шевелил и пальцами ноги!) Когда я на него взглядывал, он виновато переступал с ноги на ногу, будто хотел сказать: "что же делать – ведь я не получаю посылок". Наконец было все извлечено из мешка, и я тут лишь утолил давно мучившую меня жажду, которой раньше не чувствовал. Спасибо тебе, моя муся, за все присланное, жаль лишь, что все дорого. Большое спасибо всем принимавшим участие в отсылке, упаковке и покупке – спасибо! Ночи стоят дивно месячные, можно свободно читать. Немножко морозно, немножко днем оттепель, Стою в деревне (на 2-ой странице)**. Самые большие центры – маленький городок в 8-ми верстах (на 1-ой странице, старый фокус)***, да местечко верстах в 5-ти – 6-ти (в конце письма)****. Езжу к Наде*****. Завтра она собирается приехать ко мне в гости. Я очень рад этому. Что ты мне не напишешь, кто был у

нас, кроме солдата. Был ли дивизионный, был ли офицер Петров, был ли вольноопределяющийся? Передали ли вам мою посылку? Нужно ли тебе холста, могу прислать много, сколько ты захочешь.

Я вполне здоров. От души жалею бедную бабуся, бедного дедушку. Желаю им поскорее поправиться, чтобы к моему приезду я их нашел бы здоровыми и веселыми.

Пока до свидания, целую всех крепко, крепко. Еще раз благодарю за посылку и гитару. Сижу сейчас и бренчу от души.

Любящий тебя сын Александр.

P.S. Рад за тетю, что она устроилась.

* денищик А.Н.Жиглинского

** В письме – из соображений военной цензуры – зашифровано место службы. Родные так и не сумели разобрать этот шифр. На стр. 1 сбоку написано: "Николай 2 раза Сережа Вася 3 раза Жиглинский 3."

*** На стр. 2: "Вася три раза сообщает 4 р. когда 1 р. лучше 3 р. поехать 1 р."

**** На последней странице письма: "Сережа Николай 4 раза Вася".

***** Московская знакомая А.Н.Жиглинского, фельдшерница Н.П.Субтильная.

Из личного архива Е.А.Жиглинской. Подлинник.

№ 2 К матери

*9 февраля 1916 г.
Действующая армия.*

Здравствуй, моя дорогая, милая мамочка!

Вчера и сегодня ждали в обозе командира бригады, приготовили людей, лошадей и описи – не приехал. Задержал его прощальный обед и проводы начальника нашей 4-й армии, генерала К., героя японской войны, нашего общего любимца. Офицерство о нем страшно сожалеет. Сейчас у нас, на фронте, только и толков, что о взятии Эрзерума*. Эту хорошую весть я узнал еще 4-го числа, утром. Весть эта еще больше усилила воодушевление наших молодцов-солдат. Впрочем, я говорю "воодушевление". Это не столько воодушевление, сколько горячее желание идти скорей вперед, под впечатлением зимовки, нудной, порядком надоевшей высидки на одном месте, в ожидании больших запасов снарядов и вооружения и яркого весеннего, теплого солнышка. Заждались солдатики, засиделись. Кого не спросишь: "Что, брат, надоело сидеть?" – сейчас обветренное, простое лицо передернет от нетерпения: "Эх, Ваше благородие, да сейчас-то все мы хотим вперед бы. Снаряды есть, можем лезть..." А в нашей бригаде все уж обстрелянные, опытные солдаты, многие с начала кампании, почти все; видали они много-много тяжелого, испытали и всю радость успешного наступления, пережили тяжелую безснарядную эпоху, когда на очереди торжествующего "германа" редко-редко отвечали одиночным вы-

стрелом (для пехоты – больше), а то просто меняли позицию, не будучи в силах отвечать на ураганный огонь, имея в передках по 8-ми патронов, когда приходилось уступать врагу землю, так тяжело нам доставшуюся, отвоеванную нашей кровью. И эти солдаты не пали духом, наоборот, ждут и ждут того дня, когда с обновленными силами можно будет двинуться вперед, уже к окончательной победе и с уверенностью в светлое будущее. Что у вас там плачут в тылу? Здесь, под непосредственной опасностью, лицом к лицу со всеми ужасами теперешней войны, люди не плачут, не горюют, полны только энергии и веры в будущее, даже имеют возможность весело пошучивать в своем кругу, здесь не встретишь грустной, траурной физиономии: на лицах написаны спокойствие и уверенность. Ухо слышит не жалобы, а совсем посторонние речи, которые дышат чем-то семейным; о войне – в смысле подсчета результатов, о изменах, ужасах – здесь не говорят, досуг посвящается смеху и болтовне. А у вас что? Берите пример с бойцов, вы, жалобщики! Приедет офицер из отпуска, из родной Москвы, из Петрограда (особенно из этого Петрограда) – сейчас спрашиваешь его: "О чем, как, что говорят?" – "Э, черт, только душу вымотал, режут, как коровы, жалуются! Здесь больше отдыха!.." – Что было бы, если бы мы плакать стали? А? Я что, я молодой офицер, еще ничего не видал, но говорю со слов других. Побывайте в собрании любого из полков, любой бригады! – Узкая, длинная землянка, стены обшиты досками и изукрашены национальными лентами, вензелями и гирляндами из елок. Душно, накурено. Офицерство попивает чай, играет в карты, в разные игры, вроде скачек, "трик-трак" и т.д. Шахматы, шашки... В одном углу взрывы смеха – там молодой артиллерист тешит компанию сочными анекдотами. Веселый, тучный полковник с Георгием, прислушивается, крутит головой, улыбаясь, между ходом партнера и своим. Вот он же затягивает своим симпатичным, бархатным баритоном "Вниз по Волге-реке" и тотчас десяток-другой голосов подхватывает: "...выплывали стружки..." Поет и седой генерал, и молодой прапор... За длинным, самодельным, белым столом сидит не случайная компания, а милая, хорошая семья. Главное – дружная... Соединила всех не попойка, не общее горе, – всех соединил долг и общее дело...

На днях была у меня в гостях Надя с подружкой – сестрой**. Я их увез, как бывало в старину увозили тайком девушек из родительского дома. У них страшно строгий заведующий и печется о них, как о дочерях, чтобы на его отряд*** не легло ни малейшей тени. Они его и называют в шутку "папа".

В обозе скучно. Единственное развлечение – чтение и поездки в отряд, в батарею... В халупе у меня довольно уютно. Глиняный пол я устлал здешними "фабряными" холстами, кровать огородил полотнищами палаток. На стенах – картинки Борзова "Времена года", портреты Государя, кривое зеркальце, полукатолические бумажные иконы, оружие, платье, гитара, окна завешены холстом. В углу глинобитная, выбеленная печь. На столе горит свеча в самодельном подсвечнике из банки из-под какао, лежат газеты, бумаги и рапорты, книги и карандаши и т.д. На улице холодно, сыпется сухой снег и повеваает метелица. В

печке весело потрескивают дрова и золотят блеском огня пол, скамьи вдоль стены. За дверью, на кухне слышны голоса мирно беседующих хозяев и денщика.

Если тебе интересно, то посмотри в № 30 "Русского Слова" за 7-ое февраля статейку под названием "Идут молодцы-солдаты", – это пишут про ближайшую деревеньку от нашей батареи, что я узнаю по многим данным. Называется она тоже с буквы Ч.

Как живы бабуся и деду?

Желает всем, всем, всем всего лучшего и крепко целует тебя и всех
твой сын Александр.

---

* Так в письме. Турецкая крепость Эрзурум была взята штурмом русской Кавказской армией 3 февраля 1916 г.

** Сестрой милосердия.

*** Отряд Красного Креста.

ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11-15. Ксерокопия.

№ 3

К деду – Евгению Никифоровичу Сынгаевскому

17 февраля 1916 г.
Дер. Высокая Липа.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Милый диду, я в обозе,
Скуки мало – меньше лень,
На ветру и на морозе
Нахожусь почти весь день.
То занятя, то читаю,
То забудусь в крепком сне,
То проезду совершаю
На своем большом коне.
Проверяю караулы,
Обхожу коней, солдат...
Часто, впрочем, уезжаю
На пятнадцать верст в отряд.
Книги есть, "чего же боле"?
В них найду "живы слова".
Здесь, притом, в своей я воле,
Сам себе я голова!
Ну, а то, что нет "gaiés choses"*,
Это, дедушка, вопрос!
Хоть насчет прекрасных скупо,

Но случается подчас,
Иногда в моей халупе
Встретить пару черных глаз.
Часто, в тихие морозы,
Иль с попутным ветерком,
Достигает до обоза
Отдаленный пушек гром.
То вдали, на бранной ниве,
За кольцом лесов и гор
Два врага ведут лениво
Свой обычный разговор.
Если ясно, тихо – скоро
Гостя шлет коварный враг.
Чу! В прозрачных небесах
Слышен резкий звук мотора.
Там, пронизанный лучами,
Отражая небосвод,
Пролетает самолет
С двумя черными крестами.
Смерть с собой несет пират,
Но орудия не спят.
Вкруг воздушного пирата,
Рядом, сверху и над ним,
Будто хлопья дыма, ваты, –
От разрывов белый дым.
Это птичке неприятно,
Хоть и трудно самолет
Сбить долой, – скорей обратно
Направляет руль пилот...
Часто, ставя в сено ноги
И закутавшись в азиям,
По скрипучей мчуть дороге,
В легких санках, по гостям.
С кладью легкой и громоздкой,
По пути телег хвосты,
У селений, перекрестков
С белой юбочкой кресты**.
По дороге взор встречает
Села, фольварки***, завод,
Два солдата провожают
Пленных с утренних работ.
Бодры все, кой-кто смеется,

Им легко в плену живется.
 Деревянный "Свентый Ян"****,
 Лип столетних вереница
 И у каменной каплицы*****
 Группа набожных крестьян.
 Будто буря роковая
 Не коснулась здешних мест,
 Лишь войска да "Красный Крест"
 О войне напоминают.
 Супротив друг друга стоя,
 Русский витязь и герман
 Под личиною покоя
 Замышляют хитрый план.
 Дух могуч прошедшим горем
 И невзгодой этих дней,
 "Будет буря – мы поспорим!
 И поборемся мы с ней!"
 "Тщетны Россам все препоны",
 Дорога России честь,
 Есть снаряды, есть патроны,
 И в победу вера есть.
 Близок светлый день Отчизны,
 Прозвучит победы гром
 И для новой, светлой жизни
 Мы вернемся в отчий дом...
 До свиданья, диду милый,
 Пожелаю быть бодрей
 И хранить живые силы
 Для грядущих, ясных дней.
 И бабусям, и тебе:
 Ничему не удивляться,
 Не болеть, не волноваться
 И не верить злой судьбе.
 Всем желаю не хворать,
 Не бывать в тоске и скуке,
 О племяше, сыне, внуке
 Всех прошу не забывать.

Александр Жиглинский.

* Радостных вещей (фр.)

** У здешних крестьян обычай украшать придорожные кресты полотенцами или материей, похоже, как будто юбочка. (Прим. автора вместе с рисунком креста).

*** *Фольварк – хутор. (Прим. автора).*

**** *Деревянная, раскрашенная и изукрашенная полотенцами фигура святого ставится у дорог, прудов и т.д., считается покровителем дорог. (Прим. автора).*

***** *Каплица – часовня. (Прим. автора).*

Личный архив Е.А.Жиглинской. Подлинник.

№ 4

К двоюродному брату – Евгению Владимировичу фон Гибшман

4 марта 1916 г.

Действующая армия.

Ты ошибаешься, милый мой Женюлька, что я тебя забыл.

Совсем напротив, скорей ты меня забыл, так как не ответил мне на мое первое письмо, посланное еще в январе. Я живу очень однообразно. Сейчас я назначен начальником обоза 2-го разряда (еще с 30-го января), доживаю в обозе последние дни, так как на днях поеду обратно в батарею. Начинаются бои, и сидеть в обозе очень скучно без дела. Теперь вот уже три дня, как грохочет артиллерия наша и тевтонская, так усиленно, как давно уж не было. К нам подвезли массу артиллерии и тяжелой, и легкой, и мы начинаем понемногу гвоздить германа, которого скоро и погоним в три шеи отсюда. Целые дни на горизонтах висят "колбасы", корректируя стрельбу, вдали виднеется (ночью) зарево от горящих деревень, по солнечным дням шныряют самолеты, иногда появится и цеппелин. Через деревни и местечки гонят пехоту и артиллерию, обозы. На окопах и проволочных заграждениях тыла копаются крестьяне и крестьянки, пленные разравнивают дорогу, настилают мосты, гати. Обозы чинятся, чистятся; наезжают ревизии и происходят смотры. Мне делать почти что в обозе нечего. Жру, толстею, лежу, читаю, езжу верхом, проверяю караулы, занимаюсь с солдатами и делаю визиты в батарею и в отряды*. Живу в теплой, просторной халупе, здоров, как стадо быков. Только скучно иногда. Нервы как будто не существуют. Здесь, на позициях, во много раз лучше жить, чем в тылу. Спокойно на душе, по крайней мере.

Я еще не снимался офицером. Когда поеду в Минск**, тотчас снимусь и тебе пришлю свою фотографию немедленно. Пришли и ты мне свою...***

* *Нарисован Красный крест.*

** *В Минске располагалась ставка Западного фронта.*

*** *Конец письма не сохранился.*

ЦДНА при МГИИИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 19-20. Ксерокопия.

№ 5

К матери

*8 марта 1916 г.
Действующая армия.*

Здравствуй, моя желтенькая мамочка!

Сегодня приехал из маленького жидовского городка, где был 6-го на духовном концерте, православно-католическом, устроенном в пользу сирот воинов, местным комитетом Красного Креста. Остановился в городе у нового моего знакомого, некоего пана Обухович, который меня и пригласил на этот концерт. Хотя в концерте ничего особенного и не было (для меня), хотя участвовали хорошие (сравнительно) артисты – тенор Киевской оперы, недурный скрипач, пианист и т.д. Исполняли старые вещи различных композиторов русских и иностранных, но все-таки это вносило разнообразие в однообразную жизнь позиций...

Познакомился с женой пана Марина Обухович, симпатичного, глухого литвина – пани Яниной. Погостил у них еще день, вняв усиленным просьбам хозяев и их детей, с которыми я, конечно, сразу подружился, особенно со старшей, девятилетней девчуркой, которая была расположена ко мне еще больше, чем можно было предположить, и сегодня даже, при расставании, пролила слезы. Люди очень милые и ласковые, предупредительные. Они – здешние помещики и в городе живут временно. За этот короткий промежуток времени я выучился по-польски настолько, что мог понимать почти свободно их речь, а ребята выучили меня читать.

Жизнь моя течет по-старому, так же монотонно, как и раньше. Ради развлечения завел дружбу со здешними крестьянскими ребятишками. Они своими шалостями, пением и танцами немного меня развлекают. Недавно приходил ко мне мужичок и подал прошение, жалобу, вернее, о порубке у него в лесу. Он, к моему удивлению, оказался дворянином, столбовым, с гербом и чем угодно. Такой экземпляр я встречаю первый раз. Совершенно неразвитый, в интеллектуальном смысле человек, такой дубоватый и полуграмотный. В физиономии нет никаких почти признаков старого рода, впрочем, нос тонкий, изящный, породистый.

У нас начинается весна, по дорогам ни проехать, ни пройти; лужицы стали озерами; стали желто-густинные жнивья и черные, вязкие поля с редкой зеленой травкой всходов; теплые ветры вертят мельничные крылья; над черной, с белыми и грязными мазками снега, землей, звенят невидимые жаворонки, а в ясном, сверкающем голубизной небе, с прыгающим, дурашливым солнцем и пушистыми, наивными облачками, – летят гуси, крякая и крича, и то вытянувшись в цепочку, то строясь треугольником, то отсылая в стороны разведчиков, спускаясь к родной земле и вновь взмывая в недостижимую высь звонкого воздуха... А подле дороги – линия окопов, волчьи ямы, проволочные заграждения и колючие петли, на низеньких столбиках... Солдаты, целый батальон солдат, которых объезжаю галопом... Австрийский пленный, с лопатой под мышкой, плоско козыряющий, щурится из-под загорелой руки...

Целую тебя и всех, всех.

Твой сын Александр.

Там же. Л. 20-22.

№ 6 К матери

*19 марта 1916 г.
Действующая армия.*

Милая моя мамочка!

За эти несколько дней, как мы с тобой не беседовали, произошло несколько встреч у меня с нашими общими знакомыми. Меня все еще не переводят из обоза и 3-го дня я ездил хлопотать о переводе на батарею. Там я встретился с Яковом Мих., который со своей батареей (гаубичной) стоит в той же деревне, где наш дивизион. Он просил кланяться тебе и всем нашим. А еще шлет свой привет Вал. Николаевич, которого я встретил на станции, где отряд Нади. Его рота стоит верстах в 8-ми от нашего обоза. Скоро ее переведут, а куда – он сам не знает. Шлет привет и Надя. Она живет в самом неприятном месте, на станции, которая ежедневно (в хорошую погоду) обстреливается бомбами с аэроплана. Я был как раз во время обстрела, стоя на крыльце и наблюдая аэроплан, при появлении которого все живое стало удирать во все стороны, прячась под вагоны, в землянки и блиндажи, в сено и дрова. Доктора моментально поползли в комнаты и залезли (как я потом узнал) под столы. Скоро полетела и бомба. Очень был неприятен ее свист (пропеллера на ней), нечто вроде сирены, я даже струхнул, но офицеру удирать стыдно, да и все равно на войне мне не погибать. Потом послышался страшный взрыв. Из соседних домов полетели стекла, в воздух взвилась туча грязи и обломков. Все, впрочем, обошлось благополучно, Из 10-ти бомб, брошенных на станцию, одна лишь убила лошадь. Кой-где побиты стекла, поврежден сарай, да разбиты вдребезги заготовленные для лазарета столы. Надя храбрая, она да еще одна из сестер не пищали и не удирали. Прочти "Русское слово" от 16-го, стр. 3-я, "на австрийско-германском фронте", строка 6-я снизу крупного шрифта. Это станция, не доезжая до Надиной. На все станции этой железной дороги бомбы бросаются, но нигде не достигается значительного успеха. Только на станции, которая лежит между 2-ой из упомянутых в "Русском слове" и нашей, бомбили, было убито и ранено 6 человек и 12 лошадей, но аэроплан подбили, жида повесили (на аэропланах почти всегда летают с немцем-летчиком и жиды), а летчиков забрали в плен. Теперь к нам привезли такие орудия, которые стреляют на 12-15 верст, и немцам придется плохо. Войска рвутся в бой и недавно было всеобщее ликование, так как ожидали энергичного наступления, но шпионы предупредили немцев и теперь пока опять все тихо (до поры до времени). Каждый день, пользуясь дивной, теплой погодой, я совершаю большую прогулку верхом. Поля уже зеленеют, в лесах мало снега, солнце яркое, воздух теплый. Я

первый раз встречаю весну в деревне и сейчас упиваюсь этой весной, этим воздухом.

Проезжаю в день от 20 до 40 верст, в зависимости от настроения. Вольноопределяющийся наш привез с Кавказа для меня сапоги. Стоят они 12 рублей, но высокие, очень мягкие и легкие, как перо, а кроме всего, и прочные. Я очень ими доволен. Завтра или послезавтра уезжаю в батарею, куда ты мне теперь и пиши.

Как живешь ты и все наши? Получила ли холст? Напиши – куда ты его денешь? Понравилась ли тебе половики и холст?.. Пришли мне с солдатом то, о чем я тебя просил. Скоро пришлю тебе свою фотографию верхом. Целую тебя, тетю, бабуся, дурня Николашку, который мне написал глупое письмо с доброй сотней восклицательных знаков, впрочем, я его сам отделаю.

Твой сын Александр.

Меня сменили из обоза. Вчера, 19-го, я уехал. Был на батарее. Сегодня я был назначен адъютантом дивизиона взамен временно уехавшего в отпуск адъютанта. Все мне завидуют. Чему?! На один месяц (3 недели). Я сейчас пишу под сильным обстрелом.*

---

* Эта приписка внизу письма сделана, видимо, позднее.

Там же. Л. 23-24.

№ 7 К матери

*22 марта 1916 г.
Действующая армия.*

Моя милая мамочка!

Вечер. Очень тепло, солнышко, яркое. Сижу в землянке у телефона, от которого мне, как адъютанту дивизиона, отходить почти нельзя. То и дело звонят, требуют. Дел очень много, часто ночью будят звонками. Вчера в 10 часов вечера сообщили, что летит дирижабль. Я тотчас приказал всем в деревне потушить огни и через 10 минут началась страшная канонада. В темном, звездном небе мелькала красная, мигающая звездочка, около нее, вокруг, рвались снаряды. Скоро дирижабль был над самой нашей деревней, в зените. В воздухе стала страшная трескотня и свист от наших снарядов. Осколки и пули сыпались вниз, производя звук вроде того, которые производит молоко во время дойки коровы, но только длительней. Одна пуля стукнула меня по груди и оставила красный след на коже, несмотря на гимнастерку. Зрелище удивительно красивое! Скоро точка повернула и стала спешно удирать неверными скачками – очевидно, подбили все-таки! Снаряды рвались очень близко и часто огнем освещали корпус дирижабля – сигарообразный, темный. Этот ночной вор – неприятная штука, но зато уязвим больше, чем аэроплан. Сегодня тоже весь

день долбят по аэропланам. Все небо бывает увито дымками от разрывов снарядов, а ловкая птичка удирает, ныряет в эти облачка.

Ну, мамуся, до свидания...

Послал сегодня деньги для получения по аттестату – ты получишь порядком за это время. Ох, пойду посмотреть на дивный закат. Вся землянка красная.

Целую тебя и всех родных,

Александр.

Там же. Л. 25-26.

№ 8 К матери

*26 апреля 1916 г.
Действующая армия.*

Моя милая мамочка!

Я очень рад, что ты, наконец, получила деньги. Мне бы только хотелось, чтобы ты не брала тех 50 руб., которые положены на книжку, – это моя просьба. Дело в том, что я не теряю надежды в самом непродолжительном времени приехать в Москву. Не хочу тебя обнадеживать, но думаю, что это мне удастся. Во всяком случае, пока хлопочу о свидетельстве.

Я целый день теперь занят – это адъютантство не так уж обременительно, но зато нельзя почти отойти от телефона. Заснешь, а под ухом: "т'т'таам" – сейчас же просыпаешься и слушаешь, а потом бежишь докладывать командиру. Но, в общем, я доволен. Командир мой человек не сухой, справедливый и даром никого не обидит. Человек истинно храбрый – я имел случай убедиться в этом. Офицеры его не любят, но ведь кто же может полюбить человека, который, не говоря высокопарных фраз и не подлаживаясь, делает свое дело и других приучает быть достаточно внимательным к своим обязанностям. Мне он нравится, потому что я сам хотел бы во многом походить на него. Он никогда не выходит из себя, не кипит (это в офицерстве считается "дурным признаком" (?!)), а это очень хорошо действует!

Ну, довольно пока об этом. Спасибо тебе за послание, но когда оно еще придет – неизвестно, может быть, очень долго идти будет. Случается, по месяцу идет посылка. Как когда. Я живу превосходно. Был раз у Нади – она здорова, бодра. Завтра съезжу в батарею. Попробую словчиться в отпуск. Не знаю – удастся ли съездить в отпуск на праздники* – очень бы хотелось попасть, но старший офицер нашей батареи нарочно оттягивает свою поездку, чтобы ему захватить праздники, и мне останется Фоминая неделя, что, конечно, неудобно для тебя. Если можешь, приезжай ко мне на Святой. Я только что говорил с командиром по поводу твоего приезда, и он дал мне много хороших советов. Мы тебе пошлем удостоверение, с которым ты обратишься в Минске к коменданту и будешь просить выдать тебе разрешение для проезда к сыну на позиции,

какое тебе выдадут. А пока я устрою дело с подысканием тебе на позициях помещения. Много увидишь интересного, не пожалеешь о поездке. Покажу тебе немцев, увидишь, как хорошо здесь живется, как легко дышится, какие все здесь бодрые, веселые, не то, что у вас, в тылу. Вообще эта поездка, кроме удовольствия, принесет тебе еще и пользу. Отпуска нам опять разрешены, так что я надеюсь, что, может быть, отправимся домой вместе, а то еще и с Надей, которая тоже собирается в отпуск, если ее пустят, а пока еще отпуска ей не дают.

Все время у нас стояла превосходная, теплая, солнечная погода, дороги уже просохли, но два дня тому назад вечером началась гроза, холодный ветер, а вчера целый день шел снег. Сегодня опять солнце, но холодный ветер не прекращается. Это, кажется, от ледохода на Двине.

Целую тебя крепко, крепко и желаю всего лучшего.

Мои приветы и объятия бабусям, дедусе, тете, Колям, Оле, Боре и всем, всем родным.

Твой сын Александр.

Если возможно будет, захвати кого-нибудь с собой в поездку на фронт. Может быть, удастся Коле Сынгаевскому**? Ему это сделать легко и я ему тоже тотчас же вышлю удостоверение. Пусть только ответит телеграммой. 2-я гренадерская бригада, прапорщику Жиглинскому.

А.

* Видимо, на Пасху.

** Дядя А.Н.Жиглинского, младший брат его матери, Николай Евгеньевич Сынгаевский.

Там же. Л. 27-30.

№ 9 К матери

31 мая 1916 г.
Действующая армия.

Моя милая мамочка!

Ты пишешь, что не получала от меня писем. Однако, с маленьким письмом из Минска, я послал тебе 3 письма. Вот кратко события с моего приезда на позиции: 20-го обсуждали программу спектакля. Наша батарея не стояла в резерве, так как в резерв была поставлена временно другая батарея, у которой был праздник – годовщина батареи. 21-го я был дежурным в передовых окопах, а вечером мы опять стали в резерв. 22-го стало известно, что мы уходим опять на позиции. 23-го мы стояли на позиции и стояли в Ю. 24, 25, 26 и 27-го – на позиции. 26-го ушел из бригады наш командир ...* – его перевели командиром отдельного гаубичного дивизиона. 28-го пришло распоряжение назначить в мортирный дивизион одного офицера из бригады – старшим офицером в мортирную батарею. Назначили меня, но 29-го я упросил командира бригады не назначать меня и пришлось подать рапорт о болезни, чтобы остаться в

бригаде. 29-го был наш батарейный праздник** – молебен, затем праздничный завтрак. На батарейном празднике был вернувшийся из плена капитан – бывший командир нашей батареи. Рассказывал о зверствах немцев над пленными, свидетелем чего он был сам. 30-го утром мы стояли на передовой позиции и с 6-ти часов утра начали сильный огонь. Наши войска вечером пошли в наступление и заняли первую линию немецких окопов. Весь день 12 наших батарей, легких и тяжелых, вели ураганный огонь по немцам, которые удирали из окопов, как зайцы. Наши потери очень невелики, но на наблюдательном пункте в передовых пехотных окопах разрывом снаряда убило командующего батареей Панюшкина, убит разрывной пулей наблюдатель-разведчик Мих., другой тяжело ранен. Оба храбрые люди и бывалые разведчики. Контузило легко вольноопределяющегося Вильсона, – ты его знаешь. Я командовал взводом сзади батареи. У нас разорвался снаряд в орудии. Все обошлось сравнительно счастливо – довольно легко ранен наводчик, орудие все к черту разорвано. У немцев мало артиллерии и снарядов. Я здоров и великолепно себя чувствую. Коле пока нельзя приехать... Пиши и не беспокойся – не пишу, значит, некогда. Целую всех.

Твой Александр.

P.S. Наша пехота показала чудеса храбрости.

* *Фамилия командира вычеркнута военной цензурой.*

** *Годовщина создания батареи.*

Там же. Л. 30-32.

№ 10 К матери

*31 мая 1916 г.
Действующая армия.*

Дорогая мамочка!

10 часов вечера, уже темно. Вдали гремит канонада – уже часа три без перерыва. Я сижу в землянке, устроенной из погреба разрушенного дома. Кирпичные стены, бревенчатый потолок. Ход сообщения ведет к орудию блиндажу. На столе – бутылка, увы, молока, хлеб и свеча. Мы сегодня стреляли только утром. Я один на батарее. Офицеры все ушли в Ю., на отпевание штабс-капитана Панюшкина и разведчиков. Мы стоим в разрушенном местечке, справа от нас господский двор, фольварк, где все тоже разбито, разрушено, аллеи, цветники – все изрыто траншеями, ходами сообщений, блиндажами. Гулял по местечку, в траве можно увидеть садовые цветы, салат, огурцы, укроп, мак, всякие культурные овощи – все это вперемешку с бурьяном, лопухами и прочей сорной травой, с обломками кирпича, камней, головнями и углем, расплавленным стеклом. Улицы, изрытые воронками снарядов, по сторонам улиц – разбитые фундаменты домов. За местечком – костел и дом ксендза, перед ними – большой фруктовый сад, с поломанными сучьями, на ветках уже

множество маленьких плодов, у корней извиваются ходы сообщения и траншеи. Жителей, конечно, давно нет – да и где же было им жить, тем более, что местечко постоянно под сильным обстрелом. Кругом только солдаты – они ходят по ходам сообщения, купаются в речке, под огнем неприятеля... Из полуразрушенного дома ксендза раздается веселый говор, смех и наигрывает гармошка. В господском саду пышно цветет жасмин, такой благоухающий, белый... Вчера, когда наша артиллерия вела сильный огонь, такой, какого давно, давно уже не было, да, пожалуй, и совсем не было, солдаты повылезали из окопов. На них кричат: "Куда, черти, с ума сошли! Назад!" А те: "Уж очень хорошо артиллерия палит, сердце радуется. Давно уж так не стреляли!"

Ну, однако, я записался. Нужно еще переменить белье, да приготовить батарею к отъезду, мы меняем позиции опять.

Пока до свидания, моя дорогая мамочка. Денег так и нет, не выдавали, сам сижу без копейки. Всех целую.

Твой сын Александр.

Там же. Л. 32-34.

№ 11

К тете – Софье Евгеньевне фон Гибшман

14 июня 1916 г.

Действующая армия.

Милая моя тетя Соня!

Был очень рад получить от тебя весточку. С одной стороны, я вполне понимаю твою теперешнюю горе, но, с другой, ведь у всех матерей или почти у всех, тетя, берут детей. Я сам лично бегал, узнавал везде, нельзя ли пристроить Колю в артиллерию, – оказалось, что невозможно. Ведь теперь даже добровольцем нельзя попасть в артиллерию! Студентов, по выражению одного офицера, гонят в училища и вырваться нет никакой возможности.

Не грусти, тетя, война скоро кончится – мы погоним немцев, как баранов, так, что пятки засверкают, – близко это время, и Коля твой, может быть, и не попадет в эту кашу.

Я живу по-старому. Ем, пью, читаю. Последнее время пристрастился к французской литературе и уже совсем редко приходится прибегать к помощи словаря. В самом непродолжительном времени (если будет только время) займусь основательней стенографией – все лишние знания не мешают.

Война – это совсем не то, что вы себе представляете с мамой. Снаряды, верно, летают, но не так уж густо, и не так-то много людей погибает. Война сейчас вовсе уже не ужас, да и вообще – есть ли на свете ужасы? В конце концов, можно себе и из самых пустяков составить ужасное, – дико ужасное! Летит, например, снаряд. Если думать, как он тебя убьет, да что, как ты будешь стонать, ползать, как будешь медленно уходить из жизни, – в самом деле становится страшно. Если же спокойно, умозрительно глядеть на вещи, то рассу-

ждаешь так: он может убить, верно, но что же делать? Кипеть в собственном страхе, мучиться без мученья? Пока жив – дыши, наслаждайся, чем и как можешь, если только это тебе не противно. К чему отравлять жизнь страхом без пользы и без нужды, жизнь, такую короткую и такую непостоянную?

Не хочу хвастать, но мне уж не так страшно, как раньше, – да почти совсем не страшно. Если бы был в пехоте, – тоже, думаю, приучил бы себя к пехотным страхам, которых больше. Да потом, если думать: "Тут смерть, да тут смерть", – так и совсем страшно будет. Смерть везде, и нигде от нее не спрячешься, ведь и в конце концов все мы должны умереть. И я сейчас думаю: "Я не умру, вот не умру, да и только, как тут не будь, что тут не делайся", и не верю почти, что вообще умру, – я сейчас живу, я себя чувствую, – чего же мне думать о смерти! Каждый день я себя ласкаю надеждой – вот кончится война, как сладко будет вернуться на родину, с сознанием, что и ты служил общему делу, что есть у тебя, о чем рассказать своим детям, внучатам, что ты был свидетелем такого мирового события, жестокого, кровавого, но редкого, так как вряд ли скоро повторится подобная война, и становится уже не стыдно ни за мать, ни за свою, подвергнутую опасности молодую жизнь, а чувствуется, что у тебя есть все же честно исполненный долг перед Родиной, тебя приютившей и родной твоему сердцу. Если бы я был испанцем, то я бы и рассуждал, как испанец, но я – русский, и всякий русский должен думать подобно. Это не уость, тетя, это не квасной патриотизм, – ведь я пошел не за правительство ставить на кон смерти жизнь свою, за маму, за тебя, за "малую" Родину, за всех родных и друзей, и я горд тем, что могу быть полезен вам и России, что не даром я родился и не даром мать моя отдала мою жизнь, – я и сам за ее покой и счастье готов отдать свою жизнь. А маме кажется, что высшее счастье и для меня, и для нее, если бы я не поступил бы так, как я сделал сейчас, и остался бы около нее. Она не хочет понять, что моя любовь к ней страдала бы от упрека: ты любишь мать, а ты не хочешь страдать за нее! Моя совесть бы не позволила остаться около матери в тот момент, когда другие имеют счастье доказывать свою любовь и преданность, подвергая свою жизнь за жизнь и радость матерей опасности. Почему за счастье и жизнь матерей, спросишь ты. Да потому, что и ты, и мама, и сотни, тысячи матерей – прежде всего русские! Если бы их сыновья не пошли бы на войну, – то что бы было с нашей Родиной? А раз нам дорога Родина, то вы должны радоваться, что ваши дети служат нашему общему счастью и родной стране. Поймите меня, тетя, мама, – ведь это не рисовка, не фразы, – какие тут могут быть фразы, когда не сегодня-завтра и я могу направиться, как и каждый на войне, на тот свет. Это не фразы, это мои слезы, хотя я и не умею плакать, это не самоутешение – это пережитое и перечувствованное. И я надеюсь, хочу всем сердцем, чтобы мои слова от сердца – дошли к вашему, чтобы ваша материнская любовь поняла и оценила нашу сыновнюю жертву, как мы ценим и понимаем вашу материнскую. Я хочу, чтобы вы поняли, что это, – так быть должно, я хочу, чтобы и вы говорили так, вы можете так же говорить, но ваше тело берет верх над духом, а у человека должно быть наоборот! Поймите же меня и не старайтесь ввести меня в отчаяние, в уныние, в желание избежать общей участи и долга, а вникните в самую глубину, в самый смысл моих истин, и мы пойдем тогда друг друга, и мать моя никогда уже не огорчит меня непониманием и слезами.

Единственное, что мог я уступить животному страху моей матери, – это то, что я пошел в артиллерию, а не в пехоту.

Ну, мои дорогие, много, много любимые тетя, мама, бабуся, будьте здоровы и пишите горячо вас любящему сыну и племяннику Александру.

Поймите меня!

Там же. Л. 34-38.

№ 12 К матери

*22 июня 1916 г.
Действующая армия.*

Милая моя мамочка!

Третий день идет бой. Сегодня уже много тише, но все же время от времени начинает разгораться перестрелка, а орудия все время порывкивают. Наши пока имели успех – вчера еще заняли высоты, а соседний корпус взял всю первую линию окопов. Окопы немцев очень тщательно отделаны – стенки даже бетонированны. Вообще все укрепления рассчитаны на долгое сидение – то-то они так отчаянно дрались. Артиллерии у них, если не меньше, чем у нас, то снарядов меньше и качество их хуже, чем наших. Когда немцам приходится плохо, то они начинают очень неважно стрелять – пускают таких "журавлей" – слишком высокие разрывы шрапнелей, не причиняющие вреда, не наносящие ущерба своими пулями и осколками.

Вчера ночью в 2 часа была страшная гроза – небесная канонада, вызванная земной. Лил проливной дождь и выжил меня из палатки, свалив ее прямо на меня. Я – хода из-под развалин, к номерам в землянку, но там не мог уснуть, закусали блохи и комары. Вышел на свет, благо ливень кончился, и с дневальным принялся устраивать себе новое жилище из новой палатки и елок.

Зовут к телефону на управление бригады, опять, вероятно, насчет выпущенных патронов...

Какая неожиданность – звонил Вася*, он разыскивал меня. Сейчас мы с ним увидимся – командир отпустил меня на полтора часа в Ю.

Видел Васю**. Он выглядит довольно хорошо. Конечно, мы страшно обрадовались, что пришлось так свидеться. Он стоит неподалеку от того места, где стоит сын М.П.-ны. Сын М.П. пишет, что он ждет меня, а я жду его, так как мне более некогда – у нас настроение будто перед грозой – напряженное и ожидающее было все время, и вот теперь бой. Если удастся и если Вася будет стоять на месте, то я после боя съезжу к нему, тогда, может быть, увижу и сына М.П.

Возможно, что меня освободили бы*** так же, как и Колю, но я вполне доволен своей судьбой. Напрасно ты думаешь, что мне плохо живется: я вовсе уж не так "страдаю", как тебе кажется. Наде следует писать: 2-я гренадерская дивизия, XI отряд В С.З. Союз городов, 2 У летучка – фельдшернице Н.П.Суботинамоя мамуся, будь здорова, целую тебя и всех

твой Александр.

* Василий Евгеньевич Сынгаевский, дядя А.Н.Жиглинского, служил в саперных частях.

** Письмо закончено после возвращения из Ю.

*** От военной службы.

Там же. Л. 38-40.

№ 13 К матери

5 июля 1916 г.
Действующая армия.

Милая мамочка!

Я очень удивляюсь, что ты мало получаешь моих писем – я тебе посылал больше, чем писем 5, вероятно, за этот месяц (июнь). Скоро к тебе зайдут мои солдатики и тебе еще принесут мои письма. Вчера был в Н., где сын М.П., его не видал, так как он уехал куда-то. Этот город от Ю. верст 30-35, не меньше, и я теперь вижу, что значит привыкнуть ездить верхом – эти 32 версты я сделал без особого утомления, не слезая с седла. Как странно слышать: "Немецкие разведчики, какие-то. Возьмут в плен..." Да где тут, мамочка, эти разведчики, когда Н. – это уже тыл и такой тыл, что там уже штабы и целый ряд тыловых учреждений. По дороге от Ю. можно видеть мирных жителей. Из одной деревни, расположенной на одном уровне с Ю., которая тоже обстреливается, жители выбирают и прячутся, с наступлением дня, под елочками у железной дороги, где мы с тобой ехали. Туда уже не достигают снаряды – там резвятся ребяташки, пасется скот. Ты все забываешь, что теперь война совсем не то, что прежде. За полверсты от наших проволочных заграждений (вперед, к неприятелю, конечно) не встретишь уже немецких разведчиков, да и наши дальше не заходят. Конечно, в тылу могут быть шпионы, но эти в плен не берут и не убивают. Свободен путь только сверху – по этому пути и ходят разведчики-самолеты. Но эти бросают бомбы только лишь в крупные пункты, как, например, то же З. при П. Надя уже не живет в П., а неподалеку в лесу, так как там слишком пыльно. Их отряд живет в старинном фольварке – барской усадьбе, такой уютной в своем кольце из лип и фруктовых деревьев, кустов жасмина и т.д. у нас затишье, действий нет, живем в Ю. Когда были бои, то обед и завтрак приносили на позиции вестовые – это уж их забота и обязанность...* Васе пока еще денег что-то не дают – он не зачислен твердо в эту часть и аттестат его не присылают.

Сегодня утром от немцев вылетела целая эскадрилья аэропланов – 18 штук, колоннами, по 6-ти, и полетели на М-к**, S., Н. – бросать бомбы. Наши, конечно, начали их разгонять, подняли страшную пальбу – это было утром. Я так уже привык к этому грому, что даже не проснулся. Ну, мамуся, пойду сейчас спать, уже 24 часа и спать здорово хочется, тем более, что завтра рано вставать – ехать на позицию считать снаряды.

Ну, до свидания. Целую тебя, бабуся, тетю и всех, всех. Остаюсь горячо тебя любящий

твой Александр.

* Далее одно предложение неразборчиво.

** Минск

Там же. Л. 40-42.

№ 14 К матери

*25 ноября 1916 г.
Действующая армия.*

Дорогая и уважаемая матушка моя!

Шлет Вам сын Ваш Александр единоутробный почтение и с любовью низкий поклон, а также и бабке старой моей с любовью низкий поклон, тетке моей Софии Евгеньевне с любовью низкий поклон и сыну ея Николаю Владимировичу. Деду и бабке моим, сыновьям их Николаю Евгеньевичу с его невестою, Сергею Евгеньевичу с женою и сыном, Борису Евгеньевичу и Евгению Евгеньевичу с любовью низкий поклон, дочери их, а моей тетке Ольге Евгеньевне с любовью низкий поклон, прислугам нашим Усте и Дуняше с любовью низкий поклон. И всех Вас, дорогие мои родные, от всего любящего сердца обнимаю и целую много раз. А также шлю я мой сердечный привет, крепкий поцелуй, низкий поклон и унижайшее почтение всем моим и Вашим, мои дорогие родители, хорошим знакомым. А в особенности прошу обнять и поцеловать названную дорогую сестрицу мою Надежду Николаевну, милого соловья Зинаиду Павловну и Жоржика Георгиевну. И шлю я им и родителям их мое унижайшее почтение и с любовью низкий поклон. А также желаю всем Вам доброго здоровья, на веки нерушимые. И спешу уведомить Вас, дорогая матушка, что нахожусь я в добром здравии, чего и Вам желаю, письма Ваши получаю, за что сердечно Вас благодарю. А также нашел я в присланной Вами, дорогая матушка, посылке с сохраняющими от хлада вещами вкусный шоколад "Эйнемский". Шоколад этот съеден и шлет Вам сердечный привет и с любовью низкий поклон. А также и духи "Синеския", очень даже с запахом и для бритья и носа вполне пользительные. А еще пишу я Вам, что нового у меня ничего нет и что стоим мы против немца, а немец этот (чтоб ему ни дна, ни крышки) супротив нас стоит, и друг мы на друга смотрим и ничего хорошего друг в друге не находим. И отписываю я Вам, что на наблюдательном пункте дежурить очень способно, так что там все одно, что на Средней Пресне жить, разве что скучно. И пишу я Вам, что делать здесь нечего и что утром хожу братцев, младших товарищей, солдатиков обучать стрельбе по еропланам, а вечером дуемся в преферанс и сыну Вашему не везет, – узнайте, мамаша, кто влюбился в меня, и отпишите, – хоть знать буду, за кого мне влетает. Ловчусь на праздник*, если словчусь, – приеду, а не словчусь – ждите на Масляной. И жду от Вас писем и целую Вас, и остаюсь Ваш почтеннейший сын, уважаемая матушка, беспутный Александр.

* На Рождество в отпуск.

Там же. Л. 42-44.

№ 15 К двоюродному брату – Николаю Владимировичу фон Гибшман

26 ноября 1916 г.
 Действующая армия.

На Среднюю Пресню, в Москву дорогую,
 Налево за угол, дом двадцать.
 Во двор и направо, в квартиру вторую
 Наверх (там ступеней пятнадцать).
 Вы в левые двери звоните, стучите,
 Отворят, не тратя момента.
 Письмо это с фронта прислуге вручите
 Для Гибишмана Н.В., студента.*

* * *

Днесь брату Николаю, в науке искушенному,
 В неистовом зубрении за письменным столом,
 "Большуший крокодилище", голодному и сонному
 Братишка Алексашка смиренно бьет челом.
 Твое посланье милое, хорошее, открытое,
 Я получил с посылкою и написал ответ.
 Письмо лежит не послано, хотя и не забытое,
 По почте же послать его я не решусь, мой свет.
 В ближайшем, друже, времени пошлю его с оказией.
 Живем однообразно мы, совсем нет новостей.
 Играем в проферансию, балуемся мальвазией,
 В кругу своем обыденном, в компании гостей.
 Стоим напротив мы, а он, змея проклятая,
 Чтoб пусто было нечисти, стоит напротив нас,
 Пуцаем помаленечку, из пятого в десятое,
 А немец реже пуцает: снарядов мал запас.
 Зело погода хладная, снегов же нет хождения,
 Без душегрея ежится сырая мать-земля.
 И всходы нежной озими бурют в обнажении,
 И сумрачны промерзшие и доли, и поля.
 Ни ярым добледушием, ни ратною отвагою,
 Ни боевою доблестью нельзя наполнить день,
 При свечке парафиновой сижу я за бумагою,
 Витийствую, пока в постель не сманят сон и лень.
 Завтра, когда розоперстая Эрос начнет умываться,
 Хмурый придет Юлиан, тяжело ступая пятой,
 Молвит, за ногу труся: "Ваширодь, пора просыпаться".
 Сонный, я буду дрыгать в виде протеста ногой,
 Буду ворчать, но будить нужно, во чтоб то ни стало.
 Взмаха ноги миновав, он подберется к плечу,
 Если и тут не проснусь, – сдернет долой одеяло.
 Холод землянки проймет, – тотчас на ноги вскочу.
 Смотр инспекторский сегодня!
 Живо чаю! У ворот
 В поводу у ординарца

Меня Васька рыжий ждет.
 Васька, фыркая притворно,
 Мордой ткнет меня в висок,
 Видно, знает, что в кармане
 Завалился сахарок.
 И по крепкому морозу
 Бодр и весел конский ход!
 И размашистою рысью
 Понесусь на дальний взвод!
 А потом, после смотра поедем домой,
 Хорошо закусить, "le merlleur appetit"**,
 Выпить чаю с вареньем стаканчик-другой,
 Там пульченку сгонять, граммофон завести.
 Глядь – и время пройдет... Ночь тиха и ясна...
 Деревушка молчит, кой-где блики огней,
 И таинственный свет проливает луна
 На остатки халуп, на верхи блиндажей.
 Не лепо ли мне, брате, залечь на боковую?
 Уже час первый ночи, сосед мой спит давно...
 Собаки где-то лают, за дверью ветер бушует,
 И кроткая Селена глядит ко мне в окно...
 Итак, прими от брата заочное лобзанье:
 Надеюсь, скоро буду в объятьях братских лап,
 Всем шлет свои приветы, до скорого свиданья,
 Вития Алексаика, смиренный Божий раб.

* Стихотворный адрес на конверте.

** превосходный аппетит (фр.)

Личный архив Е.А.Жиглинской. Подлинник.

№ 16
К деду – Е.Н.Сынгаевскому

29 ноября 1916 г.,
 дер. Юшкевичи.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Поэту-старiku, согбенному недугом
 И тяжким бременем рабочих долгих лет
 От внука-воина, почтительного друга,
 Горячий искренний привет.
 Да! Время тяжкое, большое испытанье
 На долю Родины досталось в эти дни,
 И многим принесло несчастья и страданья,
 А многим выгоды одни.
 Всех сил и ценностей идет переоценка,
 Что было спрятано таинственно под спуд
 На воле и в стенах тюремного застенка,

Явилось на правдивый суд.
 Вчера энтузиазм, сегодня все остыло,
 Вчера вершила власть – теперь вершит народ,
 Из слабых рук судьба берет кормило,
 И вокруг челна – водоворот.
 Здесь газы и огонь, – там золото, брильянты,
 Тут деревянные, безвестные кресты, –
 Там гордо властвуют купцы и спекулянты,
 А рядом – голод и хвосты*.
 Но меч уж занесен, рука в могучем взмахе.
 Согнулись под мечом предательство и власть.
 Не мир идет, но призрак грозной плахи,
 Кровавую разинув пасть.
 Война пройдет, но распри не остынут:
 Так уголья горят под серою золой,
 И долго призраки кровавые не сгинут
 Над бедной русской землей.
 Но верю я, что время искуплений
 Очистит Родину для светлых, свежих сил.
 Мы строим колыбель для новых поколений
 На основании могил.
 И верю я: мы счастье купим кровью.
 Пройдет гроза – и на Руси тогда
 Взойдет заря над вспаханною новью,
 Заря свободного труда.
 Есть у меня заветное желанье,
 Чтоб в эту полосу сомнения и бед
 Так стойко выносить и горе, и страданье,
 Как выносил мой дед.
 Тебя за горести судьба вознаградила
 Такою крепкою и дружною семьей,
 И тою, что с тобой все пополам делила:
 Действительно "подругою-женой".
 Создать семью! (Теперь их разрушают.)
 И душа в душу жить почти полсотни лет!
 И с будущей женой я так же жить мечтаю,
 Как жили бабушка и дед...
 По-прежнему идут, сменяясь, дни, недели,
 По-прежнему орудий редкий гром,
 Окопы серые и серые шинели,
 И серо все кругом.
 Настанет ночь, в глубокой тьме сверкает
 Далеких выстрелов невнятный полусвет,
 И лужицы болота сотрясает
 Дрожжащий блеск ракет.
 Окрестность потрясет нежданный гул разрыва,
 Татакнет пулемет... и снова тишь, покой,
 Лишь шарит по полям беззвучно и шкодливо

Прожектор жадною рукой.
А утро раннее появится с морозом,
Затянет лужицы стеклянным, хрупким льдом.
Хрустят колесами тяжелые обозы,
Землянки курятся дымком.
Ноябрьский ясный день, все инеем красиво
Разубрано: халупы, серый стог,
И провода над серебристой нивой,
Как белый бархатный шнурок.
Так скучно целый день, и очень редко книги.
Друг другу каждый трижды надоел.
Безделье и покой – тяжелые вериги,
И тщетно жаждешь дел.
Претит унылая о старшинстве, ловченьи,
О ранах, орденах тягучая молва,
И грезится в мечтах и сновиденьях
Родимая Москва.
Ну, вот и все... До скорого свиданья,
Бабуся милая и мой хороший дед.
Целую всех и шлю всем пожеланья
И искренний привет.

---

* Очереди за хлебом.

Личный архив Е.А.Жиглинской. Подлинник.

Приложение 1.2

"РОЖДЕСТВО НАМ ПРИДЕТСЯ ВСТРЕЧАТЬ НА ПЕРЕДНИХ ПОЗИЦИЯХ" (Письма с Первой мировой войны)

Мы давно осознали известную истину, что История складывается из человеческих судеб. Что пожелтевшие письма, чудом сохранившиеся в семейных архивах, могут сказать о ней больше, чем длинные колонки цифр и казенные фразы учебников. Мы заглядываем в прошлое – и в который раз убеждаемся, как похожи на своих предков: те же мысли, заботы, желания. Те же обыденные слова.

1914-й. Первая мировая война. Войска Северо-Западного фронта наступают в Восточной Пруссии. И пехотный унтер-офицер Иван Иванович Чернецов пишет письма сестре по адресу: Москва, Кремль, Дворцовая улица, Офицерский корпус, квартира 19. О чем он думает в промерзших окопах в перерыве между боями? Что обычно волнует солдата в минуты отдыха: подоспела бы вовремя кухня, да теплые вещи прислали из дома, да не подвели бы служивого сапоги... А еще в канун Рождества вспоминает о мирной жизни, о родной Москве и звоне колоколов, мечтает сходить к Всенощной...

Что мы знаем о нем? Почти ничего... Был вольноопределяющимся, затем унтер-офицером, командиром взвода, полуроты, затем опять взвода. Участвовал в Восточно-Прусской операции 1914 г. Попал в плен – первая весточка оттуда датирована 15 июня 1915 г., адрес лагеря военнопленных – Германия, город Вормс (Worms).

В Центре Документации "Народный Архив" при Московском Государственном Историко-Архивном институте хранятся фронтовые письма и открытки из немецкого плена. Последняя – от 30 июня 1918 года. Вернулся ли он домой или пропал на чужбине – про то неизвестно. Судьба его канула в Лету среди тысяч других судеб простых русских людей. Но остались письма. А в них – душа человека и чистый колокольный звон...

Письма с фронта унтер-офицера Ивана Ивановича Чернецова к сестре – Елизавете Ивановне Огневой

№ 1

12 ноября 1914 г.

Милая и дорогая Лиза!

Здравствуй! Я, слава Богу, жив и здоров, чего и всем Вам от всего сердца желаю. Наконец-то явился случай послать мне письма к вам в Москву. Теперь у нас наладилось немного это дело, но если опять случится переход нас в другое место, то опять прекратится всякое сообщение. Очень и очень сожалею, что не мог послать тебе письма с поздравлением. Кажется, числа 10 октября я послал письмо Ольге Ивановне и думал позднее послать к тебе, но нас сняли с

места и уже потом долго нельзя было передать письма в тыл. Дорогая Лиза, сердечно поздравляю тебя с прошедшим днем твоего Ангела и желаю тебе всего лучшего, а Алексея Ивановича и Бобочку – с именинницей. Поздравление мое вышло слишком поздним, но лучше поздно, чем ничего. За это время мы были в пяти сражениях – в двух ночных и в трех дневных. Первое сражение началось аккуратно в 4 часа дня 22 октября, то есть в день твоих именин, и продолжалось всю ночь и следующие сутки. Я и то, лежа в лесу во время стрельбы, вспоминал о тебе и о Кремле (то есть о вашей квартире), что все собравшиеся поздравляют тебя с днем твоего Ангела.

Лес, где происходили у нас бои, есть лесная дача Вильгельма, и мы на третий день заняли его охотничий дом-дворец, выстроенный в этом лесу. Лес этот тянется верст на 20, и мы его весь прошли, вытеснив немцев, а потом нас послали в другое место, где мы и находимся сейчас.

Посылки я все три (две от мамы и одну от Ольги Ивановны) получил еще 12 октября, за что приношу всем вам сердечную благодарность за труды. Теперь я обеспечен теплыми вещами с избытком. Наступившие здесь холода градусов на 10 легко переносятся мною, а спать иногда приходится в поле, в блиндажах, где, конечно, только тихо, но печей нет; там много сена, так что, зарывшись в него, спать очень тепло. Сапоги мои еще очень хороши, каблуки до половины только сбились, но теперь у нас сидят два сапожника, которые и чинят бесплатно всем обувь, а потому, набив каблуки, сапоги станут опять, как новые. Деньги я еще до сих пор не получил, но оказалось, что пока их и не нужно, потому что решительно не на что их тратить, а у меня еще есть 25 рублей. Мы все очень хорошо накормлены (1 фунт мяса в день на человека утром, да еще немного вечером). Кроме того здесь много баранины, свинины и коров, которых начальство разрешает бить и делить между собою. Чай, сахар выдают регулярно и в достаточном количестве. Много везде в домах ссыпано картофеля, который мы жарим на свином сале, варим с мясом, делаем котлеты (если найдем в доме машинку для рубки мяса) и даже печем лепешки на свином сале; муки оставлено много, но дело в том, что, конечно, нет дрожжей, но несмотря на это, ржаные лепешки, жаренные на свином сале, выходят очень хороши, и даже ротный наш командир часто просит солдат поставить на его долю теста.

Города и отдельные дома и местечки брошены жителями со всем имуществом, а магазины – с товарами. Везде полное разорение. На улице и во дворах находим брошенную дорогую мебель и разные домашние вещи: швейные машинки, граммофоны и другие. Спать приходится иногда на роскошной кровати или сидеть на дорогих мягких стульях. Это в нашем-то костюме и с нашими сапогами! Контрасты такого рода и даже еще резче можно наблюдать почти каждый день. Да! Разорение очень большое...

Пока до свидания! Будьте здоровы.

Твой брат Ваня.

ЦДНА при МГИИИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 3-5.

№ 2

18 ноября 1914 г.

Милая и дорогая Лиза!

Здравствуй! Шлю тебе сердечный привет из Германии. Я, слава Богу, жив и здоров, чего и вам всем (Алексею Ивановичу, и Бобочке, и тебе)* от всей души желаю. Посылку от вас с теплыми вещами я получил, а также и ваши письма от 29 сентября и 21 октября я получил, за что приношу сердечную благодарность за заботу обо мне и за все хлопоты.

Милая Лиза! Извини меня, что я не прислал тебе письма ко дню именин, но дело в том, что никаким образом переслать письма после 13 октября было уже нельзя, так как мы тронулись с места в поход, во время которого никак нельзя послать письма в тыл для пересылки в Россию, и это всегда так бывает, когда мы совершаем переход с одного места в другое, да и по приходе на место долго еще не налаживается пересылка.

22-го сентября, как раз в день твоих именин, у нас с 4 часов дня начался бой с германцами в лесу Вильгельма, в котором он охотится на разных зверей. Бой продолжался и весь следующий день, после чего немцы отступили далее. И вот, лежа на земле в лесу 22 октября, я вспоминал о всех вас, о Кремле и, конечно, очень сожалел о том, что не мог присутствовать у вас. После этого боя мы еще за это время дали немцам 3 боя, после чего мы вышли из леса, который протягивается верст на 20. В лесу есть охотничий дом Вильгельма, около которого есть до 30 строений для свиты и служащих. В этих домах мы отдыхали почти целый день. Пройдя лес и заняв одно местечко, мы получили приказ перейти на другой фронт в другое место, где и находимся по сие время.

Теплыми вещами я теперь обеспечен с излишком, а потому мне из них ничего не надо. Лишние вещи я отдал моим товарищам, и они шлют сердечную благодарность и добрые пожелания за эти вещи, которых они не ждали и в которых сильно нуждались; теперь у них есть все. Компания наша очень дружная, и они, придя куда-нибудь, сразу принимаются за продовольствие самих себя и меня. Быстро достают мясо, сало, муку, крупу, воду и т.д. и начинают варить что-нибудь или жарить. В особенности Александр Никандрович Ехлаков, этот даже всех нас угощал блинами, жареными мозгами и картошкой и котлетами (достал машинку для мяса). Вообще это такой господин, который нигде не потеряется и всегда найдет выход из всякого положения. Благодаря ему у нас всегда есть вареная свинина, баранина и разная снедь про запас на случай, если задержится наша казенная кухня, а это бывает, когда мы куда-нибудь передвигаемся. В остальное время обед и ужин нам выдают регулярно каждый день. Мяса получаем всего 1 и 1/4 фунта в день на человека, сахару по три куса в день и чаю достаточное вполне количество, изредка только бывает нехватка его. Это если происходит какая-нибудь задержка в доставке. Ведь муку, да и самый готовый хлеб приходится доставлять из России, а с этим надо считаться. Вообще кормят хорошо: варят лапшу (с большими макаронами),

горох, суп с сушеными корнями, суп с картофелем, щи со свежей капустой и суп с гречневой кашей, иногда с рисом или перловой крупой. Вечером и утром получаем обед и ужин по одному первому, как и в Японскую войну. Этого вполне достаточно и солдаты все довольны продовольствием.

Сапоги мои очень хорошие попались. Только за все время похода сносились каблуки, но я отдал их казенному сапожнику и он подбил их, а ведь в них пришлось пройти всего не менее тысячи верст пешком...**

Дорогие Лиза и Алексей Иванович, до свидания. Будьте здоровы. Целую вас крепко.

Ваш Ваня.

Приписка сверху:

Поздравляю тебя с прошедшим днем твоего Ангела и желаю здоровья и всего лучшего. Хоть и поздно, но лучше поздно, чем никогда.

* Алексей Иванович – муж Огневой, шурин И.И. Чернецова, Бобочка (Борис) – его племянник.
** Далее автор письма пишет отдельно для племянника ("Дорогой мой карапузик Бобочка!") и некоторых других родственников, передает приветы.

Там же. Л. 7-10.

№ 3

4 декабря 1914 г.

Милая и дорогая Лиза!

Здравствуй! Вчера 3-го числа я получил от тебя письмо от 23-го ноября (7-е), за которое шлю тебе большое спасибо. Я, слава Богу, жив и здоров, чего и вам всем от всей души желаю. Посылки (1 твою и 1 Ольги Ивановны*) я получил и сердечно благодарю вас за них. Теплыми вещами я теперь обеспечен с излишком, а потому не беспокойтесь относительно этого обо мне. Да пока и погода здесь стоит все время теплая, идут дожди; ходим, раздевшись, без шинелей (когда бываем на отдыхе). Теперь 5-6 градусов. Были только морозы в начале ноября, которые продолжались дней пять-шесть, а потом началась оттепель, которая и стоит по сие время...

Компания наша все та же (Ишук, В.Виноградов, Ехлаков и я), исключая П.Виноградова, о котором мы после боя 29 сентября до сих пор не имеем никаких сведений; жив ли он и где находится – неизвестно. После боя он был оставлен, по рассказам других, на поле сражения и дальнейшая его судьба неизвестна; может быть, он попал в плен, а может быть, подобран потом нашими санитарями и находится где-нибудь, но только мы до сих пор не получали от него ни одного письма...

Если вы захотите чего-нибудь послать мне, то только что-нибудь из съестного и, например: колбасы копченой (краковской), сыру, грудинки копченой, ветчинной колбасы, копченых селедок 2-3 и вообще разных копченых рыбных и мясных товаров; рыбных и мясных консервов (американская лососина, шпроты и разные другие). Хорошо бы прислать кеты соленой, но она, пожалуй, дорогой испортится. Можно прислать сухарей, фунта 3-4, или даже луч-

ше сухарных обрезков (какие прислала Ольга Ивановна), прислать можно баранок; пришлите полфунта какао и каких-нибудь дешевых конфеток (1 фунт, кислых монпасье или прессованное монпасье). Еще чего у нас нет, так это стеариновых свечей, в которых сильная нужда. В долгие вечера не с чем сидеть или собраться и разобраться, ужинать, приходится жаться к одному огоньку у какого-нибудь солдата. Жгем сало свиное, машинное и вообще все горючее. Свечи хорошо бы прислать как можно толще (хорошо бы железнодорожные), да, кстати, пришлите пачку спичек, их у нас трудно достать. Можно ли только их пересылать по почте? Не считаются ли они огнеопасными предметами? Но я думаю, можно положить их в жестянную коробку для безопасности (одному солдату у нас прислали в посылке спички). Вот из этих предметов и можно составить посылки и прислать их сюда, за что я заранее приношу вас всем сердечную благодарность за хлопоты по пересылке и упаковке их...**

Дорогая Лиза! Хорошо бы мамаша испекла бы своих знаменитых оладьев, которые хотя и зачерствели бы дорогой, но, я думаю, не очень; да, наконец, их можно здесь разогреть. Попроси об этом мамашу, а еще, может быть, она испечет лепешек на сале (таких, какие пекла бабушка, – песочные), они совершенно не черствеют и хорошо выдержат дальний путь... Чаю и сахару мне не надо, этого у нас выдают очень много, так что солдаты пьют чай в накладку. Сахар и чай жертвованный.

До свидания! Крепко целую тебя, любящий брат твой Ваня.

Дорогой Алексей Иванович!

Сердечно благодарю тебя за пожелания ко мне и за память. Кормят нас достаточно вполне, иногда бывает задержка в получении хлеба или пищи, но это иногда зависит от состояния дорог и от доставки, которая иногда прямо бывает невозможна, да, наконец, надо считаться и с военным временем и мириться с этим. По мере возможности буду стараться сообщать вам о себе; вы же пишите о себе. Целую тебя крепко. Будь здоров, а это главное для жизни.

Любящий тебя Ваня.

Дорогой Бобочка!

Желаю тебе здоровья и силы. Расти большой, а для этого хорошо ешь, тогда скоро будешь настоящим человеком. Спасибо за память. Целую крепко тебя.

Дядя Ваня.

* Родственница И.И. Чернецова, возможно, сестра шурина.

** Здесь следует пространное описание того, как лучше упаковать посылки, чтобы ничего не помялось и не растащили. Фанерный ящик он советует зашить в коленкор (холст) и перевязать веревками.

№ 4

22 декабря 1914 г.

Здравствуй, милая и дорогая Лиза!

Поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе здоровья в наступившем году и исполнения твоих желаний. Я, слава Богу, жив и здоров. Посылку от тебя и Оли я получил. Всего я за эти дни получил пять посылок...* Сердечно благодарю вас за них и за хлопоты по пересылке и упаковке их.

Меня теперь назначили исполнять обязанности полуротного командира, под командой находится семьдесят человек. Погода здесь у нас стала холодная – 6-8 градусов с сильным ветром, а снегу чуть-чуть.

Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте также спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год.

Дорогая Лиза! Вся наша компания просила меня передать тебе сердечный привет и лучшие пожелания на Новый год.

Послали мы сообща (все солдаты нашего второго взвода) одного человека за покупками к празднику Рождества Христова в г.Сувалки; покупки – исключительно съестное: ситный, колбаса вареная, копченая, сливочное масло, сыр.

Рождество нам придется встречать и провести на передних позициях. Жаль очень, что не придется сходить к Всенощной.

Пока до свидания! Будь здорова, всего хорошего. Целую тебя крепко, любящий тебя твой брат Ваня.

---

* Далее следует описание содержимого посылок.

Там же. Л. 17-18.

№ 5

29 декабря 1914 г.

Милая и дорогая Лиза! Здравствуй!..*

Табак и курительную бумагу я роздал уже солдатам, которые просили меня в письме передать вам большое спасибо и самые лучшие пожелания в наступающем Новом году.

Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи. 27-го декабря мы ушли с передних позиций на вторую линию обороны на отдых, где и начали справлять праздник, который

нам пришлось пробить на позициях впереди. Посланный нами солдат приехал и привез из Сувалок все, что каждый солдат заказывал себе на праздник.

Находясь на позиции в сочельник вечером, как-то невольно мыслями переносился к вам в Москву. Живо представлялся вечер этот, как он проходит в Москве: сначала суетня на улицах, потом прекращение движения трамвая и постепенное прекращение уличной суеты, и, наконец, начинается звон в церквях, какой-то торжественный, праздничный, начало службы великим повечерием и, наконец, всенощная. Народ по окончании высыпает из церквей и расходится в радостном праздничном настроении. Здесь же было совершенно тихо и у нас, и у немцев, и даже в воздухе. Ночь была звездная и нехолодная, и эта тишина особенно нагоняла грусть, и сильнее чувствовалась оторванность от вас.

Дорогая Лиза! Если будете что-нибудь посылать мне, то положите в посылку пачки две чернильных карандашей, еще конвертов и бумаги. Сейчас получил от вас открытку с видом Москвы. Сердечно благодарю за пожелания. Большое спасибо за все. До свидания. Будьте здоровы. Всего хорошего. Крепко целую тебя и Алексея Ивановича.

Любящий вас ваш Ваня.

Дорогой Бобочка, и я также крепко целую тебя и желаю тебе быть здоровым.

Любящий тебя дядя Ваня.

---

* Далее снова пишет о получении посылок.

Там же. Л. 20-21.

№ 6

17 января 1915 г.

Милая и дорогая Лиза! Здравствуй!..*

Милая Лиза! На днях я послал домой 150 рублей, которые скопились из жалования, да еще оставшиеся, которые были присланы из дома. Оставил себе 30 рублей на расходы, которых теперь почти нет, только иногда расходуешь на ситный.

Дорогая Лиза! Меня действительно могут произвести в прапорщики, об этом много говорил и ротный командир. Уже у нас в полку многих произвели. Мне надо только подать в полковую канцелярию бумаги, и тогда могут произвести, но дело в том, что все-таки есть разница (которая очень видна в биннокль) между прапорщиком и солдатами в общем строю. Здесь все офицеры ходят с шашками, а не с ружьями, а немцы специально бьют сперва офицеров. Я теперь и так команду полуротой (второй) – 100 человек, и по производстве разницы в этом не будет. Разница в получении жалования: я получаю теперь 38 р. 75 к. и еще 1 р. 50 к., ну а прапорщики, наверное, вдвое (хорошо не знаю), но за жалованьем, конечно, в теперешнее время гнаться нечего, не такое время. Погода здесь стала морозная – 4-5 градусов, тихо и ясно. Я здоров и

тебе того же желаю. Всего хорошего. Целую тебя крепко, любящий тебя брат Ваня.

Милый Бобочка!

Здравствуй. И ты будь здоров. Спасибо тебе за пожелание. Поцелуй за меня свою маму, а она пусть поцелует за меня тебя. До свидания! Всего хорошего.

Твой дядя Ваня.

---

* Далее пишет о посылках, деньгах, письмах от родственников.

Там же. Л. 24-25.

№ 7

Открытка из немецкого плена*

*19 февраля (ст. стиль),
4 марта (нов. стиль) 1917 г.
Германия, город Вормс.*

Христос Воскресе! Милые и дорогие Лиза, Алексей Иванович и Бобочка! Поздравляю вас с великим праздником и от всей души желаю встретить и провести его в полном здоровье и душевном спокойствии. Мысленно находясь со всеми вами, я постоянно связан невидимыми духовными нитями, соединяющими нас, и пусть хоть это сознание будет вам и мне утешением в этот великий день. Посылки 10 и 11 получил 15 и 17 февраля. Сердечно благодарю за все. Поздравьте с праздником всех родных. Целую, любящий брат Ваня.

---

* Письма из плена, вернее, открытки на стандартном бланке Красного Креста, разрешалось посылать 6 раз в месяц. Содержание большинства этих открыток в 10 строк стандартное: "Жив, здоров, спасибо за посылку..." А далее обычно следует перечисление ее содержания, – вероятно, для того, чтобы убедиться, что по дороге ничего не пропало.

Е.И.Огнева состояла в переписке не только с И.И.Чернецовым, но и с другими военнопленными, посылала им посылки и получала через них известия о брате. Среди ее адресатов – упоминавшийся в письмах Ивана его однополчанин А.Н.Ехлаков.

На всех открытках из плена указан обратный адрес: "Для военнопленного. Унтер.Оф. Чернецов Иван. Бат.III, рота 15, N 1007. Германия, город Вормс (Worms)".

Там же. Ед. хр. 62.

Приложение 1.3

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ФОРСЕЛЯ

Первая мировая война. Больше четверти века остается до фашистского геноцида, печей и газовых камер Освенцима и Дахау. Но мир уже наслышан о чудовищных зверствах немецких солдат во Франции, Бельгии, России... Пытки и массовые убийства пленных, беспощадные обстрелы мирных городов тяжелой артиллерией, насилия и грабежи, применение запрещенных Гаагской конвенцией видов оружия, – одним словом, систематические нарушения законов и обычаев войны германской и австрийской армиями. Образ врага вырисовывается достаточно четко. Вот где, казалось бы, должен вступить в силу древний, как мир, принцип "Око за око, зуб за зуб!" Но русские войска придерживаются "рыцарского кодекса" ведения войны, в традициях которого воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считается не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призываются к порядку.¹

В этой связи не случайным, но вполне закономерным представляется поведение генерал-майора В.П.Форселя, командира Порты Императора Александра III в г.Либаве, который неоднократно нарушал специальные распоряжения командования "не допускать проявления особого внимания по отношению к военнопленным", по поводу чего органы контрразведки провели целое расследование, видимо, заподозрив генерала с нерусской фамилией в германофильских настроениях. На этом примере хорошо прослеживается та зыбкая грань, за которой рыцарское отношение к врагу превращается в бестактность по отношению к своим.

Чем закончилось расследование и как сложилась дальнейшая судьба эксцентричного генерала, нам неизвестно: послужного списка В.П.Форселя и других документов по этому делу в Военно-Историческом архиве нет.

27 апреля 1915 г., ровно через месяц после описываемых событий, немецкие войска начали внезапное наступление в Прибалтике, прорвали оборону Северо-Западного фронта и 7 мая захватили г.Либаву.

А теперь – слово документам.²

¹ Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1974. С. 65.

² РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 148. Л. 1-18.

Дело генерала Форселя

№ 1

ТЕЛЕГРАММА:

ВАРШАВА. ГЕНЕРАЛУ ДАНИЛОВУ. ВОИНСКАЯ.

По полученным мною сведениям тринадцатого января, когда были задержаны в Либаве германские офицеры с подбитого цеппелина, командир порта генерал-майор Форсель хотел устроить для пленных германцев торжественный обед и пригласить на него своих подчиненных. Обед не состоялся вследствие резкого протеста всех офицеров. Поручил производство расследования, которое через несколько дней лично проверю в Либаве и донесу дополнительно. Номер 138. *Курлов.*

Расшифровал *капитан Сретенников.* 24/1 - 1915 г.

№ 2

ТЕЛЕГРАММА:

ГЕНЕРАЛУ ЯНУШКЕВИЧУ. БАРАНОВИЧИ.

По донесению генерала Курлова, когда тринадцатого января были задержаны в Либаве германские офицеры с подбитого аэростата, командир порта генерал-майор Форсель хотел устроить для пленных германцев торжественный обед и пригласить на него своих подчиненных. Обед не состоялся вследствие резкого протеста всех офицеров. Расследование проводится.

2485. Подписал: *Данилов.*

Отправлена 25 января 1915 года.

№ 3

ТЕЛЕГРАММА:

СЕДЛЕЦ. ГЕНЕРАЛУ ДАНИЛОВУ.

Предполагаю выехать вторник Либаву. Прошу уведомить не последует ли указаний Вашего Высокопревосходительства по поводу моей телеграммы номер 138. Все сведения подтвердились. Номер 222. *Курлов.*

№ 4**ТЕЛЕГРАММА:**

ГЕНЕРАЛУ ЯНУШКЕВИЧУ. БАРАНОВИЧИ.

Генерал Курлов предполагает завтра выехать в Либаву. Все сведения, изложенные в моей телеграмме номер 2485, подтвердились. Прошу уведомить не последует ли указаний. 2549.

Подписал *Данилов*.

Отправлена 2-го февраля 1915 года.

№ 5

Секретно

Главному Начальнику снабжений
армий Северо-Западного фронта

ПОМОЩНИК
ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА
ДВИНСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

на театре военных
действий
Февраля 3 дня 1915 г.

№ 257

Гор. Рига

К № 138.

РАПОРТ

Представляя Вашему Высокопревосходительству копии рапорта Либавского Полицмейстера на имя Курляндского Губернатора от 15 января 1915 г. за № 61 и доклады по контрразведывательному отделению при Штабе Двинского военного округа от 28 января 1915 года за № 2905, доношу, что сведения эти предствлены также Главному Начальнику Двинского военного округа.

Генерал-лейтенант Курлов.

№ 6

Его Превосходительству Помощнику Главного Начальника
Двинского военного округа

Совершенно секретно
Лично

ДОКЛАД
по контр-разведывательному отделению
при Штабе Двинского Военного Округа

28 января 1915 г.
№ 2905
Гор. Вильна

13-го сего января мною получены агентурные сведения о том, что командир Порта Императора Александра III Контр-Адмирал Форсель хотел устроить обед и пригласить на таковой взятых в плен с подбитого "Парсефаля", обстреливавшего бомбами г.Либаву, немецких офицеров и всех своих офицеров, ему подчиненных.

Поступком Адмирала Форселя были возмущены наши офицеры, причем капитан II-го ранга Никифораки сказал Адмиралу Форселю, что если за обедом будут пленные, то никто из офицеров присутствовать не будет.

Сведения эти будто бы известны подполковнику Степанову и ротмистру пограничной стражи Яришкину.

Запрошенный мною по этому поводу Помощник Начальника Курляндского Губернского Жандармского Управления в г.Либаве уведомил меня, что 12-го сего января 4 пленных германских офицера, снятые с подбитого в Либаве "Парсефаля", были доставлены в помещение "Воздушный Замок" в порте Императора Александра III; там был приготовлен обед и накрыт стол в офицерской столовой, в каковой комнате на мягком диване сидели два старших германских офицера; Командир Порта Генерал-Майор Владимир Петрович Форсель намеревался посадить за общий офицерский стол и пленных офицеров, но присутствовавший там старший офицер пограничной стражи Подполковник Степанов запротестовал, и тогда и морские офицеры, в том числе и капитан II-го ранга Никифораки присоединились к мнению Подполковника Степанова, находя неудобным совместный с германскими офицерами обед; прочим двум германским офицерам и 3 нижним чинам был в смежной комнате дан обед и подле приборов стояли бутылки на вид из-под пива, но что в них находилось, точно неизвестно.

Генерал Форсель был любезен в обращении с пленными офицерами; они были доставлены на автомобиле на вокзал и отправлены до Риги в вагоне I-го класса; распоряжение о помещении их в вагоне I-го класса исходило якобы от Генерала Форселя.

В делах Отделения имеются сведения, что жена Форселя, урожденная Эльза Клебеке, бывшая германская подданная. Она состояла второстепенной актрисой гастролировавшей в Либаве труппы, вела довольно свободный образ жизни,

принимая ухаживания мужчин, преимущественно офицеров, а затем, сойдясь с Форселем, сожительствовала с ним несколько лет, а около 4-х лет тому назад вышла за него замуж; по слухам, ее родная сестра в Германии находится замужем за Полковником Генерального Штаба, служившим в Кенигсберге.

Жена Генерала Форселя выезжала за границу. После первой бомбардировки она выехала из Либавы в Тверскую губернию, а около месяца тому назад возвратилась и живет с мужем в Порте Императора Александра III.

Ранее по делам Отделения супруги Форсели не проходили.
Начальнику Штаба Двинского Военного Округа донесено.

Подписал: *Капитан Алексеев.*

№ 7

Копия с рапорта Либавского Полицмейстера от 15-го января 1915 года за № 61

Секретно

Господину Курляндскому Губернатору.

Доношу Вашему Превосходительству, что истекший месяц прошел сравнительно спокойно. Возбужденное настроение населения вследствие боязни повторной бомбардировки города немецкою эскадрою заметно успокоилось, а вместе с этим затихли и всякие слухи о разных сроках ожидаемых бомбардировок, как равно и о появлении аэропланов.

В последнее время в обществе много говорят о возвратившейся в Либаву жене Командира Порты Императора Александра III Генерал-Майора Форселя, бывшей германской подданной, урожденной Клебеке.

Эта Клебеке состояла второстепенною актрисою немецкой труппы, гастролировавшей в Либаве. Будучи довольно легкого поведения, она путалась с многими из проживавших в Либаве лицами, в конце концов сошлась с Форселем, состоя с ним в сожительстве несколько лет, а года четыре тому назад вышла за него замуж.

Говорят, что она имеет родную сестру, проживающую в Германии и состоящую с каким-то прусским генералом также в сожительстве, но проверить правильность этих слухов я пока лишен был возможности.

Во всяком случае, присутствие ее в Либаве в данное время вызывает неудовольствие.

Ничего другого более или менее заслуживающего внимания в городе в течение истекшего месяца не было.

Подписал: *Подполковник Подушкин.*

Копия верна: *Управляющий Канцелярией Мауринг.*

№ 8

ГЛАВНЫЙ НАЧАЛЬНИК
ДВИНСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
на театре военных
действий
4 февраля 1915 г.
№ 2981
Кр.-скл. Двинск

Совершенно секретно
Лично

Главному Начальнику снабжений
армий Северо-Западного фронта

РАПОРТ

По имеющимся в Штабе Округа агентурным сведениям, четыре пленных германских офицера и три нижних чина, снятые с подбитого в Либаве "Парсефала", были доставлены в помещение "Волшебный

Порте Императора Александра ~~Великого~~ был приготовлен обед и накрыт стол в офицерской столовой и здесь на диван были усажены два старших германских офицера. Командир Порты Генерал-Майор Владимир Петрович Форсель хотел посадить этих пленных офицеров за общий офицерский стол, но присутствовавшие в собрании пограничной стражи Подполковник Степанов, капитан II ранга Никифораки и морские офицеры запротестовали, находя неудобным совместный обед с германскими офицерами; двум другим германским офицерам и нижним чинам был дан обед в смежной комнате, причем возле их приборов стояли бутылки, по-видимому, с пивом.

Генерал Форсель был любезен с пленными офицерами; они были доставлены на вокзал в автомобиле и по его распоряжению помещены в вагоне I класса для следования в г.Ригу и далее.

На запрос, посланный Начальнику ст.Либавы, последний донес, что пленные германские офицеры действительно были доставлены из Либавы в Ригу в вагоне I класса N 54 Средне-Азиатской железной дороги.

Ввиду того, что проявление особого внимания и поправки по отношению к военнопленным не допускаются неоднократными распоряжениями Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, одновременно с сим предложено Помощнику моему Генерал-Лейтенанту Курлову по существу сего дела произвести тщательное расследование, и о результатах такового будет представлено Вашему Высокопревосходительству.

Приложения: копия донесения Помощника Начальника Курляндского Губернского Жандармского Управления от 21 января 1915 года за № 243, копия рапорта Либавского Полицейстера от 15 января 1915 года за № 61 и копия телеграммы Начальника станции Либавы от 25 января 1915 года.

Инженер-Генерал Туманов.

№ 9

ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА
КУРЛЯНДСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ГРОБИНСКОМ И
ГАЗЕНПОТСКОМ УЕЗДАХ
И ЛИБАВСКОМ ПОРТЕ

21 января 1915 г.

№ 243

На № 405.

Копия.

Секретно

Начальнику Курляндского
Губернского Жандармского
Управления

Доношу, что 4 военнопленных офицера, снятые с военного дирижабля "Цепелина № 19", были отправлены 12-го сего января из Либавы в Петроград в вагоне I-го класса, и распоряжение это якобы происходило от Командира Порты Императора Александра III Генерал-Майора Форселя; кроме того пленные офицеры пользовались довольно внимательным отношением Генерала Форселя и им был предоставлен обед особо от пленных нижних чинов.

Подписал: *Ротмистр Дмитриев.*

С подлинным верно: Начальник Курляндского Жандармского Управления,
Полковник Н.*

* Подпись неразборчива.

№ 10

ТЕЛЕГРАММА:

25 января 1915 года
№ 41854/268

НАЧАЛЬНИКУ СТАНЦИИ ЛИБАВА.

Прошу Вас сообщить, в вагоне какого класса были отправлены 12 января пленные из Либавы, и по возможности номер вагона.

Подписал: За Начальника Штаба Округа *Полковник Перлин.*

№ 11**ТЕЛЕГРАММА:**

ВИЛЬНУ. ШТАБ ОКРУГА. ПОЛКОВНИКУ ПЕРЛИНУ.
НА № 41854/7430.

Пленные отправлены из Либавы 12 января в вагоне номер пятьдесят четыре Средне-Азиатской железной дороги первого класса. ДГ. Виноградов.

№ 12*Секретно*

ПОМОЩНИК
ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА
ДВИНСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
на театре военных
действий
Февраля 12 дня 1915 г.
№ 349
Гор. Рига

Главному Начальнику снабжений
армий Северо-Западного фронта

РАПОРТ

В дополнение к рапорту за № 257 представляю Вашему Высокопревосходительству копию рапорта Либавского Полицмейстера на имя Курляндского Губернатора от 26 января 1915 г. за № 149.

Генерал-лейтенант Курлов.

№ 13

**Копия с рапорта Либавского Полицмейстера
от 26 января 1915 года за № 149**

Секретно

Господину Курляндскому Губернатору.

РАПОРТ

Доношу Вашему Превосходительству, что пленные германцы с уничтоженного "Парсефаля" были сняты капитаном II-го ранга Никифораки и отвезены на буксире в район Порта Императора Александра III, так что всецело поступили в распоряжение военно-морских властей.

В 6 часов вечера Командир Порта Генерал-Майор Форсель по телефону потребовал от начальника Отделения Службы Движения инженера Ратаева доставки в район Порта вагона второго класса для перевозки пленных и сопровождающего их конвоя при двух штаб-офицерах.

На заявление Ратаева, что в его распоряжении в данный момент нет вагонов ни второго, ни третьего класса, а что имеются только теплушки, в которых и нужно

было бы отправить пленных, Генерал-Майор Форсель заметил в довольно резкой форме, что, если он не получит вагона второго класса, то он силою его возьмет.

Так как в распоряжении Ратаева действительно в тот день не было классных вагонов, а были только теплушки, то он послал в Порт вагон первого класса, принадлежавший Средне-Азиатской жел. дороге и отправленный с тем же поездом, на котором должны были следовать пленные, вследствие требования Управлением дороги срочной доставки его по назначению. Вагон этот предварительно был приспособлен под арестантский, т.е. окна его были заколочены досками.

Вагон прибыл в Либаву как вагон второго класса, поэтому, по заявлению инженера Ратаева, он и мог распоряжаться им как вагоном второго класса, а не первого.

Об отправке пленных в вагоне I-го класса я частным образом услышал 15 января и, желая проверить правильность, обратился к Начальнику Жандармской Команды Подполковнику Ковалеву, который мне ответил, что пленные отведены в вагоне 2-го класса. На вопрос, обращенный к Начальнику Жандармского Отделения, доносил ли он об отправлении пленных в классном вагоне, Подполковник Попов мне ответил, что он не имеет никаких распоряжений и указаний о том, в каком вагоне следует отвозить пленных, а потому никому не доносил и при отправлении их со станции не протестовал.

20 января до меня дошли слухи, что с пленными морские офицеры обращались очень мягко и любезно, даже, будто бы, приглашали их обедать за общий офицерский стол.

21 января я передал об этом Подполковнику Ковалеву, который категорически мне заявил, что все это неправда, пленные обедали отдельно и с ними обращались вообще как с пленными.

22 января вечером в присутствии Ротмистра Дмитриева я узнал от Начальника Отдела Пограничной Стражи Подполковника Степанова, что он находился в так называемом "Воздушном Замке" в районе Порта, видел пленных, говорил с ними резко, но что Генерал-Майор Форсель просил его обращаться мягче, а затем, когда Подполковник Степанов уходил, Генерал Форсель оставлял его обедать, заявив, что он предложит и пленным отобедать вместе. Подполковник Степанов возмутился этим и запротестовал. Впоследствии другие офицеры убедили Генерала Форселя отказаться от приглашения пленных, поэтому обед не состоялся и пленные обедали отдельно, причем пленным офицерам подавался обед из офицерской кухни, а за обедом нижних чинов стояли кружки и бутылки с квасом.

Пристав 4-го участка, коллежский ассесор Зенкевич, доложил мне, что он ни с кем из офицеров не говорил о том, что происходило в районе Порта Императора Александра III, а также не присутствовал при разговоре по этому поводу кого-либо из офицеров с другими лицами, поэтому и не мог мне ничего докладывать.

Что касается замедления в донесении Вашему Превосходительству об изложенном, то это произошло потому, что о всем происходящем в районе железной дороги и Порта Императора Александра III, как пунктах, в полицей-

ском отношении подчиненных жандармским чинам, проверку произвожу я лично сам, освободив своих подчиненных от этой обязанности, дабы не обострять отношений чинов полиции с жандармским надзором и не давать повода к обвинению их о вторжении в сферу чужой деятельности.

Приложение: Рапорт Пристава 4-го участка.

Подписал: *Подполковник Подушкин.*

Копия верна: *Управляющий Канцелярией Мауринг.*

№ 14

Копия с рапорта Пристава IV-го участка г.Либавы от 26 января 1915 года за N 642.

Господину Либавскому Полицмейстеру.

РАПОРТ

Доношу Вашему Высокоблагородию, что я решительно не знал и не знаю, а равно и не слышал разговора какого-нибудь офицера с кем-либо о происходившем в Порте Императора Александра III с германскими военнопленными, метавшими бомбы в г.Либаву 12 сего января, взятыми затем в плен, а также и мне лично никто из офицеров не говорил об этом. В свою очередь, я тоже никому ничего подобного не рассказывал и как ничего не знающий не мог и рассказывать.

Ввиду изложенного, я не имел материала более или менее выдающегося или обращающего на себя внимание для доклада Вашему Высокоблагородию, кроме общеизвестного о взятии вражеских летчиков и об отправлении их из Либавы.

Подписал: *Пристав Зенкевич.*

С копией верно: *Управляющий Канцелярией Мауринг.*

№ 15

ПОМОЩНИК
ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА
ДВИНСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
на театре военных
действий
Апреля 2 дня 1915 г.
№ 760
Гор. Рига

Секретно

Главному Начальнику снабжений
армий Северо-Западного фронта

РАПОРТ

В дополнение к рапортам моим от 3 и 12 февраля сего года за №№ 257 и 349 представляю Вашему Высокопревосходительству копию представленной мне Начальником Курляндского Губернского Жандармского Управления докладной записки Помощника его Ротмистра Дмит-

риева за № 1212.

Генерал-лейтенант Курлов.

№ 16

ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА
КУРЛЯНДСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ГРОБИНСКОМ И
ГАЗЕНПОТСКОМ УЕЗДАХ
И ЛИБАВСКОМ ПОРТЕ
26 марта 1915 г.
№ 1212
Гор. Либава

Копия.

Секретно

Начальнику Курляндского
Губернского Жандармского
Управления

Доношу, что 25 сего марта на станции Либава-пассажирская при отправлении двух пленнх германских офицеров-летчиков, снятых 24 сего марта с погибшего в море гидроплана вблизи кордона Папензе, когда названные пленные были посажены в вагон 3-го класса, то для них, ввиду того, что они промокли в воде и просили переменить нижнее белье, было доставлено к вагону нижним чином 539 пеш. Могилевской дружины солдатское чистое белье – рубахи и подштанники, каковое белье из рук этого дружинника взял лично Командир Порты Императора Александра III Генерал Форсель и лично отнес его в вагон, где помещены были пленные, и оставил его там; при этом присутствовали некоторые офицеры, в том числе Подполковник Ковалев, Начальник Жандармского Отделения Подполковник Попов, а также Пристав I-го участка гор.Либавы Зенкевич и много публики; причем среди офицеров и публики поведение Генерала Форселя, лично отнесшего нижнее белье для пленнх германских офицеров, вызывает недоумение и различные толки.

По сведениям, полученным мною от присутствовавшего там же Пристава Зенкевича, белье для пленнх офицеров было приобретено за 8 рублей по распоряжению Генерала Форселя от нижних чинов 539 пешей Могилевской дружины, бывших в тот день в карауле на станции Либава.

Факт передачи Генералом Форселем белья пленным подтвердил мне и Подполковник Ковалев.

Подписал: *Ротмистр Дмитриев.*

С подлинным верно: *Секретарь при Главном Начальнике Двинского Военного Округа М.Ефимов.*

Приложение 1.4

КОРНЕТ БЕЖИТ НА ФРОНТ...

Первая мировая война... Что мы знаем о ней? Несколько фраз из школьных учебников: "захватническая", "империалистическая", "кризис верхов", "революционная ситуация"... Война воспринималась как пролог к двум революциям – Февральской и Октябрьской, и по сравнению с ними – событием маловажным и менее значительным. Но это для нас, потомков, воспитанных не на Истории Отечества, а на Истории революционных движений. Для современников все было иначе. И, открывая теперь пожелтевшие архивные папки, мы с удивлением узнаем, что в народе ее называли войной Отечественной и патриотический дух в России в первые два года был необычайно высок. Тысячи добровольцев уходили в армию, офицеры из тыловых частей добивались отправки на передовую, а получив отказ, как мальчишки, бежали на фронт. И сражались "за Веру, Царя и Отечество", не считая себя "пушечным мясом".

Всего несколько документов Российского государственного военно-исторического архива – и Первая мировая видится нам через лица и судьбы незнакомых людей, давно перемолотых безжалостными жерновами Истории. Год 1914-й. Нет еще "белых" и "красных", и не запятнана совесть братоубийством. И Россия – одна для всех. А будущее никому неизвестно: "На войне как на войне..."

№ 1

Младший офицер
1-го Пограничного
Заамурского конного полка
корнет Василий Мигуренко

№ 1

5 декабря 1914 г.
гор.Седлец

Дежурному Генералу Штаба Глав-
нокомандующего армиями Северо-
Западного фронта

РАПОРТ

Ваше Превосходительство, до настоящего времени я служил в 1 Пограничном Заамурском конном полку в г.Харбине. Желая попасть в действующую часть, я просил телеграфно Главный Штаб о переводе меня на театр войны, на что Генерал Архангельский ответил, что перевод мой состояться не может ввиду несогласия Командира корпуса Пограничной стражи. На вторичную мою телеграмму Генерал Архангельский ответил: "О Вашем переводе ожидается заключение Министра Финансов". Все последующие телеграммы, посылаемые мною в Главный Штаб, остались без ответа. Потеряв надежду попасть на войну, я решил самовольно уехать из Харбина и 28 октября уехал на театр военных действий, куда прибыл 23 ноября. С 23 ноября я проживал в Скорневицах и в Варшаве, надеясь устроиться в какую-нибудь часть, но мне это не удалось, и 5 сего декабря я прибыл в гор. Седлец. Прошу ходатайства

Вашего Превосходительства о прикомандировании меня до конца военных действий к одной из кавалерийских действующих частей.

1-го Пограничного Заамурского конного полка
корнет Мигуренко.

№ 2

4 декабря 1914 г.
Варшава

Многоуважаемый Антон Павлович!

К нам в штаб явился 1-го Пограничного Заамурского конного полка корнет Мигуренко. Желая попасть в действующую армию, он неоднократно просился о переводе, но командир полка отказывал ему. Тогда он уехал из Маньчжурии самовольно и почти месяц находится здесь, пытаюсь попасть в какой-нибудь полк, но все его попытки до сих пор терпели неудачу, начальники не решались его принять ввиду нелегальности его положения. Впрочем, подробности своих мытарств он Вам расскажет сам.

Несомненно, этот корнет виноват, и его поступок подлежит суду, грозя тяжелым наказанием. Если бросить его так без помощи, он погибнет, хотя побуждения его заслуживают самого горячего сочувствия. По своей молодости и неопытности, он не отдал себе отчета в том, что его отъезд из части может повлечь за собой.

Начальник штаба и все мы горячо просим Вас, Многоуважаемый Антон Павлович, принять участие в этом легкомысленном, но, может быть, отличном офицере. Уговорите Генерала Галкина устроить его в какой-нибудь из полков, если нельзя в кавалерийский, то хотя бы в пехотный. Главнокомандующий вправе сделать это, т.к. корнет Мигуренко находится сейчас в районе армий фронта.

Если ему удастся пристроиться в один из полков и уцелеть в течение кампании, то после войны его проступок будет рассматриваться под другим углом и он своею боевою службою заслужит прощение. Если же отправить его в полк, то этот юноша погибнет безвозвратно, а кто знает, что из него не выйдет отличного офицера?! Убедительно прошу Вас, Многоуважаемый Антон Павлович, примите участие в этом юноше, попавшем в безвыходное положение по легкомыслию и из-за горячего желания послужить Царю и Родине на поле брани, и спасти его от гибельных последствий его поступка.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности и сердечный привет.
М.Дроздовский.

№ 3

Младший офицер
2-го Пограничного
Заамурского конного полка
корнет Олег Карпов
№ 1
19 января 1915 г.
г.Седлец

Дежурному Генералу Штаба Глав-
нокомандующего армиями Северо-
Западного фронта

РАПОРТ

Доношу, что я самовольно отлучился из 2-го Пограничного Заамурского конного полка на театр военных действий. В день объявления войны я подал по команде рапорт о назначении меня в один из кавалерийских полков действующей армии, но не получил ответа. Затем я подал телеграмму на имя Его Императорского Высочества, Великого Князя Константина Константиновича, но телеграмма доставлена не была. Кроме этого, я не попал в число офицеров, назначенных от конных полков округа.

Узнав из приказа о назначении самовольно отлучившегося из округа штабс-ротмистра Маса в кавалерийский полк действующей армии и не будучи в силах попасть законным путем на войну, где все мои родные, я самовольно отлучился, желая служить в действующей армии. Прошу Вашего ходатайства о назначении меня в 8 драгунский Астраханский полк для совместной боевой службы с младшим братом.

Корнет Карпов.

№ 4

Дежурный Генерал
при Верховном Главнокомандующем
5 января 1915 года.
№ 169

Начальнику Штаба армий
Северо-Западного фронта

Главнокомандующий над отдельным корпусом пограничной стражи возбудил ходатайство о немедленном возвращении к месту службы самовольно отлучившихся в действующую армию 1-го Пограничного Заамурского конного полка штабс-ротмистра Макашавидзе и корнета Мигуренко и 2-го Пограничного Заамурского конного полка корнета Карпова.

По приказанию начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, прошу не отказать в распоряжении о том, чтобы в случае поступления названных обер-офицеров в какую-либо часть войск, они были немедленно откомандированы к постоянному месту службы.

Генерал-лейтенант К-ский.*
За штаб-офицера для делопроизводства и поручений
Коллежский секретарь Семенчук.

* Подпись неразборчива.

№ 5

Штаб Верховного
Главногокомандующего
Управление Дежурного Генерала
12 февраля 1915 года.
N 1891

Начальнику Штаба армий
Северо-Западного фронта

Из Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи самовольно отлучились в действующую армию корнета Заамурских конных полков: 1-го – Мигуренко и 2-го – Карпов.

По вопросу об оставлении этих офицеров в действующей армии сделано сношение с командиром отдельного корпуса пограничной стражи, но ответа пока не получено.

Верховный Главногокомандующий разрешает впредь до выяснения вопроса о возможности перевода упомянутых офицеров в действующую армию прикомандировать корнета Мигуренко к 8-му Уланскому Вознесенскому Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татианы Николаевны, а корнета Карпова к 8-му Драгунскому Астраханскому Генерал-фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полку.

Дежурный Генерал *Генерал-лейтенант К-ский.*
Штаб-офицер для делопроизводства и поручений
Полковник Балашов.

№ 6

Младший офицер
1-го Пограничного
Заамурского конного полка
корнет Мигуренко
№ 2
15 февраля 1915 г.
г.Седлец

Дежурному Генералу Штаба Главногокомандующего армиями Северо-Западного фронта

РАПОРТ

Доношу, что согласно предписанию за № 10588 я оправился к месту нового служения.

Корнет Мигуренко.

№ 7

Младший офицер
2-го Пограничного
Заамурского конного полка
корнет Карпов
№ 2
15 февраля 1915 г.
г.Седлец

Дежурному Генералу Штаба Главногокомандующего армиями Северо-Западного фронта

РАПОРТ

Доношу, что согласно предписанию за № 10589 я оправился к месту нового служения.

Корнет Карпов.

№ 8

Дежурный Генерал
при Верховном Главнокомандующем
22 февраля 1915 года.
№ 2248

Дежурному Генералу
Штаба армий

Командир отдельного корпуса пограничной стражи сообщил, что он согласен на оставление в действующей армии офицеров Заамурского округа, самовольно отлучившихся из своих частей.

Вместе с тем Генералом Пыхачевым сделано распоряжение о предупреждении всех офицеров вверенного ему корпуса о том, что впредь самовольно отлучившиеся будут немедленно возвращены к месту своего служения.

Генерал-лейтенант К-ский.
Штаб-офицер для делопроизводства и поручений
Полковник Балашов.

Юным корнетам повезло: их не отослали обратно, как других офицеров, чей возраст уже не мог служить оправданием подобного мальчишества. Поручики, ротмистры, штабс-капитаны отправились к постоянному месту службы. А эти двое... Что стало с ними? Погибли в первом же бою или уцелели, чтобы сгинуть потом, в кровавом огне Гражданской? Этого мы, вероятно, никогда не узнаем. Но в далеком феврале 1915 года эти мальчишки были счастливы: исполнилось их желание - послужить Отечеству на поле брани...

РГВИА. Ф. 2019. Оп. II. Д. 19. Л. 265-287.

II. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945

Приложение 2.1

"ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ ЗЕМЛЯНИКИ, ЧЕМ ОГНЯ..."

(Письма с фронта Ю.И.Каминского)

Вытертые на сгибах, пожелтевшие треугольнички с номерами полевой почты и штемпелем "Проверено военной цензурой". Фронтовые письма... Они хранятся под музейным стеклом, в архивах, в семьях тех, кто не вернулся с войны. Они окликают нас из прошлого юными, живыми голосами. Они принадлежат Истории. Той, что слагается из судеб человеческих.

Юрий Ильич Каминский родился в 1919 году в Москве. В сорок первом ушел на фронт добровольцем – со студенческой скамьи, с четвертого курса Исторического факультета МГУ. И погиб 15 августа 1942 года при прорыве немецкой обороны у деревни Хопилово Износкинского района Смоленской области. Было ему 23 года.

Он не успел стать ученым и написать книг. Но историю войны он все-таки написал – каждым словом своих удивительных писем.

№ 1

К матери – Лидии Феликсовне Кон

7 апреля 1942 г.

Здравствуй, мамочка!

Получил сегодня твою открытку и немедленно отвечаю. Это все еще вместо обещанного большого письма. Но, наверное, Женя* привез из Кирова, кроме "посылочки", и содержание писем к Тамаре**, я ей писал более обстоятельные письма. Но все же в порядке информации сообщаю, что я работаю замполитруком и звание у меня тоже замполитрук. Это очень хорошо, что должность и звание совпадают. Значит, ты на месте. А замполитствую я в 76 мм батарее, в артиллерии, значит.*** Я, кажется, об этом писал... Работы и боевой, и политической много, а особенно в последнее время. Сейчас я являюсь членом полкового бюро комсомола, а это приводит, между прочим, к частым ночным путешествиям "в глубокий тыл", в маленькую деревушку, расположенную в 3 км от нашей батареи. Это хотя очень интересно, но отнимает очень много времени.

Мамочка, ты меня прости, но я очень долго смеялся, когда прочел насчет денег. Во-первых, я их получаю (жалованье – 150 рублей), во-вторых, делать здесь с ними абсолютно нечего, поскольку все, что здесь есть, либо дается даром, либо не дается вообще, и ни за какие деньги этого не получишь. В-третьих, я сам недавно послал домой деньги, ты их, наверное, скоро получишь. Все это вместе очень смешно.

А насчет словаря я не знаю. Посылок сюда посылать нельзя, а насчет бандеролей и книг я не знаю. Если можно, то было бы очень характерно получить словарь, да и кое-какие журналы (что важно в последнее время).

Ну вот, пока все. Привет Жене, теперь здесь есть и главный мужчина... Ну, пока. Целую Лену, Валю и Женю, а тебя больше всех.

Твой Юра.

* Младший брат Ю.Каминского – Евгений Цыкин.

** Речь идет о Тамаре Полонской – однокурснице и жене Юрия.

*** Ю.Каминский служил в 774 стрелковом полку.

№ 2

К брату – Евгению Цыкину

29 апреля 1942 г.

Здравствуй, Женя!

Плачу тебе долг – ты мне написал два больших хороших письма. Большущее спасибо тебе за это. Между нами говоря, хоть я очень радуюсь письмам Тамары и мамы, но они абсолютно не умеют писать писем. А ты умеешь. Иногда, думая о близких и родных, делается досадно – совсем не представляешь себе вашей жизни. А как вспомнишь твое письмо и всякие маленькие, но такие дорогие подробности, вроде желтого плюшевого одеяла на Таминой постели, то сразу можно представить себе, как вы живете, – вся картина оживает. Ну, это присказка, а сказка впереди. Чтобы быть таким же обстоятельным и пунктуальным, я попробую подробно ответить на все твои вопросы.

Погода у нас нормальная – сначала шел снег, потом пошел дождь и засветило солнце. Стало тепло и хорошо, все вылезли на солнце греться. Но к празднику погода испортилась, дуют северные ветры и тучи закрыли небо. Вот и погода.

Как живем – живем по-всякому. Мы, артиллеристы, народ хлопотливый, как приехали на место, сразу зарываемся в землю. Вот сейчас мы построили хороший блиндаж. Устроен он так: снаружи ничего не видно – только труба торчит, вроде самоварной, и под землю ведет дырка – ступеньки земляные, на дверях плащ-палатка. Внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. Крыша состоит из трех рядов бревен, положенных друг на друга и пересыпанных землей. Такую крышу "в три наката" пробьет только тяжелый снаряд, да и то при прямом попадании. В блиндаже печурка – тепло. Лампа, сделанная из бутылки, дает свет и копоть. Спим рядышком, понятно – не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда "Расчет, к оружию!" В нашем блиндаже живет мой командир взвода, молоденький лейтенант, Мишин ровесник. Он хороший парень и большой любитель пения, голос у него хороший, и мы часто поем наши добрые старые песни. Рядом со мной спит мой командир орудия, сержант, это

самый близкий мне друг здесь. Он старый вояка, еще из Финляндии он вывез медаль "За отвагу". Вот так живем.

На некоторые вопросы я отвечаю более кратко. Сейчас мы воюем в Смоленщине. По случаю дикой грязи и полного бездорожья наши пушки стоят на месте. Вот подсохнет земля, и снова двинемся вперед. Перед нами опытный и матерый враг – есть и эсэсовцы, и прочая сволочь. Они здесь сильно зарылись в землю и укрепились, надеясь отсидеться. Вообще эти немцы – сволочной народ. Когда мы заняли этот пункт (а они и здесь солидно окопались, понастроили ДЗОТов и блиндажей и т.д.), то не нашли ни одного убитого немца. Все были очень огорчены. Но теперь выяснилось, что они взрывом сделали большой котлован, свалили туда, как собак, всех своих покойников и кое-как засыпали глыбами земли и снегом. Сколько их тут гниет и сколько таких "могил" – бог знает. Обстреливают они нас постоянно, но толку от их огня мало. Вчера они послали нам около 50 снарядов, но ни один боец из расположенных здесь подразделений не пострадал. Но пули все время так и свистят над головой, к этому привыкли и даже как-то не замечаем этот обстрел.

Как меня кормят? Получаем утром завтрак – суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный котелок. По утрам же привозят хлеб – 800-900 грамм в день, сахар, махорку или табак (я привык к махорке и курю ее охотнее, чем табак) и водку – сто грамм ежедневно. В обед снова появляется суп, бывает и каша. Ужин обычно состоит из хлеба, поджаренного на печке и посыпанного сахаром. Иногда к этому прибавляется колбаса – 100 грамм в обед и 30 утром. В годовщину Красной Армии у нас была и замечательная селедка, и колбаса, и пряники, и т.д. Теперь ждем Первого мая.

Насчет обуви – зимой были валенки очень теплые и удобные. Когда стало безнадежно мокро, то надели ботинки. Они крепкие, подбиты всякими подковками и гвоздями. Что касается просушки носков, то их нет у меня, а портянки есть где просушить, если они промокли. На это есть печка. Впрочем, к этому прибегаю редко.

Что мне нужно кроме словаря (за него спасибо, хотя мне был нужен немецко-русский, для беседы сдохлыми немцами). Нужны письма, да побольше. Если будете посылать журналы, то это будет замечательно. Они мне часто нужны, и приходится ходить иногда за 3-4 км, чтобы прочесть тот или другой журнал. В качестве анекдота могу сообщить, что я на днях был в "кино". Видел "Оборону Царицына". Картина очень хорошая, и я был в восторге, хотя по дороге провалился выше колена в воду.

Вот и вся моя жизнь в ответах на твои вопросы. Задавай еще – отвечу.

Ну, а теперь пара теплых слов – я часто был несправедлив к тебе. Хотя все мои придирки, часто очень некрасивые и грубые, были продиктованы лучшими намерениями. Сейчас, я уверен в этом, у тебя есть та самая флотская лихость, которую прививали тебе мы и покойный Генька*. Генька – мертв! Ты, наверное, тоже не можешь себе этого представить.

Женя, мы живем в суровое время, и нам многое приходится переживать и переносить. Вот тебе пришлось сразу из беспечного школьника стать главным мужчиной. Будет очень хорошо, если ты будешь работать токарем. Кто знает, может быть, и я своими руками пошлю в немцев снаряд, выточенный моим братом. Будь твердым и стойким комсомольцем, достойным внуком своего деда.** Мама наша нуждается в заботе, ей пришлось очень тяжело. Вспомни, как она много пережила. Надо и поддержать ее, и успокоить, при этом делать это нужно очень тактично. Ведь когда у человека напряжены нервы и он устал и измучен, то даже не во-время проявленная ласка может привести к обратным результатам.

Хотелось бы мне на минутку прилететь в Москву, посмотреть на всех вас и снова обратно на фронт. А хорошо, наверное, сейчас в нашей Москве. Я побывал там сравнительно недавно и еще помню зимнюю военную Москву.*** Как-то весной? А почему милиционер, прервавший твою прогулку, не воюет? Впрочем, успеет еще. Кстати, где твоя Элла? Не научился ли ты в Кирове танцевать? Если будет возможность – научись. Познакомился ли ты с Тамариной сестрой? Если нет, то обязательно познакомься!

Ну, ладно. Временно пока. Привет всем и плюнь в глаза тому, кто называет тебя зайцем (мама не в счет).

Юра.

* Друг Ю.Каминского.

** Известный революционер Феликс Кон.

*** Ю.Каминский лежал в госпитале в Москве в зиму 1941-1942 гг.

№ 3 К родным

13 июня 1942 г.

Здравствуй, мама! Здравствуйте, дорогие!

Я получил Женино письмо от 31.V и твое от 3.VI и Маришкино тоже от 31.V. Но писать обстоятельные реляции лень. Да и, строго говоря, писать особенно нечего. Жив, здоров, работаю, воюю. Вот и вся моя несложная жизнь. Мише* я написал сразу по получении адреса. Уверен, что на сей раз связь с ним будет установлена.

Поздравляю вас всех с договором 26 мая и соглашением о втором фронте. Это сразу вернет войне ее первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европы. Надеюсь, что начало второго года войны даст результаты более чем хорошие.

Да здравствует наша Победа!

Юра.

P.S. Жене скажи, что я ему на днях опять напишу большое и обстоятельное письмо. Понятно, что это для всех, а не ему одному. Но и лично ему есть многое, что рассказать.

* Видимо, однокурсник Ю.Каминского.

№ 4
Из письма к матери

8 июля 1942 г.

Здравствуй, мамочка.

Получил сегодня от тебя открытку. У меня ничего нового нет. Если у нас не начнутся скоро бои большого масштаба, то вообще писать будет нечего. Ведь не писать же о землянике и цветах. Так что не только вам, но и мне писать нечего. Ну, а тривиальное "жив-здоров" можно вообще не писать...

Ты пишешь, что Федоров* прислал открытку, а что ему от меня нужно и что интересного он может рассказать и каковы ваши телефонные разговоры, ничего этого не пишешь... Если бы не война, то я с ним и разговаривать бы не стал. Но он, кажется, был вместе с другими нашими ребятами в ополчении и характерно было бы узнать у него про их судьбы.

Про поездку Анны Константиновны** в Киров мне Тамара писала. Между прочим, Тамара пишет: "Напиши побольше хорошего и ласкового Л.Ф.*** от моего имени, так как у меня просто не хватает ласковых слов, чтобы ответить ей на ее заботу и нежность". Ну, а я взял и привел "цитату". Бедная Тамара, она теперь, наверное, еще больше скучает. Целую тебя.

Юра.

Привет всем.

* Однокурсник Ю.Каминского.

** Мать Тamarы Полонской, теща Юрия.

*** Лидия Феликсовна, мать Юрия.

№ 5
Из письма к матери

21 июля 1942 г.

Здравствуй, мамочка!

Получил сразу 2 открытки от 11 и от 14.7. Я действительно давно не писал по причинам полного отсутствия каких-бы то ни было изменений в моей армейской жизни, а более по причине плохого настроения. Дело в том, что в ночь со 2 на 3 умерла Галя*. Не знаю, представляешь ли ты, какая это для меня потеря. Вот и еще один близкий друг ушел. А умерла она от паралича сердца, но в большей степени – от войны...

Не надо, мамочка, волноваться, когда я редко пишу, ведь для письма нужно очень много условий, начиная от времени и кончая бумагой. А ведь у нас почти нет "войны" и больше земляники, чем огня. А вот Миша и его начальство, так они-то и секунды времени не имеют, чтобы ответить на наши запросы.** На то война. А волноваться не надо...

Как я уже писал, у меня ничего нового нет, и пребываю я в вожделенном здравии, и несмотря на воспаление аппетита, не всегда в силах пожрать все, чем нас кормят. Не так-то просто слопать 3 котелка жирного супа в день, да

еще 800 гр. хлеба, 100 гр. селедки, да еще чаю напиток. Впрочем, смею тебя уверить, что в этом направлении я делаю, что могу.

Поздравляю вас с возвращением к родным пенатам. Надеюсь, что скорбная тень Дагора вас не тревожит. И я очень рад за Женю. Он очень щепетилен, а дома сам себе хозяин. Как обитатели дома? Где Коварские и другие "соседи"? Все это я спрашиваю больше для приличия, а теперь перехожу к наглым просьбам.

1. В газетах "Комсомольская правда" и "Вечерняя Москва" освещается футбольная жизнь. Нельзя ли меня проинформировать?

2. В левом ящике моего стола есть уйма фотографий. Характерно бы прислать, например, Маришкину, а можно и еще кое-какие. Смотрите сами.

3. Я очень люблю читать, а читать-то мне и нечего. А на свете есть бандероли. Прислали бы любого чтива, а? Буду очень (очень) благодарен.***

Данный характер просьб дает ясное представление, что живу я очень хорошо и требую комфорта, а не минимума. Наверное, письмо очень глупое и фривольное, но я очень устал – ходил в дивизию на комсомольский актив, а придя, заступил на дежурство по батарее и, опоясавши чресла мечом, сиречь наганом, в сопровождении патрульного гуляю под луной, звездами (обыкновенными), звездами (падающими) и трассирующими пулями, которые очень похожи на звезды падающие. Надо не ошибаться и ничего не задумывать, все равно не поможет.

Женя! Прости, что не пишу, но не пишется мне что-то, как ты видишь из этого письма. Ну, а что насчет дружбы, то не сомневайся! Мы с тобой теперь друзья по гроб жизни. Чтобы подразнить тебя, сообщу, что у нас есть лейтенант 1924 г. рождения. Цха!

Ну, засим пока, привет всем, всем, всем. Целую вас крепко, маму прямо в победно сверкающий на летнем солнце нос.

Ваш Юра.

* Подруга Ю.Каминского.

** На письме приписка карандашом, сделанная Тамириной подругой Т.В.Равдиной: "Их просто никого нет в живых!"

*** В октябре 1980 г. Л.Ф.Кон вспоминала, что после Юриной просьбы прислать "чтива" послала ему журнал "Новый мир", но бандероль вернулась обратно с пометкой "адресат не найден".

№ 6

Из письма к матери

25 июля 1942 г.

Здравствуй, мама!

Получил от тебя большое письмо и спешу ответить. Очень хорошо, что вы живете дома, я, правда, советовал обратное, – но это от лукавого. Очень трудно быть серьезным и сплошным рационалистом. Это у меня никогда не полу-

чалось и теперь не всегда получается. Конечно, хорошо подумать и решить, но приятнее делать не по разумению, а по склонности. Экая философия!

Теперь насчет краешка жизни. Живу я так: утром поднимаемся, умываемся, потом привозят завтрак и плотно закусываем. Потом начинаются занятия. Это должно быть выглядит довольно странно – на передовой и вдруг занятия. Но мы используем затишье и учимся. По своему положению я располагаю неким иммунитетом и занятия посещаю по выбору, политзанятия провожу сам. Живу я с комсомольским расчетом. Ребята хорошие, в армию пришли одновременно со мной. Двое из расчета мои земляки и с ними болтаем вечерами про Москву и про футбол. Занимаемся обычно до обеда, периодически занятия нарушаются командой "Расчеты, к орудиям". Это значит, что наша разведка заметила что-нибудь достойное, и мы будем стрелять. С резким звуком выстрела сливается гулкой звон летящего снаряда, и потом слышен далекий разрыв. Но вот цель поражена, орудие вычищено, и занятия продолжаются. Потом обед – издали видим кухонную повозку, и всегда ее приближение вызывает одни и те же шутки. После обеда читка газет и т.п. свободное время. В эти часы проходят различные беседы, собрания, выпускаем "Боевой листок", играем в домино, в шахматы и шашки, в городки. Так до ужина. После ужина бывают варианты – время от времени я дежурю по батарее. Это значит, что ночью надо обойти пару раз все расположение, проверить часовых и т.д. Если я свободен, то после беседы с комиссаром (рассказываю, что сделано мною, и делюсь разными соображениями, а потом получаю задание на следующий день) иду в свой расчет. В блиндаже посидим, покурим, споем пару песен и спать.

Это, конечно, не все. За день я успеваю обойти всю батарею и всех повидавать, со всеми поговорить, выслушать жалобы недовольных, разузнать домашние новости тех, кто получил письма, etc. etc. Ну, понятно, бывают такие вещи, как полковое бюро ВЛКСМ (а я член одного и едва-едва не попал в отсекры, причем проявил много хитроумия, дабы от этой чести отвертеться), бывают делегатские партийные и комсомольские собрания, а это очень интересные вещи. Еще реже случаются дивизионные активы – это еще интереснее. На последнем из них я видел нового командира нашей дивизии. Он мне очень понравился. До нас он командовал автодесантной частью и проделал полугодовой рейд по глубоким тылам немцев и за это был награжден орденом Красного Знамени. Люди, окружающие меня, в огромном большинстве мне нравятся. Их отношение ко мне тоже хорошее. Вообще в полку меня знают, и знакомых у меня очень много. Из "больших начальников" у меня есть несколько хороших знакомых, например, инструктор пропаганды полка политрук Попов, очень хороший парень. Когда он заходит к нам, то всегда поручает мне подготовить лекцию на самые разные темы, но обычно потом сам забывает об этом. И наш бывший комиссар, политрук Сайчик, получивший повышение, остался со мной в наилучших отношениях. А среди полковой комсомолки у меня вагон приятелей, так что в любом подразделении есть несколько знакомых.

Кстати, тот наш комиссар, которого я временно замещал, получил другое назначение, и нам прислали еще более нового. Между прочим, он тоже москвич и даже наш сосед – живет где-то у Смоленского рынка.

До сих пор мне ни разу не приходилось ругаться ни с кем из моих патронов. Один раз только вышел очень смешной случай. Меня "гоняли" за то, что я не ношу знаков различия, я же упорно не надевал их, ссылаясь на то, что треугольников у меня нет и достать их я не могу. На самом-то деле я не хотел их надевать, так как боялся, что меня будут обзывать старшиной или санинструктором, они тоже носят по 4 треугольника, а эти две должности мне наиболее антипатичны. Дело дошло до того, что отсекр партбюро, старший политрук Конев приказал надеть. Ну, пришлось выполнить приказ.

Ты спрашиваешь про подарки – содержание их стандартно – кое-какие сласти, водка, колбаса, табак, спички, бумага. Один подарок я получил прямо от представителя рабочих Красногвардейского района Москва. Это была большая и едва ли заслуженная честь. Изо всей батареи такие подарки получило три человека: наводчик Самсонов – дважды орденосец, командир орудия (где наш комсомольский расчет), сержант Ку...,* трижды раненный и награжденный медалью "За отвагу", и я. А второй подарок я получил от политчасти полка, это за мои "Боевые листки". В этом подарке, между прочим, была трубка, что меня особенно обрадовало, так как сворачивать папиросы-самокрутки я не умел и, наверное, никогда не научусь. Это мое неумение было известно всему полку и служило вечной темой шуток. А теперь я наслаждаюсь.

И потом, не надо беспокоиться. За два последних месяца мы не потеряли ни одного человека, хотя наша батарея не раз подвергалась огневым налетам. Во время последнего огневого налета около 20 снарядов 105 мм пушек разорвалось около нас, но для этого есть у нас блиндажи и ровики. А зрелище было эффектное – всю рощу затянуло синим пороховым дымом, в воздухе свистели осколки, сыпались ветки с берез, земля столбами поднималась в воздух. Блиндаж дрожал. Было какое-то грозное веселие во всем этом. Но такой случай был только один раз, а в остальное время у нас меньше шума, чем на Хлебном переулке. В тылу не представляют себе, что на фронте, на передовой может быть так тихо. Вокруг типично городищенские пейзажи – березовые рощи, вырубки, красные от земляники, некошенные луга пестреют цветами и издали они даже не зеленые, а пестрые. Птичий гам не смолкает в рощах, и гул снарядов не пугает их. По линии окопов слышны редкие выстрелы снайперов и отдельных часовых. Ухают мины, иногда доносится глухой выстрел, потом слышен нарастающий свист и где-нибудь на соседнем холме поднимается столб земли и дыма, а потом слышен разрыв, иногда это шрапнель, и тогда на голубом небе вспыхивает пламя и разливается иссиня-черный дымок, только и всего. Вот и вся моя жизнь. Сейчас лето, но, к сожалению, много дождей...

Ну, а как наш городок, наш переулок? Как наш дом? Когда же снова можно будет застучать каблуками по мостовой и осторожно, чтобы не разбудить

никого, открыть двери и в темноте пробраться к себе в комнату? Впрочем, юность кончилась, как кончилось и Женино детство. Нужно быть взрослым, хоть это и не легко. Впереди война, потом дослуживать срок военной службы, а потом... Впрочем, неуместно сейчас заботиться об этом. Главное, не волнуйся, мамочка, не представляй себе воочию всякие ужасы литературного порядка. В жизни совсем-совсем иначе...

Письмо я начал вчера утром, а кончаю только сейчас, бумага вся, да и слышно приближение завтрака. До свидания, родные мои и хорошие... Женя, не более животом, а усиливайся. Если бы мы теперь сели обедать, то я тебе бы не уступил. Так что учти. А как работа? Как твои товарищи? Наверное, все в деревеньку собираются на уборочную, а? Напиши, что ты делаешь в редкие свободные минуты. И вообще про Москву. Передайте привет Вале и Маришке, равно как и всем знакомым в доме, в Детиздате** и вообще. Еще раз до свидания, дорогие. Пишите письма и вообще живите как можно лучше. Крепко вас целую и жду ваших писем.

Юра.

* *Фамилия написана неразборчиво.*

** *Вероятно, там работала мама Юрия.*

№ 7

Последняя открытка. Маме*

11 августа 1942 г.

У меня никаких новостей и пишу только для того, чтобы сказать, что я тебя очень люблю и не хочу, чтобы ты беспокоилась. И еще хочу получить от вас письмо про домашние дела. Надеюсь, что не долго еще мне писать такие бессодержательные письма, скоро наш фронт скажет свое веское слово. Гансы забыли, как мы их били, но мы сильнее и докажем это.

Ну, как у вас в Москве? Дровишки заготавливаете? Как Женя? Как Татка? Не скучайте, дорогие.

До свидания. Ваш Юра.

* *Открытка датирована 11.08.42 г., однако штамп полевой почты N 137 проставлен 11.09, ровно через месяц. Можно предположить, что Юра не успел отправить ее перед тем, как пошел в бой, и она была найдена в его полевой сумке. В Москву она пришла 16 сентября. Мама Юры получила ее после похоронки.*

№ 8

Письмо военкома Швальб матери Ю.И.Каминского*

26 августа 1942 г.

Уважаемая гр-ка Кон! Сегодня получивши вашу открытку на имя Юры, должен вас поставить в известность, что ваш сын и мой боевой помощник при

прорыве немецкой обороны пропал без вести с товарищем. Несколько дней мы думали, что они оба убиты, потому что они очутились в пяти метрах от фашистских бандитов; но сейчас я узнал, что тов. Бабков**, с которым он был вместе, находится в госпитале, а где Юра – пока неизвестно. Веду усиленные розыски, как узнаю что-либо, сообщу.

С приветом, Швальб.

* Обратный адрес: 774 с.п. Военному батареи 76 мм пушек Швальб. Открытка пришла в Москву 31 августа. Однако Л.Ф.Кон уверяла, что получила ее позже, чем последнюю веточку от Юры. Можно предположить, что младший сын Лидии Феликсовны Женя прятал от матери сообщение Швальба и показал лишь после того, как вернулась обратно посланная Юре бандероль или пришло извещение о его гибели.

** Как выяснилось позднее, этим бойцом был не Бабков, а Николай Авдеев.

№ 9

ИЗВЕЩЕНИЕ*

Ваш муж – зам.полит Каминский Юрий Ильич, уроженец г.Москва 69, Хлебный пер. 14, кв. 8 в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 15 августа 1942 г. Похоронен д.Хопилово Износкинского р-на Смол. обл.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 138).

Командир части
(подпись)

Военный комиссар
(подпись)**

Круглая печать:
774 стрелковый
полк

* Похоронка адресована Т.Полонской – жене Юрия. Конверт не сохранился, дата отправления неизвестна. Извещение получила Л.Ф.Кон лично от почтальона.

** Подписи неразборчивы.

№ 9

Письмо Н.Авдеева к родным Ю.И.Каминского.

21 октября 1942 г.

Здравствуйтесь, дорогие товарищи, родственники Юрия Каминского. Получил от Вас письмо и спешу ответить. Вы просите объяснить, как погиб и где Ваш сын. Ваш сын был все время со мной, не отходил ни на шаг. Он спас меня от немцев, когда я попал к ним в окружение. Он с автоматом вынес меня ра-

неного и отправил*. Затем немцы окружили нас** и Юрий вышел из окружения в соседней дивизии тяжело раненным, но в санчасти скончался. И, как Вам уже писал штаб, в д.Хопилово Износкинского р-на Смоленской области. Вот все, что я узнал о Вашем сыне Юрии. Будучи в боях со мной, он уничтожил не один десяток фрицев, и я думаю, что был ранен он только тогда, когда у него не было уже ни одного патрона. Вот и все мое письмо. Желаю Вам успехов в Вашей дальнейшей жизни.

С боевым приветом – Николай Авдеев.

---

* В санчасть.

** Вероятно, здесь имеется в виду подразделение.

*Музей боевой славы Исторического факультета МГУ.
Личный фонд Ю.И.Каминского.*

*Рукописные копии с подлинников сделаны Т.В.Равдиной, близкой подругой
Т.Полонской. Подлинники писем хранятся у вдовы Г.И.Левинсона – друга
Ю.И.Каминского.*

Приложение 2.2.

Из дневника стрелка-радиста Г.Т.Мироненко

Георгий Тимофеевич Мироненко родился в станице Белореченской Краснодарского края, до войны окончил учительские курсы, после призыва в армию (вероятно, в 1939 г.) – курсы стрелков-радистов, служил на Севере. Во время Великой Отечественной воевал в 137 Краснознаменном бомбардировочном авиаполку (бап) (впоследствии переименованном в 114 гвардейский Краснознаменный Киркенесский авиаполк) 1-й смешанной авиадивизии (сад) 7 Воздушной Армии Карельского фронта. В дневнике, в записи от 29 октября 1941 г., в качестве места службы упоминается также 608 ббап. После войны проживал в г. Черкесске Ставропольского края. После смерти Г.Т.Мироненко подлинник дневника хранился в личном архиве его однополчанина, ныне покойного Александра Михайловича Щетинина, у вдовы которого и находится в настоящее время.

24 августа 1941 г.

Наконец-то я решил взять в руки тетрадь и перо, чтобы отныне исполнять давнее желание – писать дневник. Сюда буду записывать не только о себе, но и о своих боевых друзьях и просто знакомых, вписывать все, что встретится в жизни интересное и поучительное. Пусть эта тетрадь все запечатлеет – не для меня, так для моего младшего брата Николая, не для него, так для одного из тех, кто найдет в ней для себя пользу. Думается, что тетрадь попасть в руки врага не сможет, поэтому буду называть всех и все собственными именами.

Твердо решил вести записи во время несения боевой вахты. С этой вахты и начну.

Двенадцать дней боевой вахты

10 августа, как и во многие предыдущие дни войны, я был в полном недоумении: почему командир не назначает меня в боевой полет? "Неужели придется сидеть всю войну в резервном звене? – думал я. – Неужели я хуже других? А может быть, причиной всему случай 22 марта? Может быть, мне просто не доверяют? Может быть, я недостойн быть в составе боевого экипажа? Но зачем же тогда мне позволяют уничтожать народный хлеб? Зачем я получаю летный паек? За что мне платят народные деньги? Разве для того, чтобы я видел, как мои товарищи ходят в бой? Чтобы видел, как возвращается строй самолетов без одного из экипажей? Мои товарищи дерутся, погибают, а я сижу дармоедом, жду чего-то неопределенного. Некоторые уже имеют более двадцати боевых вылетов, уже дрались с истребителями противника, а я сижу, отращиваю брюхо на жирном пайке?"

Такие мысли заполняли мою голову долгие дни.

"Завтра опять эскадрилья заступает на дежурство. Опять счастье улыбнется ребятам. Мне же придется продолжать отдыхать. Живешь на войне, а чув-

ствуешь себя, как в доме отдыха." Это вечером. Утром 11-го, когда весь летный состав поднялся для перехода на аэродром, поднялся и я. Жду. "Авось, и мне счастье улыбнется". Командир перечисляет уходящих. Я слышал фамилии, но не признавал. Мои глаза ели командиров блокнот. Вдруг... – "Мироненко".

Не знаю, на кого я стал похожим в ту секунду. Как малый ребенок, обрадованный подаренной игрушкой, я заулыбался и готов был хлопать в ладоши. И захлопал бы, если бы не смутили серьезные лица окружающих.

В радостном опьянении собрал летное обмундирование и не заметил, как оказался у землянки на аэродроме. И было чему радоваться. Ведь даже если бы я погиб на первом вылете, так погиб бы в бою, а не от дурной бомбы на аэродроме. Уже это обстоятельство должно радовать каждого.

В тот же день я принял боевое крещение между 15 и 17 часами. Ходили звеном. Цель была дана в пункте Кестеньга. Звено водил старший лейтенант Бороненко.

Перед вылетом я волновался, и дело в руках плохо клеилось. Иначе нечем объяснить то, что по моей вине экипаж остался на все время полета без внутренней связи. Вместо того, чтобы включить, я выключил СПУ перед вылетом. Пришлось покраснеть после того, как указали на ошибку. Однако назвать это волнение страхом не могу, ибо о страхе не было и мысли, хоть перед этим я наслушался разных "историй" и "случаев" немало. Пожалуй, последнее и будет основным рычагом волнений. Дело в том, что мне хотелось на первом вылете учесть все ошибки и недочеты других. Мне казалось, что с ними со всеми сразу я встречу, и, если сейчас не продумаю, то может случиться повторение. Потом волновало и другое: как я буду чувствовать себя в полете? За последнее время, особенно за время отпуска, у меня усилилась дрожь не только в руках, но и во всем теле.

"Не будет ли это помехой?" – этот вопрос я не мог ничем затуманить.

Однако мой черт оказался не столь страшным, как рисовался.

Как только самолет поднялся в воздух, обо всем было забыто. Все внимание было сосредоточено на наблюдении за воздухом.

В этот день самолет немного покачивало. Перед подходом к цели у меня началась тошнота и горькая отрыжка.

Над целью нас обстреляли зенитки. Фашисты как бы угадывали, что я пришел на крещение – снаряды в основном рвались под и позади левого крыла звена, а мы шли слева. Один трассирующий снаряд из-под правой плоскости проскользнул у самого моего носа, как раз в то время, когда я бросал очередную пачку листовок (а их у меня было изрядное количество: 4 пачки по 3 тыс. штук). Когда снаряд промелькнул, я инстинктивно отдернулся назад и чуть не разбил козырек фонаря головой. Потом сам смеялся. Вообще над целью, против своего ожидания, был удивительно спокоен. На шапки разрывов смотрел равнодушно, как на давно знакомую вещь.

После посадки Илья Гришин рассказывал нелетавшим радистам:

– Мироненко сегодня хорошо крестили. Я бывал под меньшим обстрелом. А тут смотрю, снаряды рвутся пачками и все сзади и рядом с самолетом ново-крещенного. Посмотрел на него – ничего, шурует листовки.

Итак, я уже обстрелянный "чижик".

За 12 дней вахты я летал 9 раз. 8 раз нас обстреливали зенитные батареи противника. Один раз свои ошибочно дали две очереди. 2 раза встречались с истребителями противника, но они уклонялись от боя после первой очереди с наших самолетов, даже не открывая огня. У них воровская тактика: в бой вступает только тогда, когда подойдет незамеченным или когда уж деваться некуда.

Моя роль во всех вылетах была незначительной и не могла быть ведущей в любых записях. Все мои действия сводились к наблюдению за воздухом, разбрасыванию листовок, да иногда действовал из пулеметов по наземному, к тому же невидимому в лесу, противнику.

Однако в несении этой вахты есть много интересного и поучительного. Об этом я написал несколько заметок для "Боевого листка" и для газеты "Часовой Севера"*. Эти заметки вписываю и сюда.

Перед вылетом

На аэродроме дежурное подразделение старшего лейтенанта Старикова.

В ожидании задания летный состав отдыхает – играют в шахматы, читают газеты, приводят в порядок личное оружие, некоторые товарищи проверяют свои знания прифронтовой полосы по карте.

Неподалеку, фыркая, запылел мотоцикл. Это всем знакомое приближение: везут задание. Шахматисты спешат закончить партию. Аккуратно сворачиваются и прячутся газеты. Серьезные и спокойные лица окружают командира. Он разъясняет задание. Штурмана и летчики делают отметки на картах, задают вопросы.

Когда задание было детально разобрано и каждым усвоено, командир подал команду:

– По самолетам.

Под сильным обстрелом

В районе цели была низкая облачность. Высота 400 метров. Для удобства зашли с тыла.

Над целью оба звена были встречены сильным зенитным огнем. Но бомбы уже сброшены. На месте цели хорошо видны взрывы и пламя. Маневрируя, самолеты направляются на дорогу, по которой противник подбрасывает все необходимое на линию фронта. Ведется разведка. Фотографируют. В течение нескольких минут, начиная от цели и по всей дороге, противник ведет сильный зенитный обстрел. Куда не помотришь – всюду разрывов шапки, а у зенитных батарей "шляпы" довольствовались лишь ответными очередями из пулеметов стрелков-радистов.

Уклоняясь от заградительного огня, меняя скорость, рассредоточиваясь, два боевых звена выполнили задание полностью и невредимыми вернулись на свой аэродром.

Угостили

День был праздничный (18 августа). Летный состав решил его отпраздновать соответственно боевой обстановке и, разумеется, с угощением. У нас принято непрошенных гостей угощать на месте их базирования и без участия хозяев. Хозяин должен угощать.

Давали три раза: завтрак ранний, завтрак нормальный и обед с опозданием по вине гостей. Что поделаешь: не успели сгруппироваться к обеденному часу.

Меню составили по последнему слову техники: на первое – биточки фугасные, на второе – бифитекс зажигательный и на третье – крем изюмо-пулеметный. Спиртное умышленно не введено в меню, так как гости от собственного достаточно пьяны.

На однообразии меню обид пока не слышно. Да, пожалуй, и не услышим, потому что большинство гостей после каждого угощения беспробудно засыпало: один раз вместе со своей батареей, два других – с более мелкими шумовыми инструментами.

Не подумайте, товарищи, что это фельетон. Нет. Это стопроцентная истина. День такой был и их много еще впереди. Еще ни одна батарея и ни одно скопление фашистов мирно уснет после наших угощений, будь они даны в праздничный или будничный день.

Боевая пятерка

Несмотря на сложность метеоусловий, пять самолетов один за другим поднялись в воздух и легли на боевой курс. Их ведут старший лейтенант Стариков и его штурман старший лейтенант Забелин. Меткий бомбардир точно наводит самолеты на цель и уничтожает ее, оказав тем самым большую услугу нашим славным пехотинцам.

После успешного выполнения задания самолеты возвращались на свой аэродром. Пройдя большую половину пути, в горах встретились с грозowymi облаками. Командир решил обойти горы и облачность. Оставалось пять минут лету до своего аэродрома, когда путь окончательно был прегражден. Облака и густой туман покрывали верхушки деревьев. Грозвые молнии все чаще освещали кабины. Высотомер показывал нуль. Пять самолетов кружили в вечерней мгле между горами и облаками, как в колбе, выход из которой закрыт. Порою отдельные самолеты пробивали столь густую облачность, что не было видно консолей своего самолета. К этому времени радист ведущего старшина Холмогоров обменялся с землей несколькими радиограммами. Стало ясно, что идти на свой аэродром бесполезно.

Командир принимает решение вывести самолеты на одну из площадок, через которую перелетали после выполнения задания. Через 30 ми-

нут все благополучно приземлились на площадке, где еще не садился ни один самолет.

Так же, как и командир, хладнокровно и уверенно вели боевые машины молодые летчики Кочетков, Помелин, Маркелов, попавшие впервые в столь сложную метеорологическую обстановку.

Подразделение заслуженно получило оценку командования – "отлично" – за несение боевой вахты. Наши летчики в любых условиях под любым обстрелом водят боевые самолеты; наши штурманы бомбят только отлично (в этом большая заслуга штурмана эскадрильи старшего лейтенанта Забелина); наши техники и младшие специалисты любовно готовят материальную часть к боевым вылетам, в короткие сроки производят сложные ремонты. В таком подразделении много увидишь, многому научишься. Радостно сознавать, что и ты член такого подразделения. Особенно хотелось бы рассказать о командире, старшем лейтенанте Старикове**, – но еще многое впереди, и ему места в этой тетради будет отведено немало.

Грозовая облачность заставила нас сделать посадку вблизи станции Лоухи. Как нас встречали! Нам не дали ничего делать самим. Все почему-то считали, что мы сильно устали. Отчасти они, конечно, были правы: за день в общей сложности мы были в воздухе более шести часов. Однако у нас еще достаточно было сил, чтобы убрать машины. Но нас только спрашивали, как что сделать. Не более, как за 20 минут все машины были замаскированы. Облака нависли и над этой площадкой. Начался дождь. Нас пригласили на ужин. Видимо, все, что у них было лучшего, они выложили на стол. Мы довольно проголодались и истребляли поданное без стеснений.

Ждали улучшения погоды двое суток, и стыдно было стеснять своих хозяев, и ничего не могли сделать, с небольшими перерывами шел дождь, густая облачность закрывала возвышенные места.

В Лоухи мы узнали, как наземники ценят авиацию. Мы ко всему привыкли, со всем сжились и в своей работе ничего не видели особенного. А со стороны, оказывается, видней. Да это и вполне понятно. Мы никогда не видим последствий своей работы, а те, кто находится вблизи от нашей цели, наблюдают ужасные картины бомбежек. Да они и сами не раз попадали под бомбежки нашего врага и уже поэтому могут сравнивать результаты. Вообще они возлагают большие надежды на авиацию.

На передовой все боятся авиации. Красноармейцы призыва 41-го года говорят: "Завезли на край свита, да и бомбят". Потом рассказывают, что немцы их боятся и без поддержки авиации, боятся штыкового удара. "Вы только бейте авиацию, а со своими мы справимся и без вашей поддержки", – заявляют пехотинцы. Мы разъясняем, что в наши обязанности входит только поддержка наземных частей на передовой и в близком тылу. Уничтожение же авиации – у нас вторая задача. Они соглашаются. "Конечно, – говорят, – авиация и здесь нужна. Нам нужно несколько дней, да и не без потерь, чтобы сделать то, что вы сегодня сделали.

Словом, мы обещали еще большую поддержку.

Особенно в Лоухи бросилось в глаза большое количество женского персонала – медсестры. Конечно, у нас женщин тоже много и значительно больше, однако они менее заметны. Мы к ним уже привыкли, они нам надоели, а кое-кто уже опротивел. Свежие лица – другое дело. Короче говоря, я с детства усвоил, что в чужом саду фрукты лучше, поэтому охотно пошел к ним на перевязку расцарапанного пальца. Ничего, все нормально. Лечить любят и умеют.

Сейчас на отдыхе. Выпускаю боевые листки, читаю все газеты без разбору, учусь играть в шахматы. Занимаемся подготовкой к зимним условиям. Погода ни к черту.

---

* *Дивизионная газета.*

** *Больше эта фамилия в дневнике не упоминается.*

27 августа.

Грищенко, Гришин и я направлены на стоянку самолетов. Дежури́м на турельном* пулемете. Тревоги бывают на день несколько раз, а налетов нет. Мы без работы.

---

* *Пулемет, закрепленный в самолете.*

31 августа.

Кашель, насморк, болит грудь. Царапины на пальцах превратились в ранки. Дежурство продолжается. Сегодня 17-й день после последнего налета на наш аэродром. Все плохо отзываются о нашем дежурстве, так как самолет – основная цель для противника, и если будет налет, жертв не миновать. Но ведь на войне без жертв нельзя. Будем рисковать. Кто кого. Быть может, мне удастся раньше его сбить, чем он бросит на меня бомбы.

Был в санчасти. Дали лепешек и перевязали пальцы. Особенно беспокоят глаза. При малейшем ветерке или просто после сна сильное выделение слезы. Врач сказал, что помочь сейчас ничем не может.

2 сентября.

Все без изменений. Глаза чем-то замазали – режет.

Большая стая гусей летела на юг клином на высоте 1,5-2 тыс. метров. Пост внос* принял их за самолеты на большой высоте. У нас поднялось 9 истребителей. Потом смеялись. Гуси медленно проплыли через аэродром. Третий день наши ходят от 2-х до 4-х раз в день по 5-6-9 самолетов каждый раз. Сопровождают истребители по 3-5-9 штук. Иногда привозят пробоины от осколков зениток. Вчера бомбили очень удачно. Каждая бомба ФАБ-250 выводила из строя до 300 человек фашистских головорезов. Если бы всегда они так кучно группировались, их бы ни на много хватило.

---

* *Служба внешнего оповещения связи.*

8 сентября.

Еду в дом отдыха в г. Мурманск. За что такая честь?

9 сентября.

Рано утром прибыл в Мурманск – столицу Севера. Постройки в основном деревянные.

28 сентября.

Возвратился с Ням-Озера. Возил продукты группе техсостава, работающей на розысках разбившихся самолетов И-153*. Проезд труден. Видел старшего лейтенанта Юрьева А.М. – он там представитель авиации. Толком побеседовать не удалось. Он меня оставлял на 1-2 дня посмотреть передовую, но мой старший по командировке (Черкасов) не согласился. Жаль, я много бы увидел и услышал для меня интересного.

Только сошел с поезда, воздушная тревога, и через несколько минут один за другим 9 самолетов противника. Бомбили аэродром. Жертв нет. Бомбы разбросало по болотам и кустам. Ущерба не принесли.

* Самолет-истребитель.

9 октября.

Выделен в группу майора Котова. Полетим за новой матчастью.

10 октября.

Целый день ожидали ПС-84.* Иззяб и проголодался. Около 16 час. нам дали старт. Прощай, Африканда**, прощай, Заполярье с первыми льдинками на озерах. Ждите – вернемся настоящими защитниками на современных боевых самолетах.

* Самолет-бомбардировщик.

** Поселок в Мурманской области.

11 октября.

Обман последних строк – летим из Архангельска обратно. Командование, кажется, все перепутало. Много предположений, а толку – хоть бы хны.

29 октября.

Переброски, кажется, кончены. Теперь я в 608 ББАП* (командир майор Котов) во 2-й эскадрильи. Мой командир экипажа старший лейтенант Якунин Михаил Семенович, помкомэск**. Наш штурман – лейтенант Вернюк – адъютант эскадрильи. Хотелось бы быть в экипаже рядовых, – но что поделаешь, начальству видней.

* Ближний бомбардировочный авиаполк.

** Помощник командира эскадрильи.

30 октября.

Готовлюсь к отъезду в составе 15 экипажей. Куда, не знаю. Полку нужны машины. Теперь должно быть без ошибок и путаницы.

1 ноября.

Допиликали до Архангельска. Снова я на Кегострове. Завтра летим дальше. Конечный пункт – Казань. Решил отдохнуть. До Казани на ТБ-шках* более 6 час. воздушной болтанки.

* Дальний бомбардировщик.

3 ноября.

Вчера проторчали на аэродроме. Казань и Вологда не дали гарантии. Вечером ушел к "старой знакомой" А.Горяевой на повторные "именины". 400 гр. перцовки без закуски вскружили голову. Всю ночь с Шуркой провозился, а взлетели, сам хуже Шурки стал: глаза от бессонницы слипаются, тошнота, рвота. Когда "кутил", надеялся, что днем выплусь, – но на этот раз гарантию на кобыле привезли.

Вологда встретила плохо. Местное начальство еще не прочувствовало, что такое война. Здесь живут по-мирному. И черт его знает, до чего толстая шкура у русских! Пока ее пробьешь, много потеряешь. Пожалуй, это единственная причина всех первоначальных проигрышей на протяжении истории русских войн.

4 ноября.

Без сожаления простился с Вологдой.

До Казани путь на целый час больше, а чувствовал себя – лучше желать нечего. Что значит, хоть на полу и в одежде, поспать семь часов.

Первый раз за всю дорогу хорошо покушал: отличный суп, 2 порции жареной баранины и манная каша со сливочным маслом. И главное, все это удовольствие стоит 6 руб. 50 коп. Это довольно удивительно. Дорогой мы кушали в 2 раза хуже, а платили в 2 раза дороже.

Большое внимание несколько стесняет. Полный набор постельных принадлежностей и теплая комната. Коек нет, но их дадут завтра.

5 ноября.

Обман первых впечатлений. Койки дали, а о пище забыли. Утром купил 0,5 литра молока (5 руб.) и выпил без хлеба. Голодному и чистая постель не мила.

"Что день грядущий мне готовит?"

6 ноября.

Приехал в военгородок. Грязная проходная комната, нары. Беспорядок, бестолковщина. Нашего брата здесь полно. Некоторые сидят уже по 3 месяца. У нас тоже ничего определенного. Питание слабое.

Встретил однокурсников по школе стрелков-радивов: Гоцмана, Власенкова, Трофимова, Бабуцкого и многих других. Они здесь с июля месяца. Удовольствия будет мало, если и нас задержат на столько же.

8 ноября.

Ходил в цирк. Почти ничего нового. Бродил по городу. Не знаю, как он выглядел в мирное время, но сейчас хорошего в нем только и того, что здесь учился Ленин. Город довольно запущен и мрачен. Публика нервно-самолюбивая. Сюда переведен завод 22 с рабочим коллективом. Местным жителям пришлось потесниться. Это их нервирует. У них почему-то создалось мнение, что рабочие-москвичи "спасают свою шкуру". К москвичам относятся с презрением. Цены на продукты питания сумасшедшие, в столовых, ресторане (татарском) большущие очереди с руганью и нахальством. Военных не признают даже за равных. Особенно плохо отзываются о военных и прочих непостоянных жителях татары. Они еще не прочувствовали на собственной шкуре настоящего противника, верят в довоенную писанину, и всех, кроме себя, считают трусами и дезертирами, не желающими защищать Родину. Удивительно то, что они не могут понять основы: здесь база для снабжения фронта, и у этой базы большая очередь. Если бы они это поняли, у них мнение было бы совершенно иное.

23 ноября.

Все изучаю город. Впрочем, изучено немного: путь на главную – ул.Баумана – и сама главная со скопищами гуляющего люда. Впечатления не изменились, зато углубились.

До "цветочков" дошлялся.

Сегодня ходил в Большой Драматический смотреть "Сады цветут", от которых карманы "завяли". Билета у меня не было, и решил его приобрести в кассе или с рук. Киселев и Амосов пошли до начала в "Татарстан", а я остался у кассы театра. Пока они ужинали, у меня в очереди из-под шинели из кармана выудили бумажник. 600 с гаком рублей, пачка облигаций и что еще, не помню. Из документов было лишь свидетельство об окончании учительских курсов.

Билет на 27 ряд купил за 10 руб. с рук, когда уже мои спутники пришли из "Татарстана". В буфете было пиво и мороженое. Денег у меня осталось как раз столько, чтобы удовлетворить себя этой последней роскошью.

"Сады цветут" – вещь замечательная, "увядшие" карманы – вещь неприятная. Впрочем, в Казани это еще не "увядание", – только "цветочки", а какими же будут "ягодки"?

В моем кармане только звонкая монета. Бумажки – дрянь, их даже куры не клюют. Куры-то, конечно, а мне придется где-то под зарплату клюнуть.

29 ноября.

Получено сообщение о самой крупной победе, одержанной нашей Красной Армией над немецко-фашистскими полчищами за время всей войны, – нашими войсками занят г. Ростов-на-Дону. Противник отступает к Таганрогу. Захвачены большие трофеи. Более десяти тысяч убитыми и ранеными потеряли немцы. Это замечательно. Путь к основным нашим базам снабжения – Кавказу и Волге – [для них] отрезан. А главное – переход в наступление. Вера в победу удвоится. Настроение поднимется. Другие участки фронта начнут равняться по Ростовскому направлению.

Сколько радостного, восторженного шума наделала эта победа. Все ходят с сияющими лицами, как малые дети, получившие праздничные подарки. Сотни раз за день повторяется всеми заученная сводка. Все возлагают надежды на ближайшие дни – немец должен попятиться от Москвы, а потом, потом наступление по всему фронту и не давать врагу опомниться. Гнать до Берлина... Планы, планы и мечты.

Основная мечта – попасть поскорей на фронт. Сегодня уже месяц, как мы распрощались с фронтом, а нам говорили, что справимся дней за 20. Мы справились бы и раньше, да начальство что-то тормозит. Переучивают нас без очереди, и если судить по ходу, то вылетим мы отсюда не раньше, как через месяц, да и то вряд ли. Всюду сплошные неполадки. Как хочется быть там, где легко миришься со всеми недостатками!..

29 декабря.

Расстояние между этими двумя страницами измерить трудно, а время между записями – ровно месяц. Ровно один месяц я не заглядывал в эту тетрадь. А виной этому трижды проклятая Казань. Безделье и скука породили непростительную лень, которая идет со мною неотступно изо дня в день на протяжении почти всего моего пребывания в Казани. Обленился до безумия. Надо же умудриться дойти до такого состояния, когда утром после сна лень сойти этажом ниже, чтобы умыться, уж не говоря о том, что для учета того, сколько раз я почистил зубы, у меня хватает пальцев на одной руке. И что самое возмутительное, во власть лени попал не один я. Все без исключения. У одних это вылилось в мании ко сну. Эта категория людей, если их так можно назвать, после подъема, продрав немывтым кулаком глаза и расчесавши волосы пальцами, одевают шапку-ушанку и идет на завтрак; после завтрака выкуривает "козью ножку", своим размером превосходящую цыганскую трубку, и, если нет построения, немедленно ложится "добирать". Потом происходит стихийный подъем, и снова дымится "козьи ножки", оставляя серенький пепел на постелях, на полочках нар и на грязном полу; пол вокруг печки помимо украшается еще затоптанными огарками "козжих ножек". Вскоре эта прокопченная орава с опухшими ото сна рожами отправляется на обед. Со столовой каждый собственно персонно пробегает дверь общежития, заворачивает за

угол (в сторону уборной) и производит испражнение, дабы потом до ужина не морозить своего носа лишний раз. Затем, шумно потирая одну о другую руки, входит в помещение, бросает привычный взгляд на свою постель и машинально протягивает руку к товарищу за газеткой, из которой вырывает полоску клинышком и заворачивает заполнителя пауз между сном – "козью ножку". На сей раз "козья ножка" выкуривается с большим наслаждением, между воспоминаниями о "Беломоре" и других папиросах. К концу разговора "козья ножка" имеет повторный круг и постели усеиваются разнообразными позами своих хозяев, из коих немногие, заложив руки под голову, упирают свой взор в потолок, а остальные принимают участие в изыскании степени на звание "слабака" по шахматам и домино.

Часа за два до ужина Рязанко приносит газеты, которые большинством тщательно просматриваются по картинкам и заголовкам, и лишь половиной прочитываются отдельные статьи и заметки.

В это же время и немного раньше домоседы подстреливают талончики на ужин у тех, кто увольняется в городской отпуск.

После ужина каждый приходит с явным намерением спрятаться под одеяло. И, если этому никто не помешает, не позже, как через полтора часа комната наполняется музыкой мирного посапывания. Бывает, что кто-нибудь нарушит общую ноту грозным храпом. Тогда его сосед пробуждается, локтем прогуливается по ребрам нарушителя и держит перед ним речу:

– Ну, ты, пугало, перевернись на другой бок – перестань мурлыкать.

Требование немедленно удовлетворяется, и мелодия мирного, безмятежного сна восстанавливается до следующего нарушения. Изредко только кто-нибудь проснется от внутреннего напряжения и во избежание детского греха сходит за угол общежития просверлить рыжеватую дырочку в покрытом ледяною корочкой снегу. Такая прогулка, как правило, сопровождается "козьею ножкой".

Если этот "кто-нибудь" был старшина Черкасов или его подражатель, то можно наблюдать такую сценку. Перед тем, как снова лечь, Черкасов вежливо будит своего соседа – старшего сержанта Арсеньева:

– Арсюш! Проснись, Арсюш...

– А! Что, на завтрак? – спрашивает Арсеньев спросонья.

– Да нет, – отвечает Черкасов с улыбкой. – Сходи посс... Посмотри, скоро ли рассвет.

Арсеньев понимающе улыбается и, если у него изнутри чуть ниже брюха уже достаточно подперло, он немедленно сползает с нар.

И так до рокового слова, произнесенного дневальным во всю мощь своего голоса:

– Подъем!!!

После нескольких повторений этого привычного слова начинаются потягивания, позевывания и, наконец, по одному, как сурки из нор, вылазят из-под одеял ленивые и скучные мои друзья.

"Подъем" – это значит можно идти на завтрак.

Через полчаса начинается день по вчерашнему графику.

Другая категория (преимущественно среди средних командиров) не многим отличается от первой. Она так же коптит с утра до ночи "козьей ножкой" и даже более усердно, ибо эти люди целый день "гоняют козла" или "режутся в дурака" и, естественно, что между каждым забоем или раздачей человек от безделия вынужден курить. Тем паче, что "козырным тузом" здесь сидит старший лейтенант Юрьев А.И., который давно уж привык курить одну за другой почти беспрерывно. А соблазн ведь великая вещь, против него немногие могут устоять.

Для разнообразия эта группа иногда прекращает игру и горячо спорит по какому-нибудь пустому вопросу, чаще всего по одному и тому же в течение нескольких перерывов. Излюбленной темой спора бывает задержка в повышении звания и должностей, из этого постепенно переходят к другим вопросам и чаще всего заключительным бывает вопрос питания. Но все скоро сводится к единому желанию поскорее вернуться на фронт. Да это и вполне понятно: в это ли время сидеть в Казани?

Третья, последняя и самая малочисленная категория (Виктор Крылов, Василий Кожухов-"Шкуркин" и я) объединяет виды занятий двух предыдущих с некоторым добавлением.

После завтрака эта тройка спит только в исключительных случаях (ночь был в наряде или поздно пришел из города). В основном время до обеда заполняется чтением художественной или политической литературы с небольшими иногда перерывами, чтобы получить или дать "мат". Крылов и Кожухов предпочитают шахматы всем прочим играм, поэтому после обеда, когда я ухожу к начальству немного отдохнуть за "козлом" или "подурачиться", они садятся за шахматы и играют часа два, потом нас можно видеть полулежащими за чтением какой-нибудь книги. В перерывах между чтением мы немножко разговариваем и курим неизменные "козьи ножки".

– Ну, как, Мироненко, – иногда обращается ко мне Кожухов через перегородку на нарах, – ты до сих пор еще куришь только "Беломор"?

– Отставить "Беломор" – признан недоступным, – отвечаю я. – Курю только "Известия" и "Правду" с казанским самосадам... Это и доступней, и дороже, и во много раз противней.

22 марта 1942 г.

Опять я в Действующей Армии, на Карельском фронте.

Не без приключений получили, доучились и перелетели на новой материальной части. Не без приключений будет и боевая работа на ней.

В Обозерской встретил своего боевого командира экипажа – Маркелова Владимира Леонтьевича, и совместными усилиями с ним добился перевода меня в его экипаж. Снова летаем вместе.

Как его иногда ни ругают за недостойное поведение, а летчик он все-таки замечательный. Первыми в эскадрильи за работу в воздухе получили благодарность командира эскадрильи: Маркелов и Савельев – штурман нашего самолета.

Боевой работы не начинали. Но, кажется, завтра она начнется. Работа есть и работать будем на совесть. Слетанность нашего экипажа уже достаточная, чтобы получить право на боевую работу.

Квартируем в с.Колежма. Село в 400 домов кучно расположено на берегу Белого моря у Колежмской губы на реке Колежма, с двух сторон огорожено небольшими сопками. Через село протекает ручей. Постройки – все деревянные, просторные и содержатся в чистоте. Характерно для всех северных сел, что располагаются они среди леса, а в самом селе только несколько чахлах березок торчат у ручья да на кладбище, резко выделяется на общем фоне роскошная еловая роща. Днем село кажется мертвым. Только изредка пройдет кто-нибудь по нужде, из дома в дом или к ручью набрать воды. Село живет рыбным промыслом. Из мужчин в колхозе остались только старики и подростки, все остальные ушли на фронт. Женщины поддерживают колхозное хозяйство и работают на аэродроме – трудовая повинность военного времени.

Вечерами молодежь собирается в клубе (бывшая церковь), где бывают кинокартины и под выходной и в выходной – танцы под гармонь.

Население охотно принимает военных на квартиры. Мы разместились в центре села. В комнате шесть человек. Комната просторная с пятью окнами. Стены оклеены голубыми с цветами обоями, полы крашены. Тепло и уютно.

Квартира отвечает всем требованиям для выполнения обязанностей редактора "Боевого листка", и придется за работу взяться как следует. Сегодня ровно месяц, как меня назначили редактором, а выпустил я за это время всего-навсего шесть номеров. Раньше можно было сослаться на квартирные условия, теперь будет стыдно. Пора покончить с Казанской ленью. Надо работать. И выпускать в месяц на первый случай хотя бы листков 12-15.

Несколько выдержек из помещенного материала в "Боевых листках":

*Оружием и рублем
Фашистов разобьем.*

*Выученный урок -
Шаг вперед.
Больше делай шагов
Для разгрома врагов.*

*Читатель этих строк!
Пиши заметки в "Боевой листок"!*

*Товарищ!
Повышай опыт и знания,
Включаясь в соревнование.*

*Механик!
Работой прочной и чистой
Готовь разгром фашистов.*

23 марта.

Боевых заданий все еще нет. Оттепель. При взлете машина пробегает всю площадку и с трудом отрывается в конце. Снег мокрый, липкий.

Только два полета по кругу сделал наш новый комэск* майор Сукманов. Все остальные занимались маскировкой стоянок. Пилили молодые ели и обставляли ими машины.

Полезы немного, но день убит.

Нашу квартиру заняло начальство эскадрильи. Мы переселились на его место. Здесь народу больше, а потому нет прежнего простора и уюта.

За неимением места мое новоселие ознаменовалось дежурством по общезжитию без права ночного сна.

Дежурю.**

---

* Командир эскадрильи.

** Следующая запись - от 24 марта. Она содержит поэму Александра Безыменского "Двое и смерть", опубликованную в "Правде" 14 марта 1942 г.

26 марта.

Ночью была вьюга и потом шел снег. Дороги и аэродром завалены снегом. Полпути машину проталкивали. 8 км ехали 45 минут. На аэродроме расчищали взлетную полосу. Снег на машинах свозили на окраины аэродрома. Работы хватит на несколько дней. Будут заносы, будем повторять чистку – но все-таки к весне у нас взлетная полоса для машин на колесах будет.

Подготовил "Боевой листок" на завтра. Об Азарове длинно и дерзко. Пропустят ли?

27 марта.

Пропустили. Против ожидания фельетон имеет большой успех. Некоторые перечитывают его по несколько раз. Отдельные фразы заучены и сегодня имеют господство в разговорах. Значит, работать умеем, нужна только некоторая напористость и желание. Георгий Юрк*, рождайся снова, тебя будут уважать, с тобой будут считаться.

После ужина работали до 24.00 на расчистке дороги на аэродром. Расчистили совместными усилиями с 80-м полком около километра. Завтра должны ходить автомашины.

---

* Вероятно, речь идет о псевдониме, под которым Г.Т.Мироненко писал свои заметки.

29 марта.

Залетал к нам генерал-майор Хрюкин. Сказал, что нам, резерву главного командования Карельского фронта, придется без работы сидеть еще месяца полтора.

Вот тебе и близость боевых дней!

Генералу надо верить: он только что из Москвы, от Сталина.

Значит, наше время еще не настало. Будем ждать. А как уже надоело ждать то одно, то другое, то третье! И какой черт нас только держат при главном командовании. Придали бы какой-нибудь армии и всем ожиданиям конец.

1 апреля.

Сегодня я дневалил и на аэродроме не был. А день был замечательный. Наши летали, много летали – целый день гудели моторы. И под этот общий шумок (учебных полетов) экипажи капитана Ивашкина и младшего лейтенанта Егорова сходили на боевое задание. Фотографировали результаты ночного бомбометания 20-го АП* и аэродром на Тикш-озере.

Начало сделано!

Завтра на боевую работу уйдет одно звено. Будут базироваться вблизи линии фронта. Задачи будут в основном разведывательного порядка.

А я все жду.

---

* *Авиационный полк.*

7 апреля.

Чувствуется некоторая усталость. Наверное, от того, что недоспал. С 3 числа мы спали по 3-5 часов в сутки и все время на ногах в тяжелом обмундировании. Один раз пришлось топтать пешком на аэродром и обратно в полной летной форме.

4-го вечером перелетели в Сегежу, чтобы 5-го в 6.00 взлететь для массированного удара по аэродрому противника на Тикш-озере. Но финны нас предупредили, в 4.00 они сбросили на наши стоянки 168 бомб. Внезапный налет должен был принести много вреда, но обошлось все неожиданно счастливо: на двух машинах осколками пробило обшивку плоскостей и ранили старшего техника лейтенанта Короткевича, работавшего на подвеске бомб. Машины все остались в строю, но к 6 часам погода испортилась, и нам пришлось вернуться с бомбами.

6-го утром не получилось со сбором в назначенном месте. Опять вернулись с бомбами. Взлетели в 15-м часу. Финны нас, конечно, ждали. Еще километров за 20-25 нас встретили 15 истребителей противника. До цели продвигались с боем. В бою участвовало до 50-ти машин. У финнов было выгодней положение, они дома и по высоте были выше. Но все-таки на цель мы пришли. Бомбы сбросили довольно удачно. Только одна машина не сбросила бомбы, потому что ее подожгли еще при подходе к цели. Жалко, что на аэродроме осталось (к нашему приходу) мало самолетов. Хорошо дрались истребители. Общий бой закончился со счетом 11-7 в нашу пользу, причем из 7 два потеря-

ны не в бою, а после боя заблудились и о них ничего неизвестно. Наш полк потерь не имеет. Но могли быть: некоторые плохо следят за воздухом.

Если бы штурман нашего экипажа Азаров видел, как атаквали нашего соседа по строю, мы бы их отогнали после первой же атаки, а то позволили сделать несколько атак. И только благодаря разворотливости атакуемого экипажа, все атаки были отбиты.

Я на этой машине, с обзором из моей кабины, не стрелок, а человек в мышеловке: видишь только перед самым носом.

16 апреля.

Вот и снова я в Заполярье. Вчера в 6.10 вылетел из Ковенсмы и без приключений приземлился на аэродроме Кица - около 500 км пути. И я снова в Заполярье. Разместились в совхозе Мурманском, в бывшей школе.

Заполярье! Привычные глаза пейзажи. Сопки, болота, мелкие озера, оленьи упряжки.

И сюда уж весна проникает, тает снег на дорогах, набухают почки березы.

Теперь дела тут будут похлеще прежних: техника столкнется с настоящей техникой, да и люди много поумнели.

23 апреля.

Рано утром сделали налет на аэродром Хибугтен (Норвегия) близ Киркенса. Было две группы: сковывающая и ударная с промежутком в 18-20 минут. Сковывающая группа основной удар нанесла по летному полю. Но 2 "Ме-110"* успели подняться еще при подходе к аэродрому наших бомбардировщиков. Атаки произвести не успели, ибо взлетели довольно поздно и набрать достаточной высоты не успели.

Успокоенные тем, что наши бомбардировщики скоро ушли, "стодесятые" произвели посадку. Они были еще на посадочной полосе, когда неожиданно нагрянула наша основная, ударная группа и накрыла их на месте.

Немцы, видимо, не ожидали такого налета. Они даже не сразу открыли зенитный огонь, а зенитные средства у них сосредоточены большие. Когда мы сбросили бомбы и уже сделали разворот, по нам открыли такой огонь, какого я еще не видел. Все небо было черным, и разрывы ложились так близко, что сквозь рокотание моторов слышны их глухие разрывы, а перед глазами то и дело играли огненные вспышки – многогранными звездочками, окаймленными черным едким дымом.

Я пробовал через прицел смотреть на разрывы, но сетка сливалась с разрывами, и ничего не было видно. ЗА** была с аэродрома, из пункта и с кораблей, стоявших в заливе Бек-фьорд. ЗА нас сопровождала до острова Кьельмес и дальше, пока не ушли далеко в море.

При подходе к полуострову Среднему нас снова обстреляли, но уже в далекой меньшей степени.

Возвратились все. 3 машины привезли пробоины, и больше всех пострадала машина лейтенанта Егорова, но из строя не выведена.

Погода снова испортилась.

---

* *Немецкий самолет "Мессеримидт".*

** *Зенитная артиллерия.*

25 апреля.

Утром повторили налет на Хибугтен. По агентурным данным, там большое скопление немецкой авиации. Первый налет имел тот недостаток, что ввиду раннего времени фотоснимки плохо запечатлели результаты бомбежки.

Ходили также двумя группами, но с гораздо меньшим интервалом. Бомбили с 4,5 тыс. метров с пикирования.

Два "стодесятых" к моменту подхода второй группы успели набрать высоту и, пользуясь сходством с нашими машинами, пристроились к нам. Сильно потрепали машину старшего лейтенанта Тишина. Его машина получила 32 пробоины и еще в районе цели заклинились рули поворота. Только благодаря мастерству мужественного летчика, машина приведена на свой аэродром и отлично посажена. Завтра она снова будет в строю.

Результаты сегодняшнего налета должны быть далеко лучше прежнего. Отмечены прямые попадания по стоянкам и домам-квартирам летного состава.

Для дальнейшей работы перелетели в Африканду. Старое знакомое место выглядит как-то пустовато. Впрочем, аэродром забит чертовой уймой истребителей.

Только произвели посадку и развели машины по стоянкам, – прошел разведчик на большой высоте. Видимо, крепко им досолили, коль так спешно начали розыски.

26 апреля.

На Кестенгском направлении наши войска прорвали укрепленную линию обороны немцев и за вчерашний день продвинулись на 5 км.

Мы бомбили с пикирования дальнобойную артиллерию. Во второй половине дня думали повторить, но наземники сообщили, что второй вылет не требуется.

27 апреля.

На том же направлении то же самое сделали и с другой батареей.*

---

* *Далее записи в дневнике прерываются ровно на год. Вместо них Г.Т.Мироненко переписывает в тетрадь стихи, в основном любовную лирику с элементами военного мотива: Косты Хетагурова, Константина Симонова ("На час запомнив имена") и др. Там же другим почерком записаны самодельные ("альбомные") стихи за подписями Зои Ченцовой и Виктории Чайки, датированные серединой апреля 1943 г. Авиапункт в это время базировался в Африканде.*

Затем ведение дневника возобновляется. Записи от 30 апреля, 2 и 16 мая 1943 г. носят очень личный характер, поэтому из этических соображений мы приводим их фрагментарно. Они относятся к периоду, когда часть находилась в резерве, и посвящены душевным пере-

живаниям автора, его взаимоотношениям с товарищами. Прослеживается глубокая депрессия, встречаются даже мысли о самоубийстве, упоминается серьезная болезнь.

30 апреля 1943 г.

Завтра – 1-ое мая. Первое мая, помимо всего прочего, – праздник весны. Но не весеннее у меня настроение, не по-весеннему сердце стучит...

Перед тем, как сесть писать, пришел из клуба. Был на вечере для ком.начсостава. Посмотрел кино "Василиса Прекрасная" и ушел. Не могу. Я страшно отстал от людей. Дикарь. Я не могу веселиться. А умел ли? Пожалуй, нет... Я понимал, что такое веселье, только в школьные (но не последние) годы. Я был слишком молод, чтобы судить о жизни. Жил, не задумываясь, а если думал, то во всем видел другое. И потому меня называли самым "жизнерадостным юношей". Если бы увидели старые друзья, преподаватели, что случилось с их "большой надеждой"! Что бы они мне сделали! Стерли бы в порошок и пустили бы по ветру.

Эх, скорей бы началась боевая работа! Дождусь. И это будет моим переломным моментом. Правда, трудно будет отвести душу. Мы будем ходить на таких высотах, что я чаще всего буду просто неизбежным грузом, который нужно возить для "авось".

Но попробуем выехать и на "авоське".

2 мая. 3.00.

Я – дневальный по общежитию.

Праздновать не пришлось, если не считать того, что в обед выпил 100 грамм водки, которые отличили этот день от всех прочих. Концерт, кино, танцы были в клубе вечером, а я в наряде, регулирую праздничным движением в общежитии: развожу пьяненьких и пьяных по комнатам, успокаиваю обиженных, подбадриваю неосмелевших, укладываю спать буйных. Со мной сегодня считаются те, кто завтра на меня будет смотреть с усмешечкой, отнюдь не выражающей уважения. Так было несколько раз, так будет и теперь.

Чем объяснить такое поведение? Бояться меня не должны. Командной силы ведь я не имею, доносить, ябедничать не могу, противно. В чем же дело?..

Меня давно возмущает, почему на всех полковых торжественных собраниях меня избирают в президиум. У нас есть люди действительно заслуженные, перед которыми я должен снимать шапку, и все-таки каждый раз выделяют почему-то меня. Если бы выдвигали кандидатуру с места, дело другое. А то начальство запишет, предложит... А народу что, он шлепает в ладоши. Так вышло и сегодня. Я не хотел идти, да на том окружающие настояли, а я себя очень неловко чувствовал, сидя на сцене.

Не могу, всем нутром не могу принимать больше положенного!..

16 мая.

...Упадок здоровья чувствую сильный. Особенно беспокоит левая сторона груди. Чуть подзастыну или создам небольшую нагрузку, начинается покалывание, захватывает дыхание, левую руку с трудом поднимаю на уровень плеча.

Кашля сейчас нет, а боли чувствую. Позавчера слетал легко одетым, и вот с тех пор опять началось. Врач говорит, что помочь ничем не может. Приходится пускаться на самотек. Авось пройдет.

17 мая.

Сегодня намечались высотные полеты. Но низкая 10-тибальная облачность помешала. Не было ни полетов, ни командирской учебы.

Утром на разборе вчерашних полетов капитан Новиков привел пример плохой подготовки штурмана. Когда капитан был еще старшиной, рядовым пилотом, у него был грузин-штурман...*

У нас таких случаев нет, но что-нибудь подобное иногда встречается. Сегодня почти весь день шумно пересказывается этот рассказ.

---

* *Здесь приводится подробное описание одного из полетов, в котором штурман проявил себя не лучшим образом: не сумел правильно навести самолет на цель. При этом передается его диалог с пилотом со всеми особенностями речевой характеристики обоих, включая ненормативную лексику.*

18 мая.

Два года назад, 18 мая 1941 года, ранним утром я приехал в отпуск домой. Наступало тихое майское утро.

Меня никто не встречал. Я шел один по улицам и удивлялся контрасту. Кругом зеленые деревья, трава, цветы в полисадниках, тянут за собой ленту пыли автомашины... После полярной экзотики сердце наполнялось радостью. Хотелось пробежать козлом; кувыркнуться через голову на мягкой молоденькой травке, кричать и прыгать, как это делают еще мало понимающие телята.

За полтора года в станице выросли новые кварталы. Вместо площади, отделяющей станицу от станции, передо мной развернулись две улицы, был разбит большой парк, молодые деревца всех видов курчавыми верхушками готовились бросить утреннюю тень на многочисленные убранные аллеи.

В небе заливался жаворонок, в садах щебетали и насвистывали прочие пташки.

Этот день в моей жизни можно назвать днем улыбки. С раннего утра до поздней ночи с лица моего не сходила улыбка. Я всему улыбался. И тому, что из края снегов через пять дней попал в край цветов и зелени; и тому, что моя родная Белоречка так скоро разрослась; и тому, как меня встретили в родном доме; и тому, сколько присутствовало гостей на вечере встречи; и тому, как шумно и весело прошел вечер, и новым знакомствам. И когда лег в постель, я улыбался впечатлениям дня.

*Словно небо безграничное,
Как река бурливая, -
Жизнь моя земляничная,
Страна моя любимая.*

18 мая 1942 года в неравном воздушном бою погиб один из лучших летчиков полка, любимец нашей эскадрильи Герой Советского Союза майор Ивашкин Василий Ильич.

Часа в четыре утра он вышел со своим экипажем в разведку.

На Ругозерском направлении к линии фронта финны подтянули колонну танков.

Майор Ивашкин получил задание разыскать эту колонну, а эскадрилья – уничтожить танки на подходах к линии фронта.

Долго майор кружил в предполагаемом районе и ничего не мог обнаружить. Рискавая быть сбитым ружейно-пулеметным огнем, он снизился до бреющего полета и задание выполнил. Танки были хорошо замаскированы и с высоты даже 500-600 метров обнаружить их было очень трудно.

Майор приказал радисту старшему сержанту Штучка дать координаты по радио.

Разведчик подходил уже к аэродрому, когда вся эскадрилья во главе с командиром полка майором Котовым пошла на выполнение задания.

В районе цели была хорошая погода. С запада надвигалась плотной стеной дождевая облачность.

Заходили со стороны облачности и бомбили с пикирования. Затем снизились до бреющего и занялись штурмовкой переднего края.

Мой командир обнаружил блиндажи, возле которых была группа человек 10-12 финских солдат. Мы сделали 5 заходов, поливая пулеметным огнем эти блиндажи. Один раз я ясно видел, как после очереди из крупнокалиберного пулемета падали солдаты, – это в первый заход.

В этот вылет эскадрилья на штурмовке уничтожила до взвода финской пехоты.

На повторный вылет пошли четыре экипажа: майоры Котов, Ивашкин, лейтенанты Кочетков и Маркелов.

Майор Ивашкин должен был сфотографировать результаты бомбометания. Он шел в строю последним.

При подходе к цели майор Котов распустил всех для самостоятельного бомбометания с пикирования. Мы растянулись друг от друга на 400-500 метров. Ивашкин шел последним.

Когда стали на боевой курс, выяснилось, что облачность подошла вплотную и закрыла цель. Бомбить с пикирования нельзя. Котов дал команду: "Бомбить с горизонтального, самостоятельно".

Один за другим мы выходили из-за облачности и на ее кромке сбрасывали бомбы.

– Бомбы сброшены, – сказал штурман.

В это время из-под облачности нам наперерез выскочили 8 истребителей. На Котова и Кочеткова бросились по два. К нам пристроился один и подходило еще звено.

Ивашкин шел последним и видел, в какое трудное положение попали его товарищи. Он не выдержал. Бомбардировщик ринулся в атаку на истребителей. По их строю прошла трасса. Истребители шарахнулись по сторонам и потом, осмотревшись, все три набросились на одного. Завязался неравный воздушный бой. Кочетков повел машину на ближайший аэродром; экипаж Котова сбил одного и от другого ушел на пикировании. К нам истребитель пристроился на уровне кия и шел так секунд 20-30; дистанция была всего метров

50-70; он шел и не решался делать атаку под таким ракурсом. Наши пулеметы не разворачивались на такой угол. Я смотрел во вражескую кабину и хорошо видел лицо, очки, шлем летчика; он смотрел на меня. Я повернул пулемет до отказа в сторону истребителя и, оторвавшись от окна, прильнул к прицелу. Финн повернул машину, чтобы зайти нам строго в хвост. Как только его плоскость показалась у меня в прицеле, я дал бесприцельную, короткую очередь. Он тоже дал очередь, но промазал, и потому, развернувшись почти на одном уровне, стал в хвост. Мне только это и нужно было. Я взял его в перекрестие и дал длинную очередь. Он, не успев открыть огня, резко накренился вправо и клюнул носом. Перед моим прицелом большая мишень – я дал еще одну очередь. Финн винтом пошел к земле, а мы вошли в облачность и сделали вираж. Когда вышли из облачности, близко не было ни одного самолета. Котов и Кочетков скрылись из виду. Километров 10-12 в стороне от нас с правым разворотом резко снижался майор Ивашкин, а вокруг его машины вертелись три финна.

Майор сделал посадку на лес. Машину разбил. Тяжело ранило стрелка-радиста, и сам оказался зажатым между бронеспинкой, приборной доской и штурвалом. У него были поломаны ноги, руки и штурвал впился в грудь. Штурман старший лейтенант Вернюк получил легкие ушибы. Он вытащил из машины стрелка-радиста старшего сержанта Штучку, но не мог вытащить майора Ивашкина, несмотря на все старания. Майор не мог остаться живым после такого ранения. После долгих колебаний штурман решил удовлетворить просьбу боевого друга: пристрелили его, не вынимая из боевой машины.

Через четыре дня умер Штучка.

Вернюк попал к своим только на двенадцатые сутки. Он блудил по передовой, отморозил ноги. Потом ему отрезали ступни и отправили в глубокий тыл. Так закончилась жизнь одного из храбрейших летчиков, одного из лучших мастеров бомбовых ударов.

17 июня.

Две недели назад, 3 июня в 0 ч. 35 мин. наша эскадрилья вместе с управлением полка перелетела на аэродром Кица. Все самолеты дошли благополучно, за исключением нашего. На половине маршрута, у Умь-озера, у нас сдал мотор и потом сгорел. Когда я увидел пламя, пожалел, что не одел парашют. Одевать же не стал потому, что вместе со мной в кабину садился механик, не имеющий парашюта. В кабину пилота садился также второй механик.

Я знал хорошо, что Б-за* ходит неплохо и на одном моторе, но я не был уверен, что молодой пилот Анатолий Кукушкин справится с таким полетом при сильной болтанке в горах. Однако опасения оказались напрасными. Кукушкин не только справился с полетом, но и произвел блестящую посадку. При подходах к аэродрому, километров за 30-40, я сообщил ведущему, что отказал мотор, и запросил посадку первым.

Над аэродромом вся группа пошла по большому кругу, а мы прошли через аэродром с S на N*, сделали разворот и произвели посадку правее T*** и потом отвернули еще вправо, чтобы дать возможность остальным свободно произвести посадку. На аэродроме оказался командир нашей дивизии полковник

Шанин. Выслушав доклад старшины Кукушкина, он объявил ему благодарность за спасение машины и экипажа и наградил ценным подарком.

С прошлого года в Кице ничто не изменилось. Те же землянки, та же темнота в них. Но обслуживание стало далеко хуже прежнего, хотя и удовлетворяет почти все потребности. Майора Авербе отсюда забрали в РАБ****, после него уже было здесь два комбата и оба довольно бездушный народ.

Продолжаем заниматься "академией", а рассчитывали воевать. Есть предположение, что до наступления ночи***** будем находиться в резерве и готовиться к ночным полетам.

В полк прибыл заместителем по политчасти бывший комиссар 608 ББАП майор Базилевский. Опять меня берет на комсомольскую работу, хочет сделать освобожденным комсоргом части. С другим бы не согласился, а с ним согласен поработать: у него есть чему поучиться. К тому же от летной работы он меня не отстраняет, мне будет разрешено летать на задания, когда я сам того захочу. Это меня вполне устраивает. Хочется все-таки еще хоть немножко повоевать...*****

* Очевидно, бытующее в среде летчиков неофициальное название самолета-бомбардировщика.

** С юга на север.

*** Для обозначения места посадки на аэродроме материей выкладывалась буква Т.

**** Район авиационного базирования.

***** Полярной ночи.

***** Далее Г.Т.Мироненко снова пишет о своем здоровье: о том, что, по мнению врача, он безнадежно болен, "будет чахнуть из месяца в месяц", а значит, нужно "спешить жить" и отдать все силы на то, чтобы быть полезным.

На этом дневник снова прерывается. Несколько страниц занимают афоризмы Анатоля Франса из "Сада Эпикура".

Следующая запись датирована уже 25-26 сентября 1944 г. и носит сугубо личный характер: повествует о взаимоотношениях Г.Т.Мироненко с девушкой, об их зарождающемся чувстве. Несколько страниц на этом месте из тетради вырваны. Наконец, последняя запись сделана авторучкой, уже после войны, видимо, в 60-е или 70-е годы, и содержит наброски для статьи или очерка об однополчанине Курзенкове Сергее Георгиевиче: о ночной разведке и воздушном бое 28 февраля 1943 г. в районе Луостари.

III. АФГАНСКАЯ ВОЙНА 1979-1989

Приложение 3.1

ПРОГРАММА ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ

Обоснование исследования. Изучение историко-психологических явлений основано, прежде всего, на источниках личного происхождения, которые можно разделить на две основные категории. К первой относятся те из них, которые создаются непосредственно в ходе событий (письма и дневники); ко второй – источники, возникающие пост-фактум, часто спустя много лет, и содержащие ретроспективное описание и оценку событий, а также связанных с ними мыслей, чувств, настроений их участников (воспоминания).

Как правило, эти документы возникают независимо от исследователя. Но если участники и современники изучаемых событий еще живы, историк имеет уникальную возможность использовать самих людей в качестве непосредственного источника информации. Преимущество в этом случае состоит в том, что исследователь может управлять процессом создания нового источника в соответствии с потребностями исследования, конкретизировать и уточнять получаемые данные. При этом как бы сочетается изучение такого традиционного источника как мемуары с методикой социологических исследований, прежде всего с интервьюированием. Данный вид исторических исследований в последние десятилетия широко применяется на Западе, где носит название "oral history", или "устная история".

Названный метод наиболее эффективен, когда сам респондент (опрашиваемый) хорошо помнит о происходивших событиях, охотно идет на контакт и готов давать правдивую, объективную информацию. В нашем случае к такой категории респондентов можно отнести в первую очередь воинов-"афганцев", потому что это достаточно молодые люди, и события недавней войны еще свежи в их памяти. Кроме того, опрос проводился в октябре-декабре 1993 года, через несколько лет после окончания войны в Афганистане, когда уже наблюдалось некоторое смягчение посттравматического синдрома. Поэтому респонденты могли описывать и оценивать происшедшее с ними достаточно спокойно и трезво.

Разработанная нами программа, включая вопросник, рассчитана на участников не только одной конкретной войны, но и всех вооруженных конфликтов XX века. На ее основе уже было проведено пробное интервьюирование ветеранов Великой Отечественной и американских участников войны во Вьетнаме, давшее интересные результаты. Тем не менее, именно для изучения Афганской войны воспоминания-интервью имеют особое значение, поскольку другие виды источников личного происхождения по этому периоду, во-первых, менее доступны (не успели отложиться в архивах), а во-вторых, не столь информативны и объективны, так как с самого начала эта война была

"необъявленной", "тайной", и действовавшая на ней военная цензура оказалась более жесткой, чем даже в период Великой Отечественной.

Цель исследования – создать историко-социологический источник, содержащий информацию по широкому кругу проблем фронтовой жизни, быта и психологии участников Афганской войны. (При этом полученная в ходе реализации программы информация существенно шире исследовательских задач данной монографии.)

Объект исследования – бывшие воины-"афганцы", в период боевых действий, кроме двух респондентов, имевшие офицерские звания от лейтенанта до полковника, представлявшие почти все рода войск. Все они отличались достаточно высоким уровнем интеллекта, образования и развитой рефлексией. Всего опрошено 14 человек, восемь из которых на момент опроса были слушателями или преподавателями Гуманитарной Академии, трое продолжали служить в воинских частях, двое стали военными журналистами, а один являлся студентом МГУ. Избранный круг респондентов нельзя считать полностью соответствующим "классическим" требованиям социологического исследования. Но перед нами и не стояло такой задачи. Она была скромнее и в то же время более соответствовала именно историческому исследованию: целенаправлено созданы совокупности источников личного происхождения (воспоминаний), особым образом организованных для раскрытия конкретных, прежде всего, психологических проблем, интересовавших автора программы.

Вместе с тем, выборочная совокупность респондентов вполне типична по основным показателям (пол, возраст, образование, семейное положение) для офицерского корпуса периода военных действий в Афганистане, представляет весь спектр офицерских званий с преобладанием младших и средних офицеров, а также почти все рода войск (мотострелковые, воздушно-десантные войска, артиллерию, горных стрелков, инженерно-саперные, автомобильные войска, авиацию, пограничников).

Задачи исследования состояли в том, чтобы получить индивидуально пережитые и осмысленные сведения по кругу вопросов, относящихся не только к объективным анкетным данным о самом респонденте, но и к обстоятельствам его участия в боевых действиях, особенностям фронтовой жизни и быта, к широкому спектру ценностных характеристик респондента (его отношение к войне и некоторым ее конкретным проявлениям, к врагу, товарищам по оружию). Интерес для автора программы представляли не только восстанавливаемые в памяти события военного времени и возникавшие в тот период мысли и чувства, но и проблемы, связанные с выходом респондентов из войны, ее влиянием на их судьбу и личность, включая мировоззрение, ретроспективное отношение (на момент опроса) к тому, что происходило с ними в Афганистане.

Методика исследования заключалась в свободном интервью по заранее составленному опроснику, но с полным правом для респондентов отвечать лишь на те вопросы, на которые они сочтут для себя возможным. С согласия опрашиваемых беседа записывалась на диктофон. В случае выхода за рамки конкретного вопроса опрашиваемые не прерывались, поскольку такое отклонение от темы часто свидетельствовало об индивидуальной значимости для респондентов затронутых ими сюжетов и несло дополнительную информацию

как об их личных психологических качествах, так и об особенностях восприятия ими обстоятельств войны.

В отличие от "классического" интервью, в используемом опроснике, как правило, задавался не один вопрос, а целый блок взаимосвязанных вопросов, который ориентировал респондента на свободные и развернутые воспоминания в том порядке, в каком он считал необходимым. В зависимости от интереса интервьюируемых к опросу беседа продолжалась от получаса до 3-4-х часов. Соответственно и ответы были получены в широком диапазоне от очень конкретных и лаконичных до пространных, с большим количеством фактических и психологических деталей.

Ниже приводится составленный автором вопросник, использованный для исследовательского проекта по изучению психологии участников Афганской войны.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ XX ВЕКА

1. Если считаете возможным, укажите свои биографические данные (фамилия, имя, отчество, год и место рождения).
2. Участником какой войны вы являетесь?
3. Кем вы были до войны? (Укажите профессию.)
4. В каком возрасте вы попали на войну? Каким образом (по призыву, добровольно, другим путем, каким именно)?
5. Где и как застало вас известие о войне? Какие чувства вызвало?
6. Сколько времени вы воевали? В каких войсках (формированиях)? В каком звании? В какой должности?
7. В какого рода операциях участвовали? Боевые задания какого характера вам приходилось выполнять?
8. Ваше отношение к войне на разных ее этапах: С какими чувствами шли на войну? С какими возвращались? Была ли вера в победу, в правоту своего дела? Как влияли на настроение людей победы и поражения?
9. Какие чувства вы испытывали в боевой обстановке? (Страх? Преодоление страха? Лихорадочное возбуждение? Что-то другое? Что именно?)
10. Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжелыми, опасными? Что было самым страшным для вас на войне? Что запомнилось больше всего?
11. Ваше отношение к врагу: каким его видели, воспринимали? Образ врага, противника, неприятеля – смысловой оттенок слов: что более подходит? Какое значение в этой связи имели идеологические мотивы?
12. Участвовали ли вы в разведке, во взятии "языков" и других операциях, связанных с проникновением в тыл врага?
13. Первый пленный, которого вы увидели. Ваши чувства, впечатления. Отношение к пленным вообще.
14. Что вы думаете о своих, попавших в плен к неприятелю? При каких обстоятельствах это происходило?
15. Ваше мнение о союзниках, если они были.
16. Отношения с местным населением.

17. Боевая техника (оружие) – свое и противника: на равных шла борьба или нет? Особенности партизанской войны. Система взаимоотношений "человек и техника"; чем было для вас личное оружие?
18. Климатические условия: какие трудности были с ними связаны, как их переносили?
19. Роль боевого товарищества, взаимовыручки. Взаимоотношения старших и младших. Потери друзей.
20. Взаимоотношения солдат и офицеров (рядовых и командиров).
21. Знакомы ли вам понятия "тыловая крыса", "штабная крыса", "окопная братва"? Есть ли современные аналоги?
22. Как снабжалась армия (ваше формирование) на войне? Были ли аналоги "наркомовским 100 граммам", офицерским допайкам и т.п.?
23. Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи.
24. Были ли вы суеверны? В какие приметы верили? Повлияло ли участие в войне на ваше отношение к религии? Если да, то каким образом?
25. Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?
26. Ранения, контузии, болезни. Кто и где оказывал вам медицинскую помощь? Что запомнилось из госпитальной жизни?
27. Имеете ли вы награды? Какие и за какие заслуги?
28. Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?
29. Какие письма вы писали домой с войны? Какие письма получали из дома?
30. Как вас встречали на Родине после войны? Какое было отношение к ветеранам? Какое отношение к ним сейчас?
31. Что такое война – для вас? Знакомо ли вам чувство "фронтной ностальгии"? Мучают ли вас воспоминания, военные сны?
32. Как вы относитесь ко всему этому теперь, спустя столько лет? Как шел процесс переосмысления, переоценки прошлого?
33. Ваше отношение к тем, кто вас туда послал, – тогда и теперь.
34. Как повлияло участие в войне на вашу дальнейшую жизнь?

Приложение 3.2.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

В результате проведенного автором интервьюирования участников Афганской войны получен интересный и обширный материал, который применим для анализа широкого спектра историко-психологических проблем. Тематически он гораздо шире, чем круг вопросов, рассматриваемых в настоящем исследовании. Поэтому в монографии используются ответы только на часть вопросов из Приложения 3.1. Они касаются освещения следующих проблем: психологических феноменов, возникающих в связи с тем, что война является экстремальной ситуацией (вопросы №№ 9, 10); формирования образа врага и отношение к нему (№№ 11, 12, 13, 16); особенностей фронтового быта (№№ 22, 23, 25); веры и атеизма на войне (№ 24); отношения к женищинам в армии (№ 28); выхода из войны и посттравматического синдрома (№№ 30, 31, 32, 34).

Частично этот материал был использован в тексте книги, наиболее подробно в главе III и п.3 главы IV. Поэтому в данном приложении мы опускаем ответы на №№ 24 и 28.

Практически все респонденты в ходе опроса дали весьма полезную и очень интересную информацию. Вместе с тем, в данной книге, из-за ограниченности объема, невозможно привести материалы интервьюирования полностью, даже по перечисленным проблемам. Поэтому автор вынужден был отбирать материал для приложения. При этом каких-либо жестких критериев отбора не существовало, так как все ответы носили неформальный характер, отличались большим разбросом информативности, детализации фактов, степенью эмоциональности и т.д. Вместе с тем, ответы одних и тех же респондентов на разные вопросы не были равноценны. Некоторые из респондентов просили, чтобы при использовании материалов интервью, оно рассматривалось как анонимное; большинство разрешило указать их имена и основные биографические данные.

В данном приложении использованы наиболее интересные ответы, дающие подробный и точный материал не только с фактической, но и с психологической точки зрения. В то же время автор счел необходимым соблюсти преемственность с предыдущими разделами приложения, в которых приводятся комплексы документов личного происхождения, принадлежащие конкретным людям и позволяющие проследить их взгляды, чувства и настроения, связанные с достаточно широким кругом вопросов. Поэтому были выбраны ответы трех конкретных респондентов (П.А.Попова, В.А.Сокирко и С.Н.Токарева), представляющие их личностную позицию по основному спектру затронутых в данной книге проблем и одновременно отражающие общую тональность большинства интервью.

Приложение 3.2.1. Сведения о респондентах

Сообщаем некоторые данные о респондентах, ответы которых помещены в Приложении или используются в тексте книги. Воинские звания приводятся на момент проведения интервью (октябрь-декабрь 1993 г.).

Майор Авдеев Игорь Николаевич.

1962 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) с сентября 1984 по сентябрь 1986 г. в воздушно-десантных войсках, в звании лейтенанта и старшего лейтенанта, в должности заместителя командира роты. Участвовал в боевых операциях. Награжден орденами Красной Звезды и "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР" III степени.

Подполковник Баженов Валерий Дмитриевич.

1956 года рождения. Служил в Афганистане (Пули-Хумри) с 1980 по 1982 г. в автомобильных войсках, в звании лейтенанта и старшего лейтенанта, в должности секретаря комитета ВЛКСМ автомобильного батальона. Участвовал в боевых операциях. Ранен.

Полковник Букварев Сергей Михайлович.

1951 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кундуз) с декабря 1981 по май 1983 г. в артиллерии, в звании капитана и майора, в должности командира реактивного артиллерийского дивизиона. Участвовал в боевых операциях. Награжден орденом Красной Звезды.

Полковник Ванин Иван Федорович.

1951 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) с ноября 1984 по декабрь 1985 гг. в мотострелковых войсках, в звании подполковника, в должности заместителя командира полка по политчасти. Участвовал в боевых операциях. Дважды контужен.

Полковник Гайдадин Иван Алексеевич.

1947 года рождения. Служил в Афганистане (г. Баграм) с июня 1983 по июль 1984 г. в авиации, в звании подполковника, в должности начальника политотдела отдельного авиаполка. Участвовал в боевых операциях. Награжден орденом Красного Знамени.

Майор Попов Павел Алексеевич.

1960 года рождения. Служил в Афганистане (г. Баграм) с июля 1986 по февраль 1989 г. в горнострелковой части, в звании старшего лейтенанта и капитана, в должности командира роты. Участвовал в боевых операциях. Ранен. Награжден орденом "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР" III степени, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги" и др.

Майор Сокирко Виктор Анатольевич.

1963 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) с декабря 1987 по февраль 1989 г. в воздушно-десантных войсках в звании старшего лейтенанта, в должности ответственного секретаря дивизионной газеты. Участвовал в боевых операциях. Контужен. Награжден орденом Красной Звезды.

Майор Токарев Сергей Николаевич

1960 года рождения. Служил в Афганистане (г. Шинданд) с 1982 по 1984 г. в мотострелковых войсках, в звании лейтенанта и старшего лейтенанта, в должности заместителя командира разведывательно-десантной роты по политчасти. Участвовал в боевых операциях. Ранен. Награжден орденом Красной Звезды.

Прапорщик Фигуркин Станислав Викторович.

1962 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) в 1981-1982 гг. в воздушно-десантных войсках, в звании рядового и младшего сержанта, в должности заместителя командира взвода. Участвовал в боевых операциях.

Приложение 3.2.2. Война как экстремальная ситуация

I. Ответы на вопрос № 9. Какие чувства вы испытывали в боевой обстановке?

1. Майор В.А.Сокирко

Первый раз я испытал страх, когда колонна, выдвигающаяся на боевые действия, попала в засаду, причем, засаду очень мощную, хорошо подготовленную, спланированную. У нас были подожжены в ущелье первые машины, колонна встала, и ее пытались расстрелять. Отбивались мы в общем-то неплохо, но когда я впервые увидел стреляющих в меня, с расстояния в 25-50 метров, а это, видимо, были обкуренные фанатики, потому что шли они без прикрытия в психическую атаку, – вот тогда страх был, и дрожь меня била, постоянно какая-то дрожь неприятная, потому что ее никак нельзя было унять. А успокоило то, что рядом со мной возле машины залегли два солдата-связиста, у них был один автомат на двоих, и когда я посмотрел, как они по очереди стреляли из этого автомата, причем, когда один стрелял, второй давал ему целеуказания – показывал, откуда выскакивают "духи", – и вот так они менялись, и такое у них было спокойствие, какой-то детский азарт, как при игре в войну, что меня это успокоило. А потом уже во всяких ситуациях я старался держать себя в руках, и это получалось. Но, естественно, при звуке выстрелов в душе что-то всегда сжимается.

2. Майор П.А.Попов

Какие чувства испытывал в боевой обстановке? На первых порах – только страх. Какую-то спецподготовку мы прошли, кое-что нам рассказали, но когда я попал в реальную боевую обстановку, – да, именно страх был, а не что-то иное. Потому что смерти не боятся только дураки. Но там форма страха была специфическая. Есть страх, который у человека парализует волю полно-

стью, а есть страх иного рода: он раскрывает в тебе такие силы и возможности, о которых ты раньше не предполагал.

Самое страшное было – это когда "наливников" сопровождали. Я, например, понимаю, что это такое. Там, в Афганистане, их называли "смертники". Одна пуля – и все... Там такой факел, что в радиусе 100 метров первые тридцать секунд воздуха нет, все выгорает... И люди задыхаются... А в телевизоре показывают, что если горит бензовоз, подъезжает танк и спихивает его с дороги. Это такая лирика...

3. Майор С.Н.Токарев

Американцы сейчас пришли к тому, что нормальное состояние и положение человека на войне – шесть месяцев... Только шесть месяцев он может эффективно действовать. Пожалуй, они правы. Все их исследования это показывают.

У меня в боевой обстановке отношение вначале такое было: интересно. В первый раз стрелять начали, – я на дерево залез посмотреть, откуда стреляют. А когда сучки рядом затрещали, дошло, что нельзя, оказывается, на дерево лазить. Ну, а потом, когда уже мудрым воином вроде бы становишься, на втором году, – то уже совсем другое отношение. Тут уже пытаешься просчитать обстановку: что, как, где, чего...

Сначала интересно, какой-то рейнджерский дух, желание себя показать, некоторая бравада... Растерянность – вряд ли она присутствует, потому что пока сам ничего не умел, находился под опекой гласной и негласной у тех, кто побольше прослужил. А потом, когда молодые пришли, уже сам смотришь, чтобы он лишнего шага не сделал. Например, машина остановилась, лейтенант отошел один по нужде, – а там везде открытая местность, ну, и стыдно ему как-то, он еще метров на сто отошел, и опять вроде видно его со всех сторон, – и вот сержант срывается, подбежал к нему, рядом автомат положил и, не говоря ни слова, ушел. По-другому нельзя было.

В один период чувствовали так, в другой период – по-другому. А если в целом, какие чувства были: в начальный период – это интерес, может быть, какая-то бравада, желание не показать себя с плохой стороны; а потом уже, после года [службы], – большой рационализм в поведении, – чтобы лишних движений не делать, лишний раз не подставиться нигде, ну и, как положено, саму задачу выполнить... Идет адаптация к любой работе, и стрессогенные факторы уже так сильно не влияют, – они в основном из привнесенных эмоциональных ощущений, от вида трупов, от взрывов, от самого отношения к этой войне.

II. Ответы на вопрос № 10. *Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжелыми, опасными? Что было самым страшным для вас на войне? Что запомнилось больше всего?*

1. Майор В.А.Сокирко

Мне очень памятен день, и я всегда его вспоминаю с особой горечью, когда я узнал о гибели одного из своих друзей, Андрея Бобровски. Мы с ним познакомились еще в Союзе, сдружились, симпатизировали друг другу. А потом я проспорил ему бутылку шампанского. Банальный спор: когда я собирался в отпуск, пообещал, что приеду к нему в Кировобад, а он и говорит: "Ну, вряд ли приедешь". И мы поспорили на бутылку шампанского. В отпуск я действительно не смог к нему приехать, и он прислал мне открытку: "Должок отдашь годика через два, потому что уезжаю в Афганистан". Прошло полгода, и я поехал следом за ним, привез бутылку шампанского и надеялся его встретить, хотя он служил не в Кабуле, а в Баграме, это в 40 км от Кабула, и я попасть туда сразу, естественно, не мог. А буквально через две недели узнаю, что он погиб накануне моего прилета. Перебило ноги в горах, и он истек кровью, умер на рассвете... И самое главное: в тот день, когда я прилетел в Кабул, наш самолет приземлился, и нам, новичкам, кто-то из уже служивших в Афганистане показал АН-12, "черный тюльпан". Как раз песня Розенбаума тогда появилась "Черный тюльпан", и, мол, вот это он самый и есть, печально знаменитый самолет. И именно в этот день, именно на этом самолете гроб с телом Андрея отправляли на Родину. И он, этот день, врезался мне в память, – уже когда я узнал, что его увозили именно в этот день, когда я прилетел. Запало в душу. Поэтому, поднимая третий тост, я всегда вспоминаю его, Андрея, с кем я не смог встретиться...

2. Майор П.А.Попов

Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжелыми, опасными... Это очень трудно сказать. Каждая минута и каждый день были тяжелыми, трудными, опасными. Потому что мы не сидели в штабах, а принимали участие в операциях. И точки, где мы проходили службу, такие, что там были постоянные обстрелы, мины, зрэсы, снайпера в округе... У нас вообще специфическая зона была: за забором Хара-Хана, мы ее так и звали – "Харай-Хана". Оттуда обстреливали, гранаты кидали – местное население... Ну, а если ребенка и увидишь – не убьешь... Поэтому пошли на вынужденные меры, заминировали подходы, проволоку положили.

Что было самым страшным на войне? Лично для меня самое страшное на войне было вот что. Человек, по натуре своей, привыкает ко всему. Можно привыкнуть к горам, можно привыкнуть таскать на себе рюкзак по 60 килограмм, но к одному привыкнуть было нельзя. Вот я сейчас сижу с ребятами, разговариваю, – я уверен, что увижу их через пять минут. А там я не был в этом уверен. Я посидел с ребятами, вышел из палатки, – бах! – РС упал. Я прихожу – никого нет... Вот это чувство было самое страшное для нас: ты не был уверен в том, что увидишь своих ребят, своих друзей, себя самого – через две, через три минуты, через десять, через пятнадцать секунд. Это было самое страшное. К такому привыкнуть невозможно.

Человек по натуре эгоистичен. Пуля пролетела, и где-то в душе шевельнется: "Слава Богу, что не меня..." Это уже потом приходит, не на первых порах. Потому что, если все потери брать на себя, все, что ты там видел, – ты с ума сойдешь через месяц. Трудно нормальному человеку перенести увиденное, когда кожу живьем снимают или руки отрубают... Просто отключаешь свое сознание... А вот то, что ты не можешь быть уверен, что увидишь полроты своей завтра или увидишь друга своего завтра, – это присутствует. Это и есть самое страшное.

3. Майор С.Н.Токарев

Пожалуй, самое тяжелое – это операция, когда меня самого зацепило, – 17 марта, это вторым днем рождения считается... Как раз и жена это почувствовала, написала: "С тобой была 17 марта". Но страшно не было. Была небольшая безысходность сначала, момент растерянности был, – когда мы поднялись на вершину, и неожиданно фланговым огнем из засады душманы разложили роту на четыре части. Часа полтора пришлось находиться в неподвижном положении, прильнув к скале, и казалось, что положение безвыходное. Это были неприятные моменты и ощущения, но ничего, собрался. И, может, от безысходности элемент такой появился, – у ребят вдруг началась бесшабашная удаля: начали душманов "на живца" ловить. Был такой термин, когда все раздеваются, все в тельниках, и один стоит, вроде бы курит и ждет, пока в него выстрелят... Так он [внимание] на себя отвлекал. Конечно, мы здорово за это наказывали. Но за счет того, что в горах сначала идет звук, и этот звук долетал быстрее, чем пуля, – он успевал как-то [уклониться]. Этот парень [спортом] занимался здорово, и физически развит был, и книжек еще начитался, – и, вот он, как маятник, качает, и все эти разные штуки из романов, – и вроде бы отвлек на себя часть душманов, а в это время другой замкомвзвода успел две гранаты бросить в амбразуру. То есть мы сами вышли из этого положения и вышли нормально. А вот в первый момент – ни вперед, ни назад. Вперед – интенсивный огонь, назад – интенсивный огонь, ночью там оставаться – не выпустят они. Уже команда была уходить, потому что задачу рота выполнила. И вот благодаря этим двум ребятам нам удалось проскочить незамеченными: когда они одну амбразуру подавили, а вторую отвлекли, мы смогли по мертвому пространству уйти из этого места. То ли везение, то ли удача, а в целом, наверное, опыт наработанный. Этот случай, пожалуй, самый неприятный был, когда действительно довелось, что называется, вляпаться.

Приложение 3.2.3. Формирование образа врага и отношение к нему

I. Ответы на вопрос № 11. *Ваше отношение к врагу: каким его видели, воспринимали? Образ врага, противника, неприятеля – смысловой оттенок*

слов: что более подходит? Какое значение в этой связи имели идеологические мотивы?

1. Майор В.А.Сокирко

Образ врага как таковой вырисовывался только во время боевых операций. То есть враг – это тот, кто с автоматом, кто стреляет в тебя, в твоих друзей, и значит, ты должен его уничтожить, чтобы самому остаться живым и прикрыть людей... Ненависти ко всему Афганскому народу я не испытывал. Конкретный враг – да, с ним идет война...

Если друзья погибали, то в какой-то степени там возникало чувство мести. Это очень во многих было развито, потому что приезжали туда без какой-то особой вражды: ведь эта война не Великая Отечественная, когда был конкретный враг, который пришел завоевывать твою страну, поработать твой народ... А вот когда я приехал, мне буквально на следующий день показали фотографии расстрелянной накануне колонны с обезображенными трупами наших солдат. Это очень сильно подействовало. И потом было несколько случаев, когда на моих глазах гибли знакомые ребята, солдаты, с кем я успел подружиться. И, пожалуй, именно чувство мести во многом нами двигало, хотя какой-то особой агрессивности вне боевых действий к местному населению не было. Даже наоборот, какая-то помощь. Вот местные мальчишки, бачата, – им всегда сухпак отдавали, довольно благожелательно относились...

2. Майор П.А.Попов

Отношение к врагу... Поначалу ненависть, ярость. Не скрываю этого. Потом просто осмысленное приведение всех своих действий к тому, чтобы выполнить ту или иную операцию. А каким я его видел... Их недаром там называли "духи". Они на самом деле были, как духи. Их не было видно: откуда они нападали, что и как делали. Очень трудно вести войну в Афганистане. В этом ее специфика. Я был офицером, служил в ракетных войсках и в десантных войсках, изучал боевые уставы и все на свете, но когда пришел туда, понял: все, что мы до этого учили, – просто-напросто лирика. Трудно нормальному человеку, тем более офицеру, осмыслить, когда 10-15 человек держат в ущелье полк, и полк ничего не может сделать. Воевать они умеют здорово, тут и говорить не о чем. Жестокость с их стороны была жуткая. А жестокость, сами понимаете, может породить только жестокость. Мы были для них гяуры, то есть поборники другой веры. Они исповедовали ислам, а к нам относились, как к христианам, – то есть там велась священная война. Поэтому они и поступали с нами таким образом. Естественно, каждый знал, что в плен сдаваться нельзя. У каждого был последний патрон или последняя граната, или ампула с ядом зашита в воротник гимнастерки. У меня когда брат погиб, он до последнего патрона отбивался, а потом подорвал себя двумя гранатами... В плен сдаваться было нельзя: в лучшем случае, что с тобой там сделали бы, – это

сняли кожу с живого. Что тут еще говорить... Вот такие отношения у меня были к врагу.

3. Майор С.Н.Токарев

Противник, неприятель, враг... Противник, скорее. Как воспринимали... По-разному, потому что разное отношение было и у афганцев к нам: от чисто дружеского, – были и настоящие друзья, особенно среди офицеров афганских, хадовцев (это КГБ ихнее), – до полного неприятия. И хоть друзей много было, мы знали, что гадость можно ждать от каждого.

Был случай, когда мы на оцеплении стояли. Стоит БРДМ командира роты, и выходит дед с ведром вроде бы из кишлака. Никто его не трогает, подошел так спокойно, ямку вырыл под колесом, поставил мину и спокойно уходит. Потому что им там здорово стали платить – за подорванную машину столько-то афгани, за убитого столько-то. От такой наглости все опешили, даже никто не успел за автомат схватиться. Казалось бы, мирный кишлак, все как положено, – и так спокойно вышел, поставил... Такую наглость тяжело было пережить.

Ну, а образ врага конкретно... Полиграфическая база у нас была, конечно, слабенькая, но два или три плаката за все время там были и показывали настоящих душманов. И в некотором роде это ассоциировалось: с черной чалмой – значит, отборные войска. Неприятель – бородатый, молодой, в черной чалме, обязательно с оружием. Такой вот образ врага. С мирными афганцами нам тоже часто приходилось общаться. В основном они, как дети... Но тут очень тяжело было определить, кто действительно душман, а кто не душман. Поэтому критерий оценки был только один: если на правом плече есть подтеки от приклада, то душман, если нет, то все нормально. А так только к молодым, черным, бородатым отношение было, как к неприятелю.

II. Ответы на вопрос № 13. *Первый пленный, которого вы увидели. Ваши чувства, впечатления. Отношение к пленным вообще.*

1. Майор В.А.Сокирко

На боевых действиях поймали двух пленных, двух афганцев, – видимо, это наблюдатели были, не успели убежать. Ну, и какое ощущение... Вокруг все свои, а враг – он уже обезоружен, он не опасен. И поначалу было чувство какой-то жалости к этим людям. Проводили допрос, чтобы они показали, где находится склад с боеприпасами. И они вроде согласились показать этот склад. Водили нас по горам практически до вечера и доводились до того, что попытались убежать, спрыгнули в кериз, – это такой глубокий колодец, они сообщаются между собой под землей, там целая система водоснабжения, – и вот в этот кериз они спрыгнули со связанными руками. И нам просто ничего не оставалось делать, – мы бросили вниз гранату... И вот как-то вначале не было никакого озлобления. А когда они водили роту по горам, показывая: "Вот на той горе склад", – пришли туда – склада нет. "Я ошибся, на той горе..." Водили-водили... И потом уже какая-то к ним злость появилась за то, что водят за хвост. И когда мы бросили туда гранату, какого-то сожаления особого, честно говоря, не было.

2. Майор П.А.Попов

Первый пленный, которого я увидел... Там трудно было понять – пленный он или не пленный. Днем он машет своим кайлом, вечером "бур" за спину закинул – и в горы. А первого пленного... Шли мы колонной, сопровождали боеприпасы, – это было в районе Мозаришарифа. Первая машина у нас шла – боевая машина разминирования. Смотрим: у дороги стоит "Тойота", подорванная, духовская "Тойота". А у нас у каждого собака была. Собаки там были двух направлений: сторожевые и которые мины искали. Ну, и смотрю, пес залаял. Сразу ясно: что-то не то. В кусты его выпустил, ребят своих послал, – они трех человек приводят. Без оружия они были все. Мы у них с помощью переводчика спросили: "Есть там мины? Нет мин?" Они говорят: "Мин нет". Но мы же знаем, что доверять им в этом отношении нельзя. И в последующем кое-какие меры приняли. Получилось так, что мы на этой дороге сняли 18 мин и фугасов.

Ну, что мы с пленными делали... По этому вопросу было очень много нареканий в адрес и наших непосредственных начальников, и правительства Афганистана, ХАДа, царандоя. Допустим, захватил я кого-то в плен, отдаем его куда нужно, чтобы с ним там разобрались. А через неделю я опять его вижу, – ходит себе по кишлаку, и никаких проблем. Они его сами выкупали. Поэтому специфическая обстановка была такая: если они оказывают сопротивление, мы их просто уничтожаем, как врагов. Если этот человек был ценен, что-то знал, – естественно, мы его брали, отдавали особистам, а они уже сами его дальше раскручивали.

3. Майор С.Н.Токарев

Отношение к пленным... Угнетающее впечатление производят они. Надо отдать должное, они очень покорны судьбе. Ислам – это вообще покорность Аллаху. Вот он попал в плен: для него самое главное – умереть так, чтобы у него оружие под рукой было, или чтобы его не утопили и не повесили, – это несправедная смерть для них. Поэтому он сидит и абсолютно ничего не боится. И у тех пленных и задержанных, которых я первыми увидел, была абсолютная отрешенность и спокойствие. Каких-то особых чувств к пленному я не испытывал, даже где-то жалость больше. И потом мы, в принципе, знали, что плохого с ним ничего не будет. Отведем его [в ХАД], а там они уже сами решат, куда его девать: то ли в армию заберут, то ли откупят его родственники, и он опять попадетсЯ.

Ну, а ребят, честно говорю, приходилось часто сдерживать, особенно тех, кто побольше прослужил. Были у меня в роте два брата, и после того, как один подорвался, калеккой ушел, второго было невозможно удержать. Стоило отвернуться, обязательно либо ударит, либо пнет, – хоть пленного, хоть с оружием, хоть без оружия. Приходилось его как-то нейтрализовывать, потому что это дело довольно заразное, передавалось и всем остальным. Конечно, был где-то уровень озлобленности, особенно у посттравматиков, всех, кто после

госпиталя пришел, – у них было желание отомстить. И, как раньше, на прикладах насечки делали по числу убитых: когда стреляли и падали, насечки делали.

К пленным вообще особой кровожадности не было. Но моменты, как с этим парнем, конечно, были. А так, чтобы сильно издеваться, или, как говорят, под колеса клали, топили, – я такого не встречал, если честно. Бывало, когда его брали, а он убегал, – кто-то догонял его, тот бросил оружие... Ну, конечно, с синяками пленный придет. Как только сел, – руки ему скрутили или "на ласточку" посадили. Это когда чалму привязывали сзади к ногам и к рукам, чтоб он не мог ни ногой, ни рукой пошевелить, потому что прецедентов много было. Как-то один парень (тот, который "маятник качал" в горах, Петрукович Алексей) за главарем банды гнался, почти догнал, а тот развернулся, из пистолета выстрелил, и пуля попала рядом с носом. Конечно, ребята не оставили его ненаказанным, хотя все равно в ХАД отвезли, но когда офицеры не видели, пинали они его здорово... А вообще к пленным, чтобы какая-то кровожадность или желание растоптать, – этого не было.

А вот с другой стороны, отношение к *нашим* пленным... Это была одна из первых моих операций, когда мы дня четыре по всему Герату, по провинции, гонялись за бандой, которая своровала двух наших солдат из мотострелкового батальона. Дня четыре мы день и ночь их искали и потом только трупы отбили. И впервые это зрелище... Глаза выколоты, уши отрезаны, все суставы в обратную сторону вывернуты, живот вспорот... К нормальному отношению к пленным это, конечно, не располагает. Но когда [пленный афганец] абсолютно безучастно сидит и полностью покорен судьбе, Аллаху, – "Как Аллах решит, так и будет", – такое поведение, возможно, влияло на то, что не особенно хотелось издеваться или еще что-то с ним делать.

III. Ответы на вопрос № 16. Отношения с местным населением.

1. Майор В.А.Сокирко

Во время нахождения в лагере, на базе в Кабуле, мы выезжали в штаб армии по каким-то делам, и еще по магазинам, – хотя "Военторг" нас неплохо обеспечивал, но там находилась своя экзотика. И были у нас не друзья, конечно, а просто хорошие знакомые-дुकанчики, которые прекрасно говорили по-русски, многие образование получили у нас в Союзе. И мы с ними общались нормально, без презрительного отношения. Все, как обычно, – ты пришел в магазин и тебя обслуживает продавец. Ну, а своеобразный восточный торг, покрикивания, – это в порядке вещей.

Ну, а мальчишки... Когда выезжаешь на операцию, всегда стараешься взять что-то лишнее, чтобы сбросить им по дороге. Там даже маленькие карпузы, – два-три года ему, он только на ноги встал, – колонна проходит, он бежит возле БТРа или БМПешки и кричит: "Бача, бакшишь давай!", – то есть подарок просит. Банку тушенки, галеты какие-нибудь всегда бросали – и солдаты, и офицеры. Дети есть дети. Хотя были случаи, когда в бандах были юно-

ши... Я помню одного убитого, у него на автомате было порядка 12-ти зарубок, отметины о подстреленных русских... В общем, была такая градация: мирные жители – это мирные жители, к ним отношение особое; а тот, кто с автоматом в руках, – это враг, и тут только метод уничтожения...

Бывали такие ситуации, когда вместо предполагаемой банды, каравана с оружием, уничтожались мирные жители. Вот, скажем, разведчики перекрыли ущелье, по всем правилам... Заметили группу "бородатых", как их называли, афганцев, груженных ослов, – пустили их в центр кольца и уничтожили. А когда подошли, оказалось, что это мирные жители из кишлака везли яблоки на рынок. Но действовал закон комендантского часа, – если с 23 вечера до 5 утра кто-то движется, – значит, это "дух", потому что все были предупреждены о том, что в это время можно попасть в неприятности. А они, видимо, хотели пораньше попасть на рынок и, не дождавшись часа-двух до окончания комендантского времени, пошли, повезли этот свой товар, яблоки... И когда мы туда подошли и увидели эти яблоки... была какая-то досада, потому что ошибка такая вышла и люди мирные погибли... И вот эти яблоки рассыпанные лежали – никто не взял, ни из солдат, ни из офицеров. Так яблоки эти и остались...

2. Майор П.А.Попов

Да отношений фактически не было никаких. Я уже привел пример: днем он пашет, вечером в нас стреляет. А так, когда в кишлаки приходили, были моменты, что нас очень здорово встречали. Русский человек добрый. Бегали там детишки, "бачата" так называемые. "Шурави, бакшишь давай!" – то есть подарок. Отдавали им галеты, сгущенное молоко. Потому что встречались кишлаки, где был голод. Вот когда мы на операцию "Хост" ходили, все было полностью блокировано, или операция "Магистраль" была три с половиной месяца, – так там люди умирали, как мухи. Мы и хлебом им помогали, и всем помогали. Гуманитарную помощь развозили постоянно: муку, сахар и все остальное. А в основном отношения с местным населением были очень тяжелые. Например, жуткие вещи, когда с помощью идеологических обработок они привлекали к ведению боевых действий женщин и детей. Ну, и там маленькие подарки: ручки, которые руки отрывают, часы, жевачки отравленные... Заходишь в брошенный кишлак, подходишь – магнитофон стоит. Сразу кричишь своим: "Не трогать!" Потому что если магнитофон возьмешь, – там фугас наверняка.

В некоторых кишлаках, – когда мы на Файзабад ходили, – пришли старейшины, мулла, дали нам фруктов, овощей: "Пожалуйста, – говорят, – и рыбу ловите. Только наши поля, мы вас просим, не вытаптывайте". Было такое понятие, как договорные кишлаки. Он в зоне ответственности, они с нами не воюют. Мы им помощь оказывали, они нам помогали во многом. Например, в местность какую-нибудь приходим, на горку нас выкинут, а мы не знаем, ни где вода там, ничего. Подойдешь к ним, спросишь... Естественно, за определенное вознаграждение. Нация очень продажная, за деньги фактически все можно сделать. Ну, не только за деньги, в основном за то, что потрогать можно, – за материальные средства. Такие вот отношения.

Мы были для них *другими людьми*. Мы не были там нужны. Бывали моменты, когда в нас камнями бросали: "Уходите отсюда, мы сами без вас разбе-

ремся". А так отношения были основаны на чувстве страха, как с нашей, так и с их стороны. Если мы идем большой колонной, они только выглядывают из-за дувалов, – и все. Только детишки бегают, эти ничего не боятся...

3. Майор С.Н.Токарев

Ну, какие с местным населением отношения... Торговые они люди, конечно. Идешь, а они кричат: "Что надо? Джинс надо? Дубленка надо? Что надо?" Детвору было жалко. Лет до пяти они, как куклята, такие все симпатичные, черненькие... У меня фотографий много: ты кого-то на руках держишь, и они все такие довольные... Ну, детвора есть детвора.

Город прочесывали и кишлаки прочесывали. Перед этим всегда звуковещательные станции работают: "Мирное население, выйти!" Это делалось, чтобы лишний раз без насилия обходиться: если операция будет, чтобы мирные вышли, а потом мы уже будем стрелять по каждому, кто появится. Мирные выходят, возле машин наших стоят. Прочесали, с оружием никого не нашли... Но уж если они оставались... У меня перед глазами до сих пор такая картина стоит: поработала авиация, и к нашей машине женщина ребенка убитого приносит. "Вот это у меня шестой сын, – говорит. – У меня пятеро сыновей, и все они уйдут в горы бороться против вас." Секретарь партийной организации у нас тогда Леша был, он говорит: "Я не понимаю... Я ничего не понимаю... Я не знаю, что делать... Почему, зачем?" Ведь скомандовала звуковещательная станция: "Все выходите!", а она не вышла с детьми. И поэтому смерть...

С одной стороны, трупы наших солдат, которые изувечены; с другой стороны, они, которых жалко, ну, как цыганята, которые бегают у нас на вокзалах повсюду... Хотя от них в любой момент можно ждать все, что угодно. И тот же пацан с дедом, который закопал мину, – с ним ведь внук был. И один раз, когда мы ночью в засаду пошли: "Смотрите, вот там к утру должна пройти наша колонна". Мы сидим в засаде и смотрим, кто же там обстреливает. А обстреливает, оказывается, дед и тоже с таким же пацаненком. Пацаненок ему заряжает, дед стреляет. В прибор ночного видения было очень хорошо видно...

Поэтому к местному населению, как к братьям, там нельзя было относиться. У них своя культура, свой этнос. В любом случае, они бы нас за братьев или за правоверных не считали и нормальных чувств к нам не испытывали. Ну, а у нас к ним все равно кровожадного отношения не было. Сделал – на, получи; не сделал – ладно, иди, не наше это дело, разбирайтесь сами со своей революцией.

Приложение 3.2.4. Особенности фронтового быта

I. Ответы на вопрос № 22. *Как снабжалась армия (ваше формирование) на войне? Были ли аналоги "наркомовским 100 граммам", офицерским допайкам и т.п.?*

1. Майор В.А.Сокирко

Снабжение было неплохое, что говорить. Кормежка вполне приличная. Помню, однажды приезжала программа "Служу Советскому Союзу" с Лещинским: он приходил, снимал, когда нам арбузы давали. Хорошее было питание.

Доппаек в виде сгущенки и сахара выдавался и солдатам, и офицерам. На боевых – сухпаек. Я где-то даже записывал, что входит в состав горного пайка: баночка сока – яблочного или виноградного, баночка сгущенки, паштет, овощное рагу, мясной суп, галеты... В общем, паек такой, что за день его съесть невозможно, и излишки мы отдавали местным пацанам.

Насчет "наркомовских 100 грамм", – как таковых законных их не было, но, естественно, спирт там пользовался большой популярностью. До повального пьянства дело, конечно, не доходило, но стрессы таким образом снимались, и даже начальники, командиры относились к этому с пониманием. Было только требование, что если вечером люди сели расслабиться, выпить, то утром они должны, как штыки, все равно стоять в строю, а остальное уже не важно.

2. Майор П.А.Попов

Наркомовских 100 грамм не было, это 100%. А то, что мы там были идеальные и никто не пил, это, конечно, тоже понятно... Третий тост за погибших – святое дело. От нас никуда не отнять.

Офицерский доппаек был, но мы, как правило, отдавали его солдатам. Снабжение само по себе было неплохим. Мы не застали того момента, когда, по рассказам тех, кто служил в самом начале, там не было бронежилетов, не было касок. У нас уже было время более позднее, и мы снабжены этим были от и до...

Офицерам выдавали сигареты, два блока "Ростова". Мы ими делились с солдатами. А снабжение... Со снабжением на войне, на самой войне, – конечно, было очень много проблем. О какой-то свежей пище было трудно говорить из-за специфики нашей части. Мы были горные стрелки и выполняли задачи, связанные с горами. Основное снабжение было – караван. Или вертолеты. Но когда появились "Стингеры", ракеты класса "Земля-Воздух", стало очень тяжело, потому что их часто сбивали. Поэтому в основном мы все везли на себе. Караванчик собираем, идем туда, сгружаемся... В боевой обстановке, – тех, кто стоял на броне, еще как-то умудрялись кормить горячей пищей, из походной кухни; а у тех, кто стояли на блоках, на горе, был только сухой паек. Основная проблема была с водой. О том, чтобы помыться или еще что-то сделать, там и разговора не было. Только пить. Воду сбрасывали или в РДВ, или, – дефицит уже был, – из кухни 125-й вытаскивались котлы на 150 литров, их наполняли и туда бросали, потому что были такие точки, где вертолет просто не мог сесть. Почему? Во-первых, его могли сбить, а во-вторых, было слишком высоко: если он сядет, то уже не взлетит.

А по поводу снабжения в целом, тут ничего не скажешь: снабжали очень прилично.

3. Майор С.Н.Токарев

Снабжение на войне. Ну, перловка в основном. Да нет, вообще-то грех жаловаться, потому что есть особенно не хотелось. Трудности были с горным

снаряжением – с липенштоками, с веревками, но чтобы уж совсем мы были необеспечены, тоже не скажешь. В целом снабжение было нормальное.

Ну, а с едой... Свежие продукты возить туда было бесполезно, только консервы. Как-то под Новый год праздник у нас был: завезли кур, гусей, – голландские или еще какие-то. Но из-за того, что там и зимой плюсовая температура, на складе хранить невозможно, холодильника не было, получилось, что два дня на Новый год мы их ели – на завтрак, на обед и на ужин каждому солдату по курице. Так что раз в год баловались этим делом. А так в основном все из консервов.

С едой – нормально. Оружие – практически бесперебойно. Ну, и обмундирование. Были вещи, которые выдавали по два, по три комплекта. Из-за того, что в горы ходили: ни один нормальный комплект одежды не выдерживает два-три восхождения, – одно восхождение максимум. Восхождение, спуск – и от штанов ничего не остается, на локтях ничего не остается... Поэтому для тех, кто в горы ходил, одежду списывали почаще, даже через два месяца выдавали иногда обмундирование. Так что грех жаловаться.

Аналоги с офицерскими допайками... Паек мы там получали. Сигареты невозможно было купить, и нам давали сигареты "Столичные", 20 пачек на один год. Соответственно, высчитывали из зарплаты. Печенье, сгущенка... До сих пор не могу на сгущенку смотреть. Масло давали и консервы, еще кабачковую икру. Вот и доппаек получался. Но самое главное – сигареты.

Аналоги с "наркомовскими 100 граммами"... Никто не выдавал нам 100 грамм, а сами мы, конечно, если торжество какое-то или праздник, находили возможность отметить, хоть это и дорого: все спиртное было контрабандное. В "Военторге" не было... Купить можно было в госпитале или еще где-то. Если кто-то гонит самогон, можно было взять. Но сильного злоупотребления не было... Даже там, где это дело на широкую ногу было поставлено. Старшину одного знали, – у него самогон можно было в любое время дня и ночи купить, ну, и цены соответствовали. Мы получали там по 210 чеков, а бутылка водки 30 чеков стоила. Так что, если только на большой праздник собирали: на День разведчика, на Новый год, на день рождения... Не чаще. В целом не чаще, чем в Союзе. Хотя тут добавлялись поводы специфические: погибшие, приехавшие, отпускники. Ну, а так, чтобы 100 грамм давали перед операцией, – такого не было. С собой на операцию никто никогда не брал, потому что примета плохая...

II. Ответы на вопрос № 23. Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи.

1. Майор В.А.Сокирко

Лагерная жизнь была спокойная и размеренная, почти как в Союзе. Какая-то работа, в обед мы играли в волейбол. А на боевых, естественно, ритм жизни менялся, – было и страшно, и опасно, были и какие-то веселости, – они находились даже в тех условиях. В общем, нормально, – как на войне.

Солдаты в лагере жили в таких же бараках, называемых модулями, как и офицеры. Комнаты там были на десять-двадцать человек, коечки в два яруса. Белье постельное и нательное постоянно обновлялось: за этим очень строго следили. И кормежка... В общем, жаловаться грех: обеспечение было очень хорошее.

2. Майор П.А.Попов

Солдатского быта как такового не было. Хотя мы и жили более-менее прилично. У нас уже были дощатые модули щитовые. Нормально жили. Но вот лично я жил в контейнере. Потому что металлический контейнер пули, осколки не пробивают. Было там, конечно, жарко, но кондиционеры поставят – и более-менее...

Специфика нашей части была в том, что мы очень мало находились в пункте постоянной дислокации, мы все время были на боевых. А там какой быт... В основном все время, которое было свободное, люди использовали для того, чтобы поспать. Спали мы там очень мало.

Трудности там на каждом шагу были – как физические, так и моральные. Но для солдат, именно для солдат, – в большей степени физические. Люди туда попадали в основном неподготовленные. Хорошо, если они прошли учебную переподготовку в близлежащих районах, где специально готовили для Афганистана. А тем, которые приходили напрямую из Союза, было очень тяжело. И очень трудно было добиться психологического понимания, что они должны выполнять то, что должны. Например, разговариваешь с солдатом, объясняешь ему: "Сюда не ходи – можешь подорваться. Туда не ходи – снайпер пристрелит..." То да се... Ну, и раз один солдат пошел фруктов набрать, а ему голову отрезали...

Забавные случаи, конечно, были. Много. По-всякому бывало. Были моменты, когда мы в кишлаки заходили, к нам подбегали старейшины и женщину предлагали за два-три мешка муки... Спасает кому-нибудь жизнь, – из ХАДа, из царандоя, становишься его "кровным братом", приезжаешь к нему домой, – он тебе жену дарит: "Пожалуйста, бери..." Тут такие глаза с перепугу сделаешь... Всякие моменты были.

3. Майор С.Н.Токарев

Про быт, трудности и забавные случаи... Да, много всего интересного. Сейчас вспоминаю это, как самое светлое из того, что было. Может, некоторая идеализация присутствует, – но такой был дух братства, товарищества, настолько все чистое, бескорыстное и светлое, и никаких шкурных вопросов... Уезжаешь в отпуск: "О, у тебя сын, Серега! Сыну передай от меня..." – "И от меня сыну передай..." – "Вот такую и такую штучку передай..." Все остальные ребята попались неженатые, без детей. Я один был женатый и у кого ребенок. И они готовы были последнюю рубашку снять. И для солдат... Солдаты увольнялись, – мы тоже обязательно всем подарки сами покупали.

Ну, а быт был какой: в палатке. В то время начинали уже строить модули для общежития: "О-56", на 56 человек. Столовая была более-менее. Бани в ба-

тальоне не было, туда руки не доходили, хотя в Афгане делом чести каждого командира была нормальная баня. Ну, а в палатке... Зимой – печка, летом – жарко, все проветривается, кровати, как в обыкновенной казарме. Пыль, ветер-"Афганец", который все время дует, вода не особо хорошая, хлорированная сильно... Но так как умельцев много было, в принципе, ниоткуда не задувало. Как временное пристанище мы больше оборудовали свои машины: чтобы где-то в загашнике и картошка лежала, и матрас. Жили-то больше в машинах, когда двигались. А так – деревянные полы из щитов на песке лежат, потом палатка и кровать, а под кроватью – моя сбруя, мое снаряжение. Движок был свой в батальоне, лампочки горели...

Забавные случаи... Да, были. В основном хохмы как эмоциональный выход... Враждовали мы с одной комнатой. В одной мы, разведчики-десантники, а рядом просто разведчики, и они нас зовут "попрыгунчики". Ну, как мы с ними враждовали: детские забавы такие. Самая любимая игра была у взрослых вроде бы людей – это детский настольный хоккей. Это были такие баталии, такие ставки! Потом тараканьи бега устраивали, как в "Беге" показано, – каждый ходит со своим тараканом в кармане, "серый в яблоках Янычар"... Ну, и разные разведческие штучки друг на друге пробовали. У них на стене висит список нашей комнаты, у нас их список висит. И обязательно за день нужно кому-нибудь гадость какую-то сделать, – если не сделать, то день зря прошел. То мы им можем сгущенкой потолок намазать, а там мух столько... То они нам бачок, куда умываются, зубы чистят, могут над дверью повесить, и когда ее открываешь, все это выливается... Ну, и просто проверка реакции. То учебную гранату в зеленый цвет покрасить и бросить в чужую комнату, – кто как отреагирует: кто простыней накрывается, кто газетой... Потому что если собрать мужчин одного возраста, все равно мальчишеские забавы проявятся. И у солдат то же самое. Та же чехарда, те же приколы друг над другом. И чтобы оно ни во что худшее не вылилось, лучше это поощрять. Ведь эмоциональный выход может быть найден и в наркотиках, и во всем остальном. Так что у нас эти приколы, шутки всякие даже поощрялись. Иногда даже провоцировались – как элемент психологической разрядки. Тогда я этого не понимал, но где-то интуитивно доходило. Забавные случаи в основном и связаны с этими розыгрышами. На тараканьи бега весь батальон приходил смотреть. По радиостанции друг другу сказать что-то "приятное" – святое дело... У каждого клички интересные были: "Круглый", "Фужер". Сами себе позывные подбирали. Рота перед ротой изошрялась: "Гурзуф", "Хмель", "Якорь" – это одна рота морская была. Собственные ритуалы выдумывались. Полет фантазии был большой... Забавных случаев на каждый день хватало. Потому что без смеха там невозможно. Это сильнейший элемент защиты, который там срабатывал. Самое лучшее лекарство от монотонности и от тягостных мыслей, которые могли возникнуть.

III. Ответы на вопрос № 25. *Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?*

1. Майор В.А.Сокирко

Отдыхали мы, естественно, в лагере, на базе, потому что на боевых речи о каком-то отдыхе быть не могло. Там были часы привала, когда мы тоже старались как-то скрасить свой быт. Помню, был такой забавный случай, когда в одном из прочесываемых кишлаков мы поймали живую курицу. Местные жители из кишлака ушли, унесли наиболее ценные вещи, угнали скот. А куры, – их с собой не заберешь, днем в сарай загнать тоже трудно, – в общем, они стали нашей добычей... И вот одну мы поймали и притащили с собой в горы, на тот блок, где располагались, и где-то недели две она у нас жила, привязанная за ногу. Ей и ящик специальный построили. Она у нас [дозорную] службу несла, особенно по ночам, когда шакалы подбираются банками погреметь из-под сухого пайка. Она тут же начинала кудахтать, бить крыльями, – в общем, несла службу, за что ей и продлили жизнь.

Еще [во время похода] мы умудрялись из муки, какого-нибудь жира, выколупанного из тушенки, на саперной лопатке жарить подобие беляшей, каких-то лепешек... Делали даже торт в каске – из смеси размолотого печенья, масла и сгущенки.

А на базе у нас было два клуба, потому что городок был большой. Два клуба, бани... Пожалуй, особая статья солдатской жизни – это бани: и любимое развлечение, и место, где можно скрасить свой быт. Причем, каждая часть считала своим долгом отгрохать хорошую баньку, сауну с бассейном. Вот уж где можно снять и усталость, и стрессы. Да и невозможно без бани было, потому что пыль постоянная. Ну, а так устраивали попойки офицерские по случаю: день рождения, вручение кому-то награды, возвращение из отпуска ребят. И без песен, естественно, не обходилось. У нас был штатный баянист и гитарист. А любимая песня – "Как-то шел сатана, сатана скучал..." – это из "Бумбараша", она была наиболее популярна. Хотя то, что пели в Союзе, то и мы, наверное, пели. Но особое предпочтение отдавалось песням "Дорогие мои старики", "Чистые пруды", – что-то такое лирическое. Но и задорное, как этот "Сатана", тоже. Хоровое пение устраивалось тут же. А афганские песни, – их мы слушали по магнитофону, может, потому что в нашей компании никто не был наделен особым талантом, чтобы эти песни исполнять. И мы их больше любили слушать.

2. Майор П.А.Попов

Минуты отдыха – таковых было, конечно, мало. Если идешь на операцию, какой там отдых. А приходишь с операции, – дают тебе три дня, в лучшем случае – четыре. Быстренько сдали все, что было, получили новое, доукомплектовались, заправились – и по новой.

Был у нас случай на Алихеле, в мае 1988-го года. Мы пришли 15-го числа, а как раз начался вывод, подписали договор... Нас тут же в течении полу-

тора часов перевооружили, добавили боеприпасов, оружия, личного состава, – и выкинули на дорогу. И получилось так, что мы на операции пробыли полтора месяца и еще месяца полтора простояли на дороге.

Бывали моменты, когда мы не спали сутками – двое, трое, четверо суток, жили на биостимуляторах, на синдокарпе, в основном только так. А все свободное время использовали для того, чтобы поспать. Только для этого.

Какие были развлечения... Конечно, мы не идеальные люди, – книжки там никто не читал, это понятно. Телевизоры у нас были, магнитофоны были. К тому времени нас уже снабжали нормально, мы брали кассеты, собирались с ребятами посмотреть какой-нибудь фильм.

По поводу песен. У нас уже были гимны Афганистана. К тому времени уже и группы были такие, как "Каскад", потом "Голубые береты". В основном эти песни слушали. И конечно, надо сказать спасибо высшему командованию, особенно политотделу: к нам приезжало очень много артистов. Лично я, например, познакомился с Кабзоном, с Эдитой Пьехой, с Броневицкой... С "Синей птицей" вообще братьями стали: когда мы их в Баграм повезли, их по дороге обстреляли. Они сразу после этого развернулись и прервали свое турне. (Смеется.) Леонтьева я там видел. А с Розенбаумом вообще сидели за одним столом двое суток. У меня даже есть фотография, на ней написано: "Паше от Саши. Спасибо за тепло"... В основном, конечно, слушали песни Розенбаума. А его "Черный тюльпан" вообще стал гимном Афганистана.

3. Майор С.Н.Токарев

Минуты отдыха... Я уже рассказывал, чем мы занимались в свободное время. Зачастую, правда, бывало, что там ни до отдыха, ни до развлечений, ни до чего. Всю зиму получалось так, что мы приезжали [с операции] утром, успевали даже не постирать, а бросить грязное белье, в лучшем случае помыться, – и тут же получали новую задачу и уезжали. Через день были засады, поиски, вся зима так прошла. Так что иногда и отдыхать не приходилось. А вот где-то поспать – дело святое. За это и командиры не ругались... Особенно такое отношение было к водителям: как только остановились, тут же все начинают обслуживать машину, чтобы дать ему возможность поспать. И он тут же ложится, спит... Взаимозаменяемость нормальная была – любой другой мог машину водить.

Когда нормальная обстановка, два-три дня есть – можно отоспаться. Четыре дня – обслуживание техники идет, боеприпасы пополняют, штопают кто что может. Ну, а поспать всегда давали по возможности столько, сколько надо. У меня только один был такой рекорд – 2,5 суток не спал... И потом – тяжело.

Песни – это уже традиция была. Афганских песен самих по себе много. А у нас там и гимн батальона был, и гимн роты. И традиция – перед каждой операцией, если крупная, дивизионная или армейская, – обязательно "Миллион алых роз" все послушают, посидят. Может быть, это и странно, но в той обстановке самая популярная песня была "Снег кружится, летает и тает". И "Старинные часы" Пугачевские. Может, это как раз было время их популярности, – но нам эти песни наиболее близкими казались. Замкомандира роты вообще

мог "Снег" без конца слушать, – только песня заканчивается, он пластинку переворачивает и снова ставит, и так несколько часов каждый день.

Приложение 3.2.5. Проблема выхода из войны и посттравматический синдром

I. Ответы на вопрос № 30. *Как вас встречали на Родине после войны? Какое было отношение к ветеранам? Какое отношение к ним сейчас?*

1. Майор В.А.Сокирко

Как дома встречали... Ну, родители – это понятно. Друзья – даже с какой-то гордостью, что наш однокурсник или одноклассник побывал в Афганистане, приехал, герой... Мы выводились всей дивизией, приехали в Витебск, все "афганцы". Встречали нас хорошо, особенно слабая половина человечества, женщины, – душевно. Гвардейцы-десантники вернулись в Витебск, "афганцы"... Самое благожелательное было отношение. А как теперь обзывают "афганцев": "Вы убийцы" или еще что-нибудь, – этого не было. Сами мы между собой шутили, что встретимся на втором Нюрнбергском процессе в Кабуле, но это, конечно, в шутку.

2. Майор П.А.Попов

Нам пришлось особенно трудно, потому что был уже конец войны, когда все все знали. Поэтому нам там было намного тяжелей, чем тем, кто воевал в начале. Офицерскому составу заставлять солдат идти на смерть было тяжелее. Раньше я своим говорил: "Выполняем интернациональный долг. Вы сами прекрасно видите, – если мы отсюда уйдем, тут будет резня..." Что сейчас фактически там и происходит. От Кабула камня на камне не осталось. А вот когда произошли эти все события, когда уже напрямую было заявлено, что Афганистан – политическая ошибка, и плюс ко всему по телевизору выступал Сахаров и говорил, что мы сами расстреливали там своих ребят, которых в котел зажимали... Иногда были такие моменты, когда самому не хотелось идти что-то делать. Брошенные, никому не нужные...

И основной вопрос, который который будоражил людей, с идеологической точки зрения, – это когда многие офицеры ко мне подходили, прапорщики, сержанты, солдаты, и говорили: "Слушай, вот мы придем в Союз, – как нас там будут называть?" Это был основной вопрос: как нас встретят на Родине. Потому что эта война была объявлена политической ошибкой. Что же тогда получается, – что мы жертвы политической ошибки? Само сознание этого было очень тяжелое...

По поводу встречи, как сейчас помню: мы пришли вечером, нам дали сутки на то, чтобы сдать все предметы, которые не подлежат провозу за границу, и на то, чтобы почиститься, помыться, побриться, одеть свои награды. Запомнился момент: я подъезжаю к мосту, где стоял Громов. Предлагали посадить его на

БМП, провезти, – он говорит: "Ребята, я сам". И вот через весь мост он шел пешком...

Встретили нас очень здорово. Оркестры, масса народу, огромное количество журналистов. Народу было просто море. Меня, например, жена встретила. Приехала из Союза. А вот дальше... Дальше был, конечно, ужас. Представьте, вышел полк. Около полутора тысяч человек. Последний день... Мы вышли как герои Афганистана – люди, которые принимали участие в боевых операциях. Сам вывод, пересечение границы через мост было продумано, а вот в дальнейшем нас просто бросили на произвол судьбы. Людей, которые там провоевали два года, даже больше, из Термеза отправили в Уч-Кызыл, это порядка 15 км от Термеза. Пустыня, февраль месяц. Мы жили в палатках. Дров было очень мало, рубили ящики из-под снарядов. Приехали жены, родители, – а где их размещать? Я, например, со своей женой жил в кунге. Мы его с собой вытащили. Питались сухим пайком, который вывезли с собой. У нас было очень мало воды. И таким вот образом мы простояли в Уч-Кызыле около полутора месяцев. И, что самое парадоксальное, нам сказали, что "Ваш полк подлежит расформированию". И 70% офицеров и прапорщиков собирались оставить служить на границе! А хотели мы или нет, никого не интересовало... У нас там были беседы с кадровиками, где произносились и такие слова: "Я вас в Афганистан не посылал, ребята..." Разочарование было, конечно, дикое. Очень многие ребята написали рапорта на увольнение. Кому охота менять шило на мыло с той лишь разницей, что не стреляют...

Тех, кто попал в другие округа, было очень мало. У нас спрашивали официально: "Куда вы хотите заместиться по окончании службы в Афганистане?" Мы написали: кто туда, кто туда... Но тех, кто попал на свои места, оказалось очень мало. Из моего полка основная масса осталась продолжать службу там...

Какое отношение было к ветеранам? Поначалу какое-то было. А вот сейчас – никакого отношения. У меня есть знакомые парни, которые лежат в реабилитационном центре без двух ног, без двух рук, – так мы им сами собирались, покупали коляски, – потому что государство не могло их обеспечить. Очень многие сейчас не могут решить вопрос с квартирой. А когда они достают свою корочку [удостоверение], показывают: "Я вот, например, участник", – вообще марзматическое отношение. Или примеры с теми же очередями: тыходишь к кассе, тебе надо взять билет, ты имеешь право, у тебя есть льготы. Ты протягиваешь эту корку, просишь разрешения: "Простите..." В лучшем случае, тебя матом пошлют. Хорошо, если не набьют морду. Такое вот отношение. Мы уже как-то свыклись с этим. Иногда проскальзывало даже с высоких трибун, что мы наемники, убийцы, фашисты... Было и такое.

3. Майор С.Н.Токарев

Как встречали на Родине после войны... Тут сейчас расхожее мнение: "Все для вас... Я вас в Афганистан не посылал..." Тяжело было, адаптация была тяжелая в плане того, что где-то хочется и льготой воспользоваться, но самому ее просить не хочется: хочется какого-то признания. Я вернулся в 1984 году, еще мало было "афганцев", и в армии особо разговоров о них не было.

Конечно, хотелось большего внимания, большего уважения. Но работал основной принцип "здесь и теперь": "Ты сейчас здесь, давай-ка забывай про все это..." Так ненавязчиво давали понять... Но к этому надо было правильно относиться.

Тяжелая адаптация была в течение полугода, – потому что и психологическая адаптация шла очень тяжело. Как бы там ни было, а все, кто там побывал, – это посттравматики. Трудно было по улице ходить, скопление народа тяжело влияло. По улице идешь – сначала по крышам смотришь, надо за угол завернуть – сначала заглянешь, потом поворачиваешь. Выхлоп машины – чуть ли не кидаешься на газон: он как выстрел. Неадекватность реакции полная... Ну, а потом потихоньку новые правила игры воспринимаешь, приходится... У меня адаптация месяцев за восемь прошла: снова потянулся к жизни, интересная работа появилась, – а когда деятельность началась активная, тогда и адаптация пошла полегче, и негативных моментов поменьше стало.

Отношение к ветеранам... В любом случае хочется более чуткого отношения. А как сейчас... Я просто стараюсь лишний раз не напоминать об этом. Если подумают сами, то да. Если нет, стараюсь свои заслуги не выпячивать. Потому что сейчас посттравматиков, таких, как "афганцы", много других появилось – это и приднестровцы, и любой локальный конфликт, и черныбыльцы... Столько событий... Можно сказать, что все население у нас сейчас – посттравматики. Поэтому старая психологическая травма уже не так заметна. Не то, чтобы можно закалиться и привыкнуть к ним, это вряд ли, – но более свежая травма сильнее болит, – и поэтому наша, афганская, уже немножко на задний план уходит. Хотелось бы как-то самому про нее забыть, но так, чтобы другие не забывали. Этим я, наверное, выражу общее мнение "афганцев".

II. Ответы на вопрос № 31. *Что такое война – для вас? Знакомо ли вам чувство "фронтальной ностальгии"? Мучают ли вас воспоминания, военные сны?*

1. Майор В.А.Сокирко

Насчет ностальгии... Да, когда включаешь кассету с афганскими песнями, воспоминания наплывают и слезы на глазах наворачиваются. Я поэтому не люблю, если в какой-то компании, когда много народу, включают магнитофон и звучит песня афганская, которая мне о чем-то напоминает, вызывает сильные эмоции, ощущения, а люди в это время поднимают очередную рюмку или рассказывают анекдот. Поэтому я либо прошу выключить, либо ухожу в другую комнату. А лучше всего – это, конечно, в одиночестве...

О снах... Раньше были какие-то сны, не конкретные воспоминания, а вообще – абстрактные, об Афганистане. Сейчас все реже и реже... Я уже не помню, когда в последний раз снилось...

2. Майор П.А.Попов

Военные сны меня до сих пор мучают. Первое время, где-то около года, жена моя боялась спать со мной. Потому что у меня была контузия в 88-м году, и были моменты, когда я, например, захожу в бригаду, вижу БМП или БТР, – и все, я уже там, я уже стреляю, я уже воюю... Вот мы сейчас поговорили с вами тихо, мирно, спокойно, и я уверен, что сегодня ночью пойду в атаку, –

это уже железно, на 100 %. Сколько раз я просыпался, упершись головой в стену, автомат искал под кроватью... Это всем знакомо.

Воспоминания, конечно, мучают. А в первый год, – это любой человек скажет, может быть, за редким исключением, – в первый год фронтовая ностальгия. Хотелось все бросить и туда уехать. Там не было такого, как здесь. Там люди были другого склада. Меньше было подлости, меньше было предательства. Там на самом деле тебе подставляли плечо...

Что такое война для меня? Если бы мне, например, сказали до Афганистана, что "Паша, вот ты пойдешь на войну и сможешь убивать людей", – я бы никогда не поверил. Есть определенный контингент людей, которые могут сказать, что это – "проверка на мужество", "возможность испытать себя в экстремальных условиях". Да, с определенной точки зрения, может быть, это и приемлемо, но для большинства людей – нет. В любом случае, это – ужас. Там из тебя за год выжимается фактически все. Остается одна прямая линия: "Приказано выжить!" И, что самое главное, сохранить тех людей, которые за тобой, потому что у них есть матери, жены, дети... Но есть такие люди, которые не мыслят себя вне войны, но, как правило, они не считаются ни с чем: "После нас хоть потоп!" И это самое страшное.

Я считаю, что любая война, любой военный конфликт, – ненормален по сути своей. Лучше бы, конечно, этого было избежать. Хотя, с чисто профессиональной точки зрения, то, чем я был раньше, и то, что я сейчас, – это небо и земля.

3. Майор С.Н.Токарев

Первые полгода сны были военные. Воевал я чуть-чуть, потом прекратилось. "Прикрой, я отхожу!" – по ночам пару раз кричал, жена говорила, что это Геша меня прикрывать должен был. Через полгода сны прошли, сейчас нет.

"Фронтовая ностальгия"... Ну, как же... Особенно первые года полтора, – чуть что непонятно: "Все! Уезжаю в Афганистан. Там было все проще! Там было все лучше!.." Потому что начали спрашивать за другую работу, а я привык работать с людьми, там, где у меня была большая значимость, со мной считался командир дивизии, когда ставил задачу. Со мной, как с человеком, считались. А приезжаешь в Союз – другой вид работы, где-то и черновая, и кропотливая, боевой работы нет, а критерии оценки твоей значимости уже совсем другие. Уже казалось с той точки зрения, что ненужные формальности исполняешь. Как это можно: где какой протокол написан, как бордюры покрашены... Там этому внимания не уделялось вообще, был только критерий человеческой ценности: "Можешь или не можешь что-то сделать". А здесь критерии другие, показатели другие, и из-за этого было, может быть, немножко больно. Поэтому и ностальгия такая: "Все! Уезжаю!"

Или семейные отношения, – первые полгода тоже очень тяжело было. Надо женам памятник ставить за то, что они терпели эти первые полгода после возвращения из Афганистана, – когда приехал герой, а его "не поняли". И чуть что ни так, вспылит, накричал... Практически у всех, с кем ни поговоришь, именно так происходит первые полгода.

Война сама по себе... Что такое война для вас... Не хочу я в ней участвовать никогда. Но та обстановка, которая там сложилась, – вот в нее бы окунаться, как в поддержку какую-то, – этого хотелось бы. Именно для этого общества "афганцев" и нужны. Но не просто "афганцев", потому что каждый очень ревностно относится к своим личным воспоминаниям, не общая организация, а вот если поставить дело так, как у ветеранов Отечественной войны: вот, например, такой-то батальон и встречаются те, кто там служил. А так, когда общий клуб "афганцев", каждый будет ревностно доказывать, что "Я больше "афганец", чем он". Этот феномен вполне объясним. И 15 февраля, когда ребята собираются, если кого-то из своих встретишь, все перед глазами происходит. И песня афганская, и вся обстановка здорово влияет...

III. Ответы на вопрос № 32. *Как вы относитесь ко всему этому теперь, спустя столько лет? Как шел процесс переосмысления, переоценки прошлого?*

1. Майор В.А.Сокирко

В общем-то, я не жалею о том, что было. Все-таки, несмотря ни на что, Афганистан был хорошей школой для нашей армии. Может, это прозвучит жестоко по отношению к тем людям, которые погибли, но 15 тысяч человек за 10 лет... У нас только по Москве в автокатастрофах больше погибло. Хотя жаль, конечно, любого погибшего, можно было бы все отдать, чтобы не было потерь... А для армии – это была школа, приобретение действительно боевого опыта, даже для проверки каких-то своих чувств. Вот сейчас офицеры-"афганцы" очень сильно шагнули вперед в военной карьере – в том плане, что у них особое мышление, тактическое мастерство. Ну, может, это мне так кажется только. Но раз уж мы туда попали, – не вдаваясь в политические предпосылки, почему там оказались наши войска, – раз уж оказались, то старались делать все, что нужно.

2. Майор П.А.Попов

Как отношусь ко всему этому теперь, спустя столько лет? Ну, прошло не так уж и много лет, во всяком случае, для меня. Я отношусь к этому с огромной болью – за тех ребят, которые уже никогда не будут со мной сидеть... А процесс переосмысления, переоценки произошел у меня года два – два с половиной спустя после всего этого. Просто я понял, что еще смогу жить в Союзе, в нормальной обстановке, нормальной жизнью, и, в общем-то, я полноценный член общества... А вот в первое время, когда вышел оттуда, я боялся, что уже не смогу жить без войны... Люди привыкают ходить по лезвию бритвы, постоянно это чувство опасности, которое тебя преследует. А здесь я не находил этого ощущения... Ну, и очень тяжело этот процесс проходил. Для многих моих знакомых, для многих моих друзей или братьев, с которыми я там воевал, он прошел очень болезненно – они начали пить. Просто сломались. Многие и наркотики принимают, и курят... Ну, что тут сделаешь... Я их не осуждаю. Просто я видел, что эти люди пережили, и не могу их осуждать. Но считаю, что у меня процесс переосмысления уже прошел. И если мне зададут вопрос, захотел бы я еще раз, вот сейчас, в настоящий момент, туда поехать, я однозначно скажу: "Нет! Я не хочу больше воевать." Для меня это так. Не знаю, как для других.

3. Майор С.Н.Токарев

Воевать снова я бы не хотел. А вот просто актуализация воспоминаний, – чтобы снова окунуться в ту обстановку, – она нужна только с теми, кто был рядом. У меня в этом плане счастливая возможность: я знаю, где находятся все друзья, которые там были, и со многими сейчас встречаюсь... Погружение в собственные воспоминания хорошую разрядку дает...

IV. Ответы на вопрос № 34. Как повлияло участие в войне на вашу дальнейшую жизнь?

1. Майор В.А.Сокирко

Афганистан – он на мою жизнь никак не повлиял. В том плане, что на карьере или на учебе это не отразилось. В психическом и моральном плане я остался точно таким же. И сейчас, если бы воспоминания об Афганистане не омрачались горечью от того, что погибли ребята, – можно было бы даже сказать, что [он оставил] приятные впечатления...

2. Майор П.А.Попов

Как повлияло участие в войне на мою дальнейшую жизнь? Единственное, что я понял на этой войне, и она мне очень помогла в этом отношении, – я там к этому привык, меня там этому учили, – что нет слова "не могу", а есть слово "надо". Это основное, что я для себя вынес, и основное, что на меня повлияло... Сначала должно быть дело, а потом уже все остальные твои амбиции... Выполнить свое дело, каких бы усилий тебе это ни стоило, – а потом уже все другое. Там была экстремальная обстановка, но мы не были там пастухами. Я прихожу с боевых и вызываю не офицеров своих, а сержантов и солдат, и говорю: "Петров, Иванов, Сидоров, – сделать вот это, вот это, вот это." И я не иду проверять! Я уже знаю на 100%, что все будет сделано от и до... То есть люди там привыкают к профессионализму. Это слово "надо" было ключевое. Там от этого зависела жизнь.

А здесь мы не в такой экстремальной обстановке, и все думают, что если ты не придешь куда-то или что-то не сделаешь, это на тебя не повлияет. И расслабляются. Просто люди не готовы, они внутренне не подготовили себя к тому, чтобы служить сейчас, в такой обстановке... А если бы большинство наших офицеров и не только офицеров, а просто людей, привыкли к этому [слову "надо"], мы бы жили гораздо проще, – и в нашей части, и вообще в жизни.

3. Майор С.Н.Токарев

Как повлияло участие в войне на дальнейшую жизнь... В принципе, никак не повлияло. Может быть, немного с другой стороны на некоторые вещи смотришь, шкала ценностей несколько поменялась. Может, сама по себе жизнь стала представляться большей ценностью. А так ни льготами, ни заслугами никакими я не пользуюсь. И в Академию поступал по очереди, по порядку, по конкурсу... Ну, в льготную очередь на квартиру поставили, – неизвестно, ко-

гда это будет. А в чем еще могло повлиять? Пожалуй, в порядке принятия каких-то решений, осмысления обстановки и создания этой новой ценностной шкалы: в том, что действительно сама по себе жизнь стала представляться большей ценностью. А во внутреннем осмыслении себя самого война, пожалуй, только отрицательную роль сыграла, – все-таки где-то посттравматика сказывается...

Словарь

бакшиш - подарок
бача - мальчик
бур - английская винтовка
декханин - крестьянин
джихад - священная война
душман - враг
дукан - лавка
кафир - неверный, немусульманин
кишлак - селение
киризы - подземная система орошения
лашкара - ополчение
моджахед - борец за веру
сарбоз - солдат
царандой - милиция, внутренние войска
шурави - советский
ХАД - органы безопасности
хальк и парчам - фракции НДПА
(Народно-Демократической
Партии Афганистана)

АН-12 - грузовой самолет
БМП - боевая машина пехоты
БРДМ - боевая разведывательно-десантная машина
БТР - бронетранспортер
РС - реактивный снаряд
РДВ - прорезиненный мешок типа бурдюка

СПИСОК АРХИВОВ И АРХИВНЫХ ФОНДОВ

1. РГВИА – Российский Государственный Военно-Исторический Архив.

Фонд. 2019. Штаб Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, 1914-1915 гг.

Опись 1.

Дело 505. Опросные листы военнопленных и переписка разведывательного характера штаба XII-й армии.

Дело 516. Сводки X-й армии по разведывательному отделению, 1915 г.

Дело 525. Материалы разведывательного отделения. Иностранная печать.

Дело 533. Материалы опроса пленных Штабом Северо-Западного фронта, 1914 г.

Дело 535. Опросные листы военнопленных.

Дело 642. Дневник и письма капитана фон Бессера.

Дело 644. Дневники военнопленных и убитых германцев, 1914-1915 гг.

Дело 654. Солдатские письма, найденные у захваченных в плен германцев.

Дело 730. Газета "Вестник X-й Армии", май 1915 г.

Дело 732. Газета "Наш вестник", июль 1915 г.

Фонд 2020. Канцелярия Главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта, 1914-1915 гг.

Опись 1. *Дело 148.* Дело о генерал-майоре В.П.Форселе.

2. ЦАМО РФ – Центральный Архив Министерства обороны Российской Федерации.

Фонд 372. Политотдел 19-й Армии Карельского фронта, 1942-1945.

Опись 6570.

Дела 46, 51, 76, 78. Донесения политотделов частей и соединений 19-й армии. Еженедельные сводки о партийно-политической работе и политико-моральном состоянии личного состава.

3. ЦДНА при МГИАИ – Центр Документации "Народный Архив" при Московском Государственном Историко-Архивном институте.

Фонд 196. Письма, адресованные Е.И.Огневой.

Опись 1.

Ед. хр. 61. Письма И.И.Чернецова с фронта, 1914-1915 гг.

Ед. хр. 62. Письма И.И.Чернецова из лагеря военнопленных в Восточной Пруссии, 1915-1918 гг.

Фонд 118. Сынгаевские-Жиглинские. Семейная переписка 1896-1918 гг.

Опись 1. *Ед. хр. 12.* Письма с фронта А.Н.Жиглинского, 1916 г.

4. БГМИ ВОВ – Белорусский Государственный Музей Истории Великой Отечественной войны.

Инв. 36792. Дневник летчицы Г.И.Докутович, 1943 г.

5. МБС ИФ МГУ – Музей боевой славы Исторического факультета МГУ.

Личный фонд Ю.И.Каминского. Письма с фронта, 1942 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. РОССИЙСКИЕ КОМБАТАНТЫ В ВОЙНАХ XX ВЕКА (Методологические и методические проблемы сравнительного историко-психологического анализа)</i>	11
1. Война как историко-психологическая проблема: ключевые понятия и предмет изучения	11
2. Война - экстремальная ситуация. (Солдатский фатализм и отношение к смерти.)	14
3. Фронтной быт	21
4. Проблема выхода из войны	26
5. Малая война - большие проблемы. ("Афганский синдром")	29
<i>Глава II. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА КАК ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА</i>	36
1. Образ врага как предмет историко-психологического исследования. (Проблема "свой-чужой" в условиях войны)	36
2. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны	40
3. Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны	47
4. Образ врага в сознании участников двух мировых войн: общее и особенное	63
5. Исламское общество Афганистана глазами воинов-"афганцев"	67
<i>Глава III. РЕЛИГИОЗНОСТЬ НА ВОЙНЕ</i>	76
1. Вера и атеизм на войне как социально-психологическая проблема	76
2. Солдатские суеверия как форма бытовой религиозности	80
<i>Глава IV. ЖЕНЩИНА НА ВОЙНЕ - ФЕНОМЕН XX ВЕКА</i>	86
1. Дореволюционная ситуация: исключение из правил	86
2. Советская эпоха: от равноправия в мирной жизни к равенству на войне	90
3. Афганский опыт и современность: эволюция феномена	95
<i>Заключение</i>	98

<i>Примечания</i>	102
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ	
I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914-1918	110
<i>Приложение 1.1.</i> А.Н.Жиглинский. "Я горд тем, что могу быть полезен России" (<i>Письма русского офицера</i>)	110
<i>Приложение 1.2.</i> И.И.Чернецов. "Рождество нам придется встречать на передних позициях" (<i>Письма с фронта Первой мировой войны</i>)	135
<i>Приложение 1.3.</i> Дело генерала Форсея	144
<i>Приложение 1.4.</i> Корнет бежит на фронт	156
II. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945	161
<i>Приложение 2.1.</i> Ю.И.Каминский. "Здесь больше земляники, чем огня..." (<i>Фронтовые письма</i>)	161
<i>Приложение 2.2.</i> Г.Т.Мироненко. Из дневника стрелка-радиста	173
III. АФГАНСКАЯ ВОЙНА 1979-1989	197
<i>Приложение 3.1.</i> Программа историко-психологического обследования участников войны в Афганистане. Вопросы для интервью с участниками вооруженных конфликтов XX века	197
<i>Приложение 3.2.</i> Выдержки из интервью с участниками афганской войны	201
3.2.1. Сведения о респондентах	202
3.2.2. Война как экстремальная ситуация	203
3.2.3. Формирование образа врага и отношение к нему	207
3.2.4. Особенности фронтового быта	214
3.2.5. Проблема выхода из войны и посттравматический синдром	221
<i>Словарь</i>	228
<i>Список архивов</i>	229

Елена Спартаковна Сенявская
ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ
Историко-психологические очерки

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать .01.97. Формат 60x84/16. Заказ № .
Тираж 300 экз. п.л. уч.-изд.л. Цена договорная.

ЛР № 020768 от 15.04.93 г.
Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19